

ДРУГИЕ
МИРЫ

Олеся Стаховская

АФАНАСЬЕВА,
СТОЙ!

Annotation

Привычный мир перевернулся с ног на голову. По городу спокойно разгуливают упыри, кикиморы организуют производство подделок известных мировых брендов, а красавец-коллега оказывается инкубом и всерьез намерен жениться на тебе. От такого многообразия видов впору сойти с ума, но трезвый рассудок и холодный расчет нам еще понадобятся. Должен же кто-то раскрывать преступления и выводить нечисть на чистую воду.

- [Олеся Владимировна Стаховская](#)

-
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)

- [12](#)

Олеся Владимировна Стаховская Афанасьева, стой!

*Все персонажи и события являются
вымышленными, любые совпадения случайны.*

© Олеся Стаховская, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Глава 1

Прекрасный Принц

В лоб прилетел комок офисной бумаги. В мой, между прочим, лоб. Кое-кто пытался привлечь моё внимание, и по детсадовским выходкам несложно было догадаться, кто именно.

– Афанасьева, выйди из сумрака, – раздалось над ухом.

Со вздохом отлепилась от монитора и клавиатуры. Мне позарез нужно закончить этот договор до одиннадцати. Я ради него на работу пришла на час раньше.

– Алексеев, ты обалдел?! Видишь же, что я занята.

Брутальный обладатель бугристых дельт, бицепсов и трицепсов нависал над моим креслом, давя массой и тестостероном. Я судорожно сглотнула слюну. Но вида не подала. Чтобы не зазнавался. Парень вообще-то был очень даже в моём вкусе, но, к сожалению, эти вкусы разделяла вся женская половина офиса.

Знакомьтесь, наш айтишник, хоть по нему так сразу и не скажешь, Семён Алексеев. Или Алексей Семёнов? Постоянно путаю.

– Знаешь, Афанасьева, вот это было обидно. Мы с тобой три месяца в одном кабинете работаем. Могла бы уже запомнить мою фамилию. Семёнов я! Се! Мё! Нов! Что сложного-то?

Я с сомнением посмотрела на Семёнова-Алексеева. С него станется меня разыграть. Не раз уже становилась жертвой его дебильных подколов, но так и не научилась понимать, когда он говорит серьёзно, а когда издевается.

– Здорово, Лёха, – протянул Семёнову (все-таки Семёнову) руку мой сокамерник Костик. Мы с ним вджобываем в одном отделе. Сидим рядом.

Но вернемся к Семёнову. Так вот, позвольте представить Алексея Семёнова – любимца женщин, остряка и балагура, адепта физической культуры, который после работы регулярно посещает качалку, что самым приятным женскому глазу образом отражается на его фигуре. Татуированная мускулатура бугрится и перекачивается под обтягивающими торс футболками. Семёнов принципиально игнорирует офисный дресс-код и щеголяет в джинсах и рубашках поло

или тех самых приснопамятных футболках, благодаря которым взгляд на рельеф его тела вызывает головокружение. Добавьте улыбку плейбоя, сумасшедшую харизму, и всё, особо впечатлительных дам можно выносить.

Возле Семёнова, что неудивительно, постоянно крутятся офисные девицы. Я тоже в своё время попыталась завоевать его внимание, но отступила. Не смогла пробиться в партер, поэтому вынуждена была наблюдать с балкона третьего яруса за тем, как вокруг него кружат акульки плавники наших девчат. Семёнов каждый божий день подтверждает истину, что красивый мужчина – общая собственность. Я делиться с детства не люблю, особенно мужчинами, поэтому решила отказаться от завоевания неприступной твердыни. Твердыня, похоже, была не в курсе моих территориальных притязаний. В общем, с Семёновым мы уживаемся вполне мирно. Он никогда не мечтал обо мне. Я больше не мечтаю о нём.

– Семёнов, чего тебе?

– Пойдём-ка покурим-ка, – лениво предложил альфа-самец нашего опен-спейса.

– Некогда, – бросила я, погружаясь в текст.

– Афанасьеваааа, – томно пропел Семёнов, развернув моё кресло так, что я упёрлась взглядом в его ремень и мышечную массу над ним, грамотно подчеркнутую белым хлопком.

Немного подвисла, очарованная видом, но довольно быстро вернулась в реальность, на каменных скрижалях которой было высечено: «Закатай, тебе не светит».

– Семёнов, имей совесть! Я не пойду курить. Во-первых, у меня срочная работа, во-вторых, устала слушать просроченные анекдоты, а в-третьих, ещё не завтракала. Ты же не хочешь, чтобы я сползла по стеночке в курилке?

– Язва.

Семёнов отлепился от моего кресла и затерялся в просторах опен-спейса. Вскоре, однако, вернулся, возложив на край стола добычу: круассан и пластиковый стаканчик с латте.

– Жуй, жертва офисного произвола, – великодушно предложил айтишник.

– Благодарствую, барин, – кивнула я и отхлебнула кофе.

Не стоит думать, что Семёнов ухаживает за мной. Вовсе нет. Просто он любит женщин и обожает доставлять им маленькие радости. Так что облагодетельствовать кофе из аппарата и плюшкой может каждую. Это ещё одна причина, по которой все наши дамочки млеют от айтишника. Но даже такая забота приятна. Костик, например, не способен на что-то большее, чем занять очередь в столовой.

— Нееет, этого мало, — задумчиво протянул парень в ответ на мою благодарность.

— Я думала, ты бескорыстный, — вздохнула я. — Ладно, говори, что надо.

— Выходи за меня, — и смотрит так ехидненько.

— Зачем тебе жениться, Семёнов? У тебя же есть российское гражданство.

Семёнов хмыкнул и отстал, благо в проходе возникла Ларочка — секретарь вице-президента. Она порхала в нашу сторону, точнее, в сторону нашего айтишника. Нужды посещать галеры опен-спейса у Ларочки, в принципе, нет. Она — белая кость, голубая кровь. Сидит в отдельном кабинете — в приёмной. В её распоряжении свежий воздух из собственного окна и полная тишина. Тишину она, впрочем, не особо уважает. В приёмной постоянно тренькает какая-то попса. Ларочка пытается охмурить Семёнова с первого дня его появления в офисе. Пока безуспешно. Но она не сдаётся.

Ларочка — красавица. Посещает дорогой фитнес-клуб, не менее дорогого парикмахера и косметолога. В общем, раздражает меня безупречными внешними данными. Сейчас вернулись в моду короткие топики, и по пятницам, в день отдыха от строгости дресс-кода, Ларочка демонстрирует свои достижения на поприще фитнеса. Типичная фитоняшка. Да, это чёрная зависть.

Лично у меня на себя не хватает ни времени, ни средств. До зарплаты пять дней, а деньги уже почти закончились. В принципе, человек способен прожить без пищи двадцать дней, стало быть, у меня есть все шансы дотянуть до конца недели и не склеить ласты. К слову, о ластах. Мой левый ботинок потерял подкову. Набойку в смысле. Цокала я сегодня в метро не хуже золотой антилопы. Так что внезапно возникла ещё одна статья расходов.

Рабочий день только начался, и всю подтягиваются опоздавшие. Отдельного слова достоин мой, с позволения сказать, кабинет —

огромное помещение размером в два спортивных зала. Повсюду, куда ни кинь взгляд, виднеются приставленные вплотную друг к другу столы и людские макушки разной степени волосатости. Голоса сотрудников и шум офисной техники сливаются в единый гул, который стоит в опен-спейсе целый день. В общем, открывающаяся неподготовленному зрителю картина заставляет вспомнить о швейных цехах Китайской Народной Республики. По крайней мере, мне они представляются именно так.

Коллеги, как я уже сказала, ещё подходят. Пятнадцатиминутное опоздание таковым не считается. Мимо Ларочки и Семёнова, склонив златую главу, прошествовал Кирюшенька – сотрудник дружественного отдела. Кирюша – вылитый полуэльф. Большие серые глаза, нежное одухотворённое лицо и робкое неземное выражение на нём. Кирюша кивнул Костику и Семёнову. Руку он не подает. Это негигиенично. Привозит на работу и забирает домой Кирюшу мама, женщина волевая и властная. Кстати, моего коллегу нечасто можно здесь увидеть. Большую часть жизни Кирюша проводит в различных медицинских учреждениях. Его лечат от заболеваний желудочно-кишечного тракта, от почечных и печёночных колик, ВСД, мигреней и прочих хворей. Кирюше ещё нет двадцати семи, и мама боится, что ненаглядного сыночка признают годным к военной службе. Как по мне, так парню она пошла бы на пользу. Но это, к счастью, не моё дело.

Ну вот и всё. Договор подготовлен, сопроводительный лист напечатан, теперь нужно прогуляться по коридорам. Увернувшись от Семёнова, так и не потерявшего надежду разделить со мной первую утреннюю затяжку, я покинула пределы нашей саванны.

Коридор встретил благословенной тишиной и пустотой. Я повернула в сторону лифта и замерла. Навстречу мне, озаряемый лампами дневного света, шёл Прекрасный Принц. Высокий, подтянутый, изящный. Породистое лицо с прямым носом и чётко очерченной линией гладко выбритого подбородка. Тёмные, почти чёрные, волосы, развевающиеся при каждом шаге. И синие, да-да, я рассмотрела, синие глаза, цвет которых оттеняет тёмно-серый костюм. Пиджак хорошо отутюжен, на брюках острые стрелочки, галстук стягивает ворот светлой рубашки.

Я невольно задержала дыхание и уставилась на это мимолётное видение, ожидая, что оно рассеется в воздухе утренним туманом. Но

нет. Видение поравнялось со мной.

– Прошу прощения, – мягкие, вкрадчивые интонации, на которые так и тянет ответить: «Мррр», – вы мне не поможете? Я, кажется, заблудился.

Завороженная голосом Прекрасного Принца, я на время потеряла дар речи.

– Я ищу отдел кадров, – проникновенно глядя мне в глаза, уточнила любовь всей моей жизни.

– Ааа. Кхм. Да, идёте, я провожу вас. Мне по пути.

Довела Принца до лифта. В лифте стояла рядом и косила на точёный профиль так, что от напряжения чуть слёзы не выступили. Мне хотелось взять его за руку и таким образом сопроводить до отдела кадров, но вряд ли бы он понял и оценил столь сильное рвение помочь незнакомому человеку. Пришлось усмирить свои порывы и проводить его до кабинета, соблюдая дистанцию. Мои пальцы намертво приросли к папке с документами. Я вцепилась в неё, чтобы удержаться от искушения прикоснуться к руке или другим частям тела Прекрасного Принца. Я не понимала, что со мной происходит. Просто наваждение какое-то! От Семёнова меня так не плющило даже в период увлечения им.

Пожелала Прекрасному Принцу удачи и развернулась на сто восемьдесят, чтобы на ватных ногах процокать в сторону юротдела. Походка грациозной лани, надо признать, не удалась. Я чувствовала скованность во всем теле. Оно вообще казалось мне чужим, словно натянутый не по размеру костюм. Не прошла и трёх шагов, как ноги зацепились одна за другую. Я рухнула на пол, отбив колени. Договор вылетел из папки, и листы веером разлетелись по коридору.

Господи боже! Ну и позорище! Если он это видел, я утоплюсь в унитазе!

К моему глубочайшему сожалению, Принц наблюдал моё падение. Поступил он, однако, благородно. Собрал листки в папку, помог подняться. Я посмотрела на свои ноги, которые предали меня в самый ответственный момент, и ахнула. Колготки были разодраны на коленях, сами же колени саднило и пекло. Похоже, через пару часов они приобретут ярко-фиолетовый окрас. Последний раз я так падала в детстве. С велосипеда. Стараясь заглушить нарастающее желание бежать куда глаза глядят, лишь бы подальше от места своего позора и

его случайного свидетеля, двинулась в сторону туалета, чтобы привести себя в порядок.

Возле двери обернулась на Принца. Тот прирос к полу и смотрел на меня округлившимися глазами, затем замахал руками, пытаясь что-то пояснить жестами. Голос ему, похоже, отказал. Я решила не анализировать его реакцию, отвернулась и уверенно толкнула дверь. И тут поняла причину странного поведения Принца. У меня самой глаза полезли из орбит, а челюсть полетела вниз. В мою сторону недоумённо взирали мужчины, стоявшие возле... В общем, понятно, возле чего они стояли. Я охнула и вылетела наружу.

Принц находился на прежнем месте. Видимо, он недостаточно насладился спектаклем и ждал продолжения. Но я не доставила ему такого удовольствия. В этот раз открыла нужную дверь. Заперлась в кабинке, опустила крышку унитаза и водрузилась на него, сжимая голову руками. Вот как можно было так опозориться?! Что со мной творится?! Уму непостижимо! Хорошо, что Семёнова рядом не было, а то стала бы героем анекдотов.

Катя, непосредственный начальник и пятничный собутыльник, в очередной раз выручила меня. Не устаю поражаться её запасливости. В закромах подруги обнаружилась упаковка колготок. Хотя они и не могли скрыть печальных последствий моего падения в виде разливающейся на коленях синевы, но, по крайней мере, спасли от необходимости демонстрировать окружающим бледно-голубые ноги. Нынешнее лето прошло незаметно для меня. Мы не успели соприкоснуться даже мимоходом.

Та самая Катя шествовала сейчас по проходу между столами в сопровождении свидетеля моего недавнего конфуза. Она подвела его к единственному свободному столу и возвестила:

– Коллеги, познакомьтесь, наш новый сотрудник Павел.

Павел сверкнул дежурной улыбкой. Всем было очень приятно с ним познакомиться, о чём ему тут же сообщили.

Стол Принца вплотную примыкал к моему. От столь близкого соседства у меня вспотели ладони и застучало в висках. «О боже, какой мужчина», – заиграла в голове попсовая мелодия. Нет, только не это! Изыди, сатана! И как теперь работать? Я же ни на чем сосредоточиться не смогу. Вот уже пятый раз читаю письмо делового

партнера нашей конторы. Читаю и не понимаю ни слова. Буквы разбегаются по экрану, как тараканы при виде тапка.

К нам в очередной раз подрулил Семёнов. Вообще-то он сидит в другом конце ряда, практически возле двери, но при этом регулярно трётся здесь, постоянно перешучиваясь с Катей и Костиком или подкалывая меня, либо шляется по просторам конторы, флиртуя со всеми дамами независимо от возраста и семейного положения. Когда этот тип успевает работать, остаётся для меня загадкой.

– Афанасьева, ты курить пойдешь, наконец?

Вот зараза! Пока мне не напомнили о пагубной привычке, даже мысли о сигарете не возникало. Сейчас же я ощутила невероятное желание сделать пару затяжек. Даже в пальцах закололо. Скосила глаза на Прекрасного Принца. Вдруг ему не нравятся курящие женщины? Лучше не рисковать.

– Бросила, – помотала я головой.

Семёнов окинул меня проницательным взглядом, внимательно изучил моего соседа и выдал:

– Последний раз, когда ты бросала, на тебе юбки сходиться перестали.

Наглая ложь! Не было такого! Я начала задыхаться от возмущения. У меня не находилось приличных слов, чтобы достойно ответить на недостойный выпад. Ссскотина! Дождешься ты у меня, Семёнов! До этого дня мы жили вполне мирно. Но сейчас ты перешёл все границы.

– По-моему, у Арины хорошая фигура, – вмешался Павел.

– Так я и не спорю, – хмыкнул Семёнов.

Парни синхронно прошлись взглядами по моему организму. К ним присоединился Костик.

Меня накрыло очередной волной возмущения. Я что вам, лошадь на базаре?

– Это всё волшебная сила никотина, – продолжил айтишник.

– Семёнов, исчезни, – процедила я сквозь зубы и отвернулась к экрану.

Но меня бесцеремонно развернули обратно. Семёнов, нахально улыбаясь, держался за спинку кресла. На моём лице красной бегущей строкой отразились все непечатные эмоции. Айтишник понял, что

перегнул, и отступил, подняв руки в знак полной и безоговорочной капитуляции.

Рабочий день подошёл к концу, и кабинет постепенно опустел. Я, как обычно, задержалась, чтобы закончить дела. Когда последнее письмо было отправлено, откинулась на спинку кресла и потянулась, разминая затёкшие мышцы. Краем глаза заметила, что мой сосед сидит и выжидающе смотрит на меня. Он ещё не ушёл? Странно. В первый рабочий день никто не требует от новичка стопроцентной отдачи. Также странно, что последнюю пару часов я не обращала на него внимания. Может, привыкла к его присутствию? Хорошо бы. Если и дальше продолжу млеть от него, то в первую очередь пострадает работа, а во вторую, что вполне закономерно, моя дальнейшая карьера в конторе.

– Ты к метро? – поинтересовался Принц.

Кивнула.

– Тогда идем.

До метро шли в молчании, лишь изредка нарушая его неловкими попытками завязать разговор. Я смущалась в присутствии Принца, а ещё боялась ляпнуть какую-нибудь глупость и испортить впечатление о себе. Было очевидно, Павел задержался только для того, чтобы проводить меня. Мысль эта грела душу. Вместе с тем мелкий бес, что жил в моей голове, подкинул парочку воспоминаний о тех случаях, когда я в похожих ситуациях несколькими саркастичными фразами уничтожала едва возникшую симпатию со стороны лиц противоположного пола. Что поделать, в этом я профессионал.

В метро была привычная для этого времени давка. Мы с трудом вбились в вагон. На следующей станции народа прибавилось, в результате чего я оказалась настолько плотно притиснута к Принцу, что чувствовала все мышцы его тела, и не только их. Мои щёки вспыхнули, и я опустила глаза, избегая взгляда коллеги. Но судьба недостаточно насладились моим смущением. Поезд неожиданно затормозил, и пассажиров разом кинуло вперёд. Я полетела бы в общей спрессованной массе, если бы Принц не обхватил меня свободной рукой, ещё сильнее вжимая в себя. Я устояла на ногах, но от гаммы нахлынувших эмоций и ощущений едва не забилась в конвульсиях. Это был бы мой первый оргазм в общественном

транспорте. К счастью, движение выправилось и меня выпустили из захвата. Я с трудом сдержала судорожный вздох. Подняла глаза на Павла и подавилась воздухом. Настолько прожигающим был его взгляд. Если он сейчас думает о том же, о чём и я... Ой-ёй! На всякий случай отодвинулась от коллеги, насколько позволяли обстоятельства. Какая-то тётка зашипела на меня, но я её проигнорировала.

Следующая станция была моей. Людской поток разделил нас с Принцем, и меня вынесло на платформу волной чужих потных тел. Я не успела даже попрощаться с ним.

Плохо помню, как добралась до дома. Все мысли были заняты Павлом. Я на реверсе прокручивала эпизоды совместной поездки. Никогда ещё дорога домой не была наполнена таким количеством эротизма. В голове творилось полное непотребство. По сюжетам моих фантазий можно было снимать порноролики. Они пользовались бы нешуточным спросом.

Ночь оказалась мучительной. Сон не шёл, перед глазами в режиме нон-стоп мельтешило видео с маркировкой «Восемнадцать плюс». Утром я, не выспавшаяся, но тем не менее нездорово бодрая, мчалась на работу. Я никогда не верила в любовь с первого взгляда, считая полным идиотизмом возможность полюбить практически незнакомого мужчину. Прежде для того, чтобы простая симпатия или влечение переросли во что-то большее, мне нужно было узнать человека по-настоящему. Накуриться с ним вместе или напиться, как говорила Масыня. Теперь же – примите и распишитесь. Я влюбилась. Не просто увлеклась. Нет. Я уже видела лица наших общих детей, представляла, как Принц возится с ними, учит их кататься на велосипеде, проверяет уроки. Господи, боже мой! Да я детей-то не хотела вовсе. Не вяжется у меня картина семейной идиллии с образами орущих младенцев в испачканных подгузниках и перспективой бессонных ночей и постоянных больничных. Поправочка: не вязалась. До сегодняшнего дня.

На рабочем месте меня ждал приятный сюрприз. Высокий стакан кофе из Старбакса, на котором было написано моё имя, и тёплый хрустящий круассан.

– Ой! Спасибо большущее!

– Не знал, какой ты любишь. Наугад взял латте с сиропом.

Кофе показался мне идеальным. Как и Принц, и это утро, как и жизнь в целом. Настроение было безоблачным. Первое облачко образовалось в виде Семёнова, который, как всегда неожиданно, возник на горизонте. Точнее за моей спиной.

– Афанасьева, привет, – подозрительно ласково сказал айтишник, водружая на мой стол пластиковый стаканчик из кофейного автомата и упаковку с круассаном из вендингового аппарата, что стоял в коридоре. После даров из Старбакса это подношение выглядело довольно блёклым.

– Спасибо, – смущенно пробормотала я, не зная, как отреагирует на поведение Семёнова Павел.

Не объяснять же ему, что айтишник подобным образом окучивает половину офиса. Женскую, разумеется. Наверное, со стороны может сложиться впечатление, что он имеет на меня виды. Но это не так. Проверено временем.

Круассан я закинула в тумбочку. Его и через неделю можно съесть, вкусовые качества ничуть не изменятся. А вот как быть с кофе, ума не приложу. Больше в меня не влезет. Я ещё тот не допила.

Семёнов заметил стакан в моей руке, бросил взгляд в сторону Павла, после чего отлип от стола и исчез в поисках других жертв своего обаяния.

– У тебя что-то наклёвывается с новеньким? – поинтересовалась Катя, зажигая сигарету.

Я принципиально запретила себе курить, хотя тянуло невероятно.

– Кать, тебе не кажется, что это моё личное дело? – возмутилась я подобной бесцеремонностью.

– Не кажется. Мы вообще-то подруги. И потом, я думала, тебе Семёнов нравится.

– Семёнов всем нравится. И то, что он нравится мне, ещё не говорит о том, что я нравлюсь ему.

– Дура ты, Аринка.

– Ну здрасьте! С чего это я дура? Семёнов – бабник, каких ещё поискать. Посмотри, как со всеми мармеладничает. Но даже если допустить, что он способен испытывать симпатию к одной конкретной женщине, в чём я сильно сомневаюсь, то почему ты решила, что эта женщина – я? Он хоть раз пригласил меня, скажем, кофе после работы

выпить? По парку прогуляться? В кино? В театр? На концерт? Да куда угодно? Нет же. Изводит только тупыми приколами и заставляет выслушивать всякую ахинею в курилке.

– Ладно, как знаешь. Ты у нас большая девочка. Сама разберешься. Только потом не жалуйся на жизнь.

– С чего мне на нее жаловаться? Всё вроде бы неплохо складывается.

– Не нравится мне этот Паша. Мутный он какой-то, – сказала Катя и затушила сигарету.

Мутный?! Сами вы мутные! Тоже мне подруга! Нет чтобы порадоваться за меня. В кои-то веки встретила нормального парня.

Мой Принц был мил и обходителен. По утрам на рабочем столе меня встречал неизменный латте. Вечерами Паша терпеливо дожидался, пока я закончу дела, и сопровождал до метро. Постоянно говорил комплименты, на которые я, наконец, научилась нормально реагировать. Моё лицо лучилось радостью и сияло не хуже, чем у Ларочки после косметологических процедур. Я уверилась в собственной привлекательности и временами ловила себя на том, что тихо напеваю марш Мендельсона.

В пятницу вечером мы всем отделом собрались в небольшом кафе возле работы. Собственно, весь наш отдел состоял из четырёх человек: мы с Катей, Костик и Паша. Катя и раньше время от времени созывала нас для укрепления корпоративного духа, устраивая стандартные двухчасовые посиделки, во время которых под пиво или вино перемываются кости коллегам и руководству, обсуждаются последние сплетни и всякие офисные страшилки на тему возможных сокращений, упразднений и прочих оптимизаций.

Катя умчалась первая. За ней приехал муж. Костик тоже не стал задерживаться. Когда мы остались вдвоем, Паша предложил вызвать такси. На улице было холодно, шёл мелкий противный дождь, и его предложение показалось мне вполне разумным.

Целоваться мы начали ещё в машине. Как-то так само собой получилось, что Паша высадился возле моего дома. Я не возражала. В лифте мы принялись лихорадочно расстёгивать друг у друга пальто. В прихожей побросали одежду на пол. Моего Принца, по всей видимости, это место в качестве полигона для дальнейшего разврата

вполне устраивало, но я проявила твёрдость и, наставляя синяки о мебель, которой в тёмной комнате оказалось как-то слишком много, мы плюхнулись на диван.

Не стану вдаваться в подробности того, что происходило дальше. Но это определённо было самым лучшим из всего, что случилось в моей жизни. И дело даже не в физических ощущениях. Эмоции, которые бурлили и выплёскивались криками, безумная, ни с чем несравнимая эйфория... Нет, подобного я никогда ещё не испытывала. Я была ошеломлена произошедшим с моим, казалось бы, хорошо знакомым телом. Принц был нереально крут.

Не прошло и получаса после самого лучшего секса, как Паша засобирался, и это немного уязвило. Честно говоря, я рассчитывала, что он останется до утра. До утра понедельника. Но он торопливо чмокнул меня в губы и исчез.

Утром я с трудом разлепила глаза. Болела голова, и от каждого движения в мозг словно вливалась раскалённая спица. Тело было вялым, настроение на нуле. Шевелиться не хотелось. Странно, я вчера практически не пила. Не буду врать, что бокал вина – моя пятничная норма. Вовсе нет. Просто вчера я строила грандиозные планы по завоеванию Принца. И хотела выглядеть достойно. Так что это точно не похмелье. Может, грипп? С трудом доковыляла до шкафа, где хранилась аптечка, вытаскала градусник и таблетку аспирина. Температуры не было. Совсем. Ртутная полоска еле доползла до отметки в 35 градусов. Я практически труп. Нет. Это не грипп. Но аспирин на всякий случай выпила. Может, хоть голова перестанет болеть.

Завалилась на диван и пролежала, созерцая потолок, до тех пор, пока не начало смеркаться. День прошёл совершенно бездарно. Собравшись с силами, я кое-как привела себя в порядок. Заварила чай. Открыла холодильник и тут же захлопнула его. От мыслей о еде замутило. Значит, будем пить чай. Забравшись в кресло с ногами, я долго сидела, бездумно глядя в одну точку и грея руки о кружку.

Погрузившись в подобие анабиоза, не сразу услышала звонок. С криканием выбралась из кресла и открыла дверь. На пороге стоял мой Принц. Я даже «привет» не успела сказать, как меня подхватили на руки и так доставили до дивана, на котором я провела весь прошедший день.

Когда Паша уходил, я и не думала возражать. В полусне добрела до двери и закрыла её. Потом упала лицом в подушку.

В воскресенье утром поняла, что умираю. К вечеру, правда, более-менее оклемалась. Однако это состояние длилось ровно до того момента, пока на моём пороге не появился тот, с кем я ещё позавчера планировала встретить старость. Хорошо мне уже не было. Кажется, я даже плакала и просила все прекратить, но мои слабые просьбы остались без внимания.

— Хреново выглядишь, Афанасьева, — жизнерадостно поприветствовал меня Семёнов. — Заболела, что ли?

Едва заметно кивнула. От резких движений голова взрывалась болью, которая затем разливалась по всему телу.

— Афанасьева, стой! — крикнул мне в спину айтишник, пока я плелась к своему рабочему месту. — Да погоди же ты! Может, таблеток каких нужно купить? Ты только скажи, я сгоняю до аптеки.

Я вяло помотала головой и продолжила свой путь. На рабочем столе стоял привычный стакан из Старбакса. Я смахнула его в мусорную корзину, плюхнулась в кресло и тупо уставилась в монитор. Скосила глаза на Пашу. Он с невозмутимым видом что-то строчил на клавиатуре. В мою сторону даже взгляда не бросил. Работает человек, не станем ему мешать.

Вреда от меня в тот день было больше, чем пользы. Катя заметила моё состояние и попыталась выгнать домой. Но мне было лень передвигаться, и я решила, что подремать можно и в рабочем кресле. Надеюсь, памятуя о прошлых заслугах, работодатель простит мне эту халатность. К вечеру странная болезнь снова отступила. Паша не стал меня дожидаться и был, вероятно, уже где-то на полпути к дому. Это даже порадовало. После вчерашнего не хотелось его видеть. Моя любовь прожила ровно одну неделю, не оставив после себя мучительных терзаний и чувства вины. Только лёгкую досаду и сильное отвращение.

Вторник прошёл как в тумане. В среду вернулся аппетит, в четверг я отрабатывала за все три дня вынужденного безделья. Пахала как конь под плугом, наконец-то чувствуя себя нормальным человеком. Слабость ещё давала о себе знать лёгкими головокружениями и онемением в пальцах. В обеденный перерыв я перекусила подаренным

когда-то синтетическим круассаном, а после вспомнила о пагубной привычке.

Офисная курилка находилась во дворе здания, которое занимала контора. Я опустилась на одну из скамеек, сделала пару затяжек и поняла, что поспешила с никотиновыми интоксикациями. Но на улице была приятная прохлада, возвращаться на рабочее место не хотелось. Я просто сидела, держа в руках тлеющую сигарету и переваривая всё, что вывалила на меня Катерина. Подруга решила включить начальника и, видя, что я уже вполне здорова, отчитала за пару серьёзных промахов.

Ко мне подошла одна из наших офисных девиц. Высокая, болезненно худая крашеная брюнетка. Кажется, её звали Зоей. Рабочее место Зои было сокрыто где-то в дебрях нашего опен-спейса. Сама она регулярно отиралась в курилке, постоянно клянча зажигалку. Собственную, видимо, не заводила из принципиальных соображений.

– Привет, – обратилась она ко мне. – Зажигалки не будет?

Я протянула зажигалку. Девица смачно затянулась.

– Ты же работаешь вместе с Павлом? – поинтересовалась она, возвращая зажигалку.

Кивнула. Разговаривать не хотелось.

– И как он тебе?

– Да никак, – это была чистая правда.

– Странно, я думала, вы встречаетесь.

Я помотала головой. Интересно, какое ей дело до того, с кем я встречаюсь? Поговорить больше не с кем и не о чем?

Девица поняла, что друзьями нам не быть, и молча отошла в сторону стихийно образовавшейся компании офисных девчат. Я их практически не знала. Они обитали на другом этаже.

– Вы слышали, Семёнов теперь с секретаршей Копытина? – донёсся до меня обрывок чужого разговора.

Провокационный вопрос поднял волну щебетания. Девочки увлеченно чирикали, обсуждая подробности любовных походов Семёнова. Кажется, делали ставки на то, как долго неведомая секретарша продержится в роли нового увлечения нашего сердцеда.

Я прислушалась, пытаюсь вспомнить, кто такой Копытин и что это за шустрая секретарша, которая умудрилась окрутить свободолобивого айтишника. Потом до меня дошло, что речь

о Ларочке. Добилась-таки своего! Мне вдруг стало обидно. У меня тут жизнь под откос, а Семёнов решил остепениться. Вспомнились глупые мечты об айтишнике, когда я ошибочно принимала мелкие подношения в виде кофе или плюшки за знаки внимания к своей никчёмной персоне. И с чего я тогда решила, что Семёнов может мной заинтересоваться? Такие, как он, никогда не смотрят в сторону таких, как я. Ларочка другое дело. Ларочка – девочка с обложки. Признак статуса. Дорогой аксессуар. Мне такой не стать, при всём желании. Глаза защипало от слёз.

Офисные девчонки довольно быстро разбрелись. Я же попинала ещё какое-то время свою самооценку. После того как она, несчастная, и без того не сильно здоровая, сдохла под ударами тяжёлых сапог самобичевания, поднялась и пошла на работу, чтобы продолжить влачить унылое существование.

В лифт следом за мной прошмыгнул Семёнов. Лёгкок на помине! Как всегда, свеж, бодр и весел. Интересно, у него когда-нибудь бывает плохое настроение?

– Афанасьева, ты от меня прячешься, что ли? Полдня тебя ищу.

– Зачем? – хмуро буркнула я. Мысль о том, что айтишник отлично проводит время в обществе Ларочки, раздражала неимоверно. – Больше гадости говорить некому?

– Афанасьева, какая муха тебя укусила?

– У меня вообще-то имя есть, – огрызнулась я.

– В курсе, – кивнул Семёнов. – У меня, кстати, тоже.

Не знаю, до чего бы мы договорились, но я вдруг почувствовала, как резко дёрнулся лифт. Хотя, судя по вытянувшемуся лицу айтишника, это не лифт дёрнулся, а со мной что-то произошло. Ах, ну да, я рухнула на пол.

– Арин, ты чего? Ты как? – обеспокоенно спросил Семёнов, плюхнувшись на колени и растерянно уставившись на меня.

С ума сойти! Семёнов на коленях передо мной! Это была последняя мысль, после которой я отключилась.

– Напугала ты нас, Арина, – сказала Катя. – Я тебе ещё в понедельник предлагала на больничный уйти. Но ты решила погеройствовать. Всё, хватит. Больше никаких задержек. Ровно в шесть домой. И не спорь!

Я покорно кивнула, хотя внутренне возмутилась. Легко говорить. А кто мою работу делать будет? Меньше-то её не станет.

Приподнялась в мягком широком кресле, огляделась. Моё брэнное тело располагалось в приёмной вице-президента. Ларочки, к счастью, на месте не было.

– Кто меня сюда сгрузил? – поинтересовалась я у Кати.

Путь до приёмной выпал из памяти.

– Семёнов принес.

– Как принес? На руках, что ли? – почему-то представилось, как Семёнов волочит меня по полу за ногу.

– Нет, блин. На тележке из супермаркета прикатил. На руках, конечно.

– Делааа, – задумчиво протянула я. Надеюсь, айтишник не надорвался. Вообще-то за последние дни я скинула килограммов десять, не меньше. Так что спину потянуть не должен. – А сам он где?

– «Скорую» встречает.

– «Скорую»-то зачем? – как-то смутил ажиотаж вокруг моей скромной персоны.

– А ты как думаешь? Может, следовало оставить тебя валяться в лифте до вечера? А там бы пришли уборщицы и вынесли на мусорку.

Интересная у Кати фантазия. Но, наверное, она права, что бьет тревогу. Её сотрудник чуть не помер на рабочем месте.

После приезда «скорой» выяснилось, что сегодня у них не первый такой вызов. Что-то происходило с атмосферным давлением. Под его воздействием упало моё давление, и я вместе с ним. Катя бесцеремонно выставила меня из конторы со строгим наказом завтра на работе не появляться. Она же вызвала такси.

– Семёнов, ты зачем в машину лезешь? – хмуро поинтересовалась я у айтишника, который пристраивался рядом со мной на заднем сиденье автомобиля. – До дома я самостоятельно могу добраться.

– Ага, – согласился айтишник и захлопнул дверцу. Такси плавно двинулось. – Может, ты хочешь мне что-то сказать?

Вообще-то он был прав. Сказать следовало многое. Семёнов повёл себя сегодня как истинный джентльмен, это неоспоримый факт. Но слова благодарности застряли в горле и царапали его, не желая выбираться наружу. Я кашлянула и опустила голову.

– Ну же, Афанасьева, давай, – не унимался Семёнов.

– Сссспасибо, – просипела я.

– Вот видишь, совсем не сложно. Пожалуйста. А поцелуй будет?

Семёнов сделал попытку придвинуться ко мне. Я начала лихорадочно дёргать ручку, готовясь выпрыгнуть из машины на полном ходу.

– Видимо, нет, – хмыкнул айтишник и оставил попытки сократить расстояние между нами.

Семёнов, как настоящий рыцарь, сопровождал меня до квартиры. Я захлопнула перед его носом дверь и вздохнула с облегчением.

Оставшись одна в пустой квартире, вернулась к своему любимому занятию – псевдопсихоанализу. Тщательному разбору подверглось всё, что происходило со мной за последнее время. Стремительный роман с Принцем и его отвратительный, тошнотворный финал с последующим игнорированием моей персоны. Мальчик добился поставленной цели и охладел, не желая погружаться в выяснение отношений. А зачем? Вполне предсказуемо. Что я, собственно, для него значу? Ничего. Поведение Семёнова, его бесконечные попытки вывести меня из себя, моё глупое увлечение им, когда я бросала в его сторону робкие взгляды и тихо млела от каждой улыбки. А потом поняла: ещё как минимум десятка два девчонок в его присутствии точно так же трепещут ресницами и с надеждой ожидают приглашения в кафе или кино. А он всё видит, всё понимает, и, безусловно, ловит кайф от всеобщего восхищения, раздавая авансы направо и налево. Разве он не урод после этого? Сколько бессонных ночей потрачено на него. А главное, для чего? К чему всё это привело? К простому приятельству. К пустым разговорам ни о чём. К выслушиванию пошлейших рассказов о его победах. Я, женщина, – друг. Унизительно. Мучительно. Бесперспективно.

Здравая мысль о том, что уж айтишник-то в моих бедах не виноват, более того, возился сегодня со мной, была отмечена с ходу. Герр Фрейд, поселившийся в голове, оспорил это утверждение и привел контраргументы. Семёнов действовал так исключительно к своей выгоде. После его куртуазного поступка местные дамы ещё сильнее проникнутся к нему симпатией. Хотя куда уж сильнее. Плевать ему на меня. Как, впрочем, и всем остальным. Даже Принц не соизволил выяснить причину моего охлаждения. Да и к чему? В нашей конторе полно красивых девушек, которые безо всяких

психологических заморочек бросятся в приветливо распахнутые объятия. Семёнова ли, Павла ли. Им, наверное, всё равно. Как и парням, собственно. И никому не нужна твоя прекрасная душа, Афанасьева. «Это мир заменяемых; что может быть смешнее твоего протеста. Поучись относиться к себе как низшему из существ»^[1].

В итоге додумалась до того, что такое ничтожество, как я, не имеет права на дальнейшее существование. От суицида останавливала единственная здравая мысль: хозяйка квартиры, которую я арендовала, не заслужила подобного счастья.

Но мысль о самоубийстве, тем не менее, казалась невероятно притягательной. Я с упоением смаковала ее. Жаль, не успела обзавестись каким-нибудь милым домашним питомцем, который мог бы обглодать мои бранные останки. Я представила себе лицо Семёнова, обнаружившего эту макабрическую картину. Но что айтишнику делать в моей квартире? Скорее уж, хозяйка, не дождавшись ежемесячного платежа, примчится на разборки. Но хотелось, чтобы первой меня всё-таки обнаружил Семёнов. Как наяву представляла, что он приходит в ужас от факта моей преждевременной кончины во цвете лет и впадает в отчаяние. А затем отправляется в монастырь – до конца жизни замаливать свои грехи передо мной. Надо только грамотно предсмертную записку сочинить, чтобы не возникало сомнений, кто довел меня до черты. Потом я представила лицо мамы, получившей известие о скоропостижной смерти дочери, и как-то сразу погрустнела. Нет, самоубийство стоит отложить.

Подобная белиберда крутилась в голове, как попавшая в чарт убогая мелодия, весь оставшийся день и бессонную ночь. Утро пятницы я встретила психически больным человеком. У меня наблюдался практически полный набор симптомов: бредовые идеи, спутанность сознания. Не хватало только тихих вкрадчивых голосов, чтобы диагноз можно было считать подтвержденным.

Под вечер в квартире раздался звонок, от которого я подпрыгнула на месте и закричала. Настолько неожиданным и громopodobным показался звук. Памятуя о предыдущих визитах Павла, посмотрела в глазок. Пускать в дом этого человека я не собиралась.

Но посетителем оказался не Павел. На лестничной площадке мялся Семёнов.

– Решил проверить, как ты тут, – сообщил айтишник, когда я открыла дверь.

Не дожидаясь приглашения, шагнул в прихожую. Я прислонилась к косяку и, скрестив руки, наблюдала, как айтишник разувается.

– Ох, ни фиги себе! – выдал Семёнов, присмотревшись к моему лицу. – Что с тобой творится, Афанасьева? Может, врача вызвать?

Я помотала головой и прикусила задрожавшую губу.

Семёнов бесцеремонно прошествовал на кухню, открыл холодильник.

– Афанасьева, как ты жива-то ещё? Ты чем вообще питаешься?

Не дождавшись ответа, вытащил на свет литровую бутылку текилы, которая вот уже третий год странствовала со мной по Москве. Из одной квартиры в другую. Не люблю крепкий алкоголь. Текила была куплена в стародавние времена в дьюти-фри турецкого аэропорта и должна была стать украшением моего стола по случаю дня рождения. Но на неё до сих пор так никто и не позарился.

– Давай, Афанасьева, садись, – айтишник взял меня под локоток и препроводил к креслу. – Сейчас лечиться будешь.

Семёнов порывлся в кухонных шкафах и достал один из винных бокалов. Спасибо, что не полуторалитровый. Есть у меня такие. Используются для дорогих вин, чтобы можно было позволить себе насладиться букетом. Айтишник щедро плеснул в бокал текилы и поставил его передо мной. Я помотала головой и отодвинула целебную микстуру из агавы.

– Чё так?

– Не люблю текилу, – прохрипела я севшим от двухдневных рыданий голосом.

– Понятно... Так. Я в магазин. А ты сиди тут и никуда не уходи.

А куда мне идти? Кому я нужна? Предательские слёзы заструились по щекам.

– Не реви, Афанасьева! Я мигом. Не успеешь соскучиться.

И Семёнов выскочил за дверь. Вернулся он довольно быстро, что неудивительно. На первом этаже дома располагались все необходимые магазины.

Айтишник принялся хозяйничать на моей кухне. Засунул в микроволновку пиццу, расставил тарелки, разложил вилки с ножами.

Когда пицца уже дымилась в тарелках, на столе появилась бутылка моего любимого вина. Он что, телепат?

– Как ты узнал?

– Ничего сложного. У тебя тут алкогольный супермаркет в доме. Показал консультантам твою фотку в телефоне, они и рассказали, что ты обычно покупаешь. На всякий случай взял две.

Господи! Это ж надо так уметь! Всего одной фразой выставить меня алкоголиком-неудачником.

Утро. Голова трещит. Во рту песчаные барханы. Так. Что было вчера? Вечером появился Семёнов. Кормил меня, поил. А когда он ушел? Не помню. Остаток дня обрывался, как кинохроника убитого репортёра. Ладно, неважно. Главное, чтобы на работе не трепался о том, в каком виде меня застал.

– Здорово, Афанасьева, – раздалось слева от меня.

О нет! Только не это! Господи, сделай так, чтобы голос Семенова мне померещился! Пожалуйста!

Не померещился.

Айтишник, на котором из одежды были лишь облегающие боксеры, перелез через мою тушку, поднялся, бросил хитрый взгляд.

– Как голова? Не болит?

– Болит, – на автомате ответила я, переживая, пожалуй, самый сильный шок в своей жизни.

Потом подорвалась, чтобы встать, но плюхнулась обратно. Нет, пока лучше не шевелиться.

С сомнением посмотрела на Семёнова. В голове закрутился незатейливый мотивчик: «Дала, не дала, не могу понять»^[2].

– Семёнов, только не договори, что у нас... Что мы с тобой...

– Расслабься, Афанасьева, не скажу. Не было ничего.

Я облегчённо выдохнула.

– Ты не в моем вкусе, – добил меня парень и отправился на кухню.

Даже не знаю, радоваться или огорчаться.

Вернулся он с кружкой, в которой что-то шипело и булькало.

– Надеюсь, это яд? – с надеждой спросила я.

– Аспирин. Пей давай, ты мне живая нужна.

Интересно, для чего? Я же вроде как не в его вкусе.

Взяла заботливо протянутую кружку, с трудом поднялась, чтобы не облиться, пока буду пить. Одеяло соскользнуло.

– А почему я... Почему на мне нет одежды? – задыхаясь, спросила я.

– Ты ничего не помнишь, что ли?

Помотала головой, глядя на айтишника круглыми глазами.

– Так ты вчера ко мне приставала, – улыбнулся парень.

Всё. Полный провал! Убейте меня!

– Ты же сказал, что ничего не было!

– Так ничего и не было. Я ведь уже объяснил, ты не в моем вкусе. Но задница у тебя ничего так, – с этими словами Семёнов направился в ванную.

Обалдеть! Я к нему вчера приставала! Голая! Жесть какая! А он? Он побрезговал. Несмотря на то, что задница у меня «ничего так».

«Ну почему это не яд?» – вопрошала я господа бога, давась растворённым в воде аспирином.

Прилагая невероятные усилия, поднялась с постели. Срочно требовалось одеться, пока мужчина, с которым я провела сегодняшнюю ночь, плещется в душе. Где халат? Халат оказался неподалёку. Валялся на полу возле дивана. Пока поднимала его, упустила один важный момент – появление в комнате айтишника. Он тихо хмыкнул. Я взвизгнула и, путаясь в рукавах, принялась натягивать на себя махровое изделие.

Семёнов стоял передо мной прекрасный и рельефный, как мраморное изваяние Аполлона. На загорелой татуированной коже, под которой бугрились чётко очерченные мышцы, сверкали капельки воды. И всё это великолепие было слегка прикрыто полотенцем, характерно топорщившимся пониже талии. Полотенцем, которым я сушу волосы, между прочим. В руке у Аполлона была моя зубная щетка. Спать со мной он, значит, побрезговал, а пихать в рот мою зубную щетку – это ничего, это нормально. Просто нет слов!

– Афанасьева, дуй в душ. Даю тебе десять минут на то, чтобы привести себя в порядок, – с этими словами парень вручил мне осквернённую зубную щетку.

Я послушно прошмыгнула в ванную. Куда угодно, только подальше от этого ошеломительного зрелища. Кажется, я ослепла.

Айтишник оказался лучше, чем я себе представляла даже в самых смелых мечтах трехмесячной давности.

Пока я находилась в душе, Семёнов развил на кухне бурную деятельность. Там что-то шипело и шкворчало, по квартире разносились умопомрачительные ароматы. Я быстро натянула джинсы с футболкой и босиком прошлёпала на кухню.

Семёнов поставил передо мной яичницу с беконом, салат из помидоров со сметаной и большую кружку кофе. Какие аккуратные глазки у яичницы. Ни один не потёк. Как ему это удастся? Я так не умею. Идеальный мужчина!

– Похмеляться изволите? – ехидно поинтересовался идеальный мужчина.

Козлина! Пожалуй, восхищение было преждевременным.

– Ну, нет так нет, – правильно истолковал мой злобный взгляд исподлобья айтишник. – Всё равно после вчерашнего ничего не осталось. Горазда же ты вино хлестать. Да не переживай так, я никому не скажу. Это будет нашей маленькой тайной, – и подмигнул.

Ну точно, вонючее рогатое животное!

– Сколько с меня за банкет? – поинтересовалась я, желая отдать всё до копейки и даже приплатить сверху. В качестве чаевых.

– А вот это уже обидно, Афанасьева! Я, между прочим, от чистого сердца. И потом, у меня зарплата в два раза выше твоей. Так что не волнуйся, не разорюсь.

Я кивнула. Ну да, зарплата в два раза выше, работы в три раза меньше. Нет в жизни справедливости. Зачтём щедрость Семёнова в счёт перераспределения материальных благ между капиталистами и пролетариатом.

Парень собрал пустую посуду со стола. Я думала, он просто сгрузит её в раковину. Но Семенов, видимо, решил окончательно меня добить. Полуголый мужчина (он надел только джинсы, предпочитая щеголять безупречным обнажённым торсом), живая реклама стрип-клуба, мыл посуду на моей кухне. Полный разрыв шаблона!

– Афанасьева, ты долго ещё планируешь мной любоваться? – разрушил Семёнов очарование момента. – Собирайся, через пять минут выходим.

– Куда?

– Куда надо. На месте узнаешь.

Через пять минут мы толкались в прихожей, мешая друг другу. Семёнов занимал слишком много места в моей маленькой квартире и моей тихой скромной жизни. Когда я собралась было натянуть куртку, он вырвал её из моих рук для того, чтобы помочь одеться. Открыл входную дверь, пропуская вперед.

Вот как в одном человеке умудряются сочетаться язвительное хамство и джентльменская галантность?

Во дворе он взял меня под руку и повёл в сторону автомобиля – массивного седана чёрного цвета. Открыл передо мной дверцу «лексуса». Откуда такие роскошества у простого айтишника?

– Семёнов, ты что, банк ограбил?

– Нет, директора водокачки, – хмыкнул он. – Залезай давай.

Семёнов гнал автомобиль по полупустым дорогам утренней Москвы в сторону центра. Через полчаса мы въехали в один из дворов в районе Чистых прудов.

– Всё, Афанасьева. Дальше на своих двоих.

Далеко идти, однако, не потребовалось. В нескольких метрах от того места, где был оставлен автомобиль, на первом этаже жилого дома располагалась какая-то контора. Вывеску я рассмотреть не успела.

Внутри было вполне прилично. Свежий ремонт, новенькие двери по всей длине коридора. Светло, чисто и тихо. Вообще-то сегодня суббота. Все нормальные учреждения закрыты. Интересно, куда меня притащил айтишник?

Мы вошли в один из кабинетов, где находилось три офисных стола. Занят был только один. На нас через толстые стёкла очков в роговой оправе внимательно смотрел полноватый лысый мужчина предпенсионного возраста.

– Доброе утро, Захар Матвеевич, – поприветствовал его Семёнов. – Вот, пострадавшую привел. Посмотрите?

– Приветствую, Алексей. Доброе утро, барышня. Проходите, присаживайтесь.

Меня усадили на стул перед столом Захара Матвеевича.

– Ну-с, рассказывайте.

– Что рассказывать? – не поняла я.

– Кто на вас напал, когда это случилось, какие симптомы имеются в наличии.

Я перевела недоумённый взгляд с мужчины на Семёнова. Они что, с ума посходили?

– Симптомы появились в понедельник, – принялся отчитываться Семёнов. – Может, конечно, и раньше, но я заметил только в понедельник. Вялость, апатия, раздражительность, расфокусированный взгляд. К середине недели она вроде бы выправилась, но в четверг свалилась в обморок прямо на работе. Вчера зашёл проведать, она была в невменяемом состоянии. Укусов и иных повреждений на теле нет. Я проверял.

У меня брови полетели вверх. Так вот почему я оказалась совершенно голой! Он какие-то укусы на мне искал. Точно, больные люди. Так, минуточку. Не из-за этой ли проверки я не могу вспомнить, чем закончился вчерашний вечер?

– Ты мне что-то в вино подмешал, да? Ты совсем чокнутый, Семёнов?! Оба вы чокнутые! Я пошла, а вам счастливо оставаться. И не подходи ко мне больше. Ты понял, Семёнов? Или я за себя не отвечаю.

Я попыталась встать, но не тут то было. Парень железной рукой надавил на плечо, вынуждая остаться на месте. Сильный, зараза!

– Арина, так было нужно. Я думал, бутылки вина хватит, чтобы ты отрубилась. Но ты же пьёшь как лошадь и не пьянеешь при этом. Что мне ещё оставалось делать? Я вообще-то о тебе беспокоился.

Я трепыхнулась было, но захват Семёнова свёл на нет все мои попытки освободиться.

– Ариш, не дёргайся, иначе мне придётся применить силу.

– Какая я тебе Ариша! – заорала я. – Руки убрал, придурок! Или я в полицию пойду.

– Иди, – спокойно парировал Семёнов, не реагируя на угрозы. Руки он так и не убрал. Ещё крепче сжал мои несчастные плечи. Наверное, синяки останутся. – Только учти, мне ничего не будет. Я при исполнении.

В наше противостояние вмешался мужчина:

– Алексей, прогуляйся-ка до кухни. Чайку приготовь. И не торопись. А мы с барышней пообщаемся пока в спокойной обстановке.

Семёнов послушно кивнул, отпустил меня и покинул кабинет. Захар Матвеевич дошёл до двери, щёлкнул замком. Я вскочила, не зная, к чему готовиться. Осмотрелась по сторонам в поисках

предметов самообороны и на всякий случай схватила дырокол. Массивный такой, тяжёлый. Наделаю сейчас дыр в голове кое-кому.

– Ну-ну, Арина. Успокойтесь. Я не причиню вам ни малейшего вреда. Поверьте мне. Садитесь. Мы с вами просто поговорим.

Голос был мягким и обволакивающим, как сладкая вата. Меня сковало странное оцепенение. Я покорно опустилась на стул, разжала пальцы. Дырокол с грохотом свалился на пол. Мужчина подошёл ко мне, поднял очки на лоб и уставился на меня глубокими, как омуты, карими глазами. Что было потом, не помню. Слишком часто я стала терять сознание.

Пришла в себя на диване в незнакомом кабинете. Добро пожаловать в наш дерьмовый мир обратно^[3], Афанасьева.

Осторожно осмотрелась. Вроде бы моей безопасности ничего не угрожает. Пока. Но как я оказалась на этом диване? Неужели Семёнов опять на руках таскал? Очевидно, да. Больше некому. Рядом тихо переговаривались мужчины.

– Ты вовремя спохватился, – говорил Захар Матвеевич. – Ещё пара дней – и реанимация. А дальше... Ты и сам знаешь. Всё-таки эта тварь питается в вашей конторе. Ты был прав.

– Что будет с Ариной?

Мне показалось или в голосе Семёнова действительно промелькнуло искреннее беспокойство?

– А что с ней не так? Она в полном порядке. Все повреждения я устранил. Будет как новенькая. Пройдет пару стандартных процедур: регистрацию и постановку на учет. Начнет регулярно отмечаться. Можно попробовать привлечь её к работе. Сам знаешь, с кадрами такого профиля у нас напряжёнка.

Какая ещё работа? Можно подумать, мне своей мало. Решила подать признаки жизни, пока они не надумали продать меня в сексуальное рабство.

– Я протестую! Регистрация у меня уже есть, без неё на работу не принимали. Работа, кстати, тоже.

– Ариночка, – возник передо мной Захар Матвеевич, – очень хорошо, что вы очнулись. Как самочувствие?

– Вроде ничего, – ответила я, поднимаясь.

Самочувствие, если честно, было просто прекрасным. От навязчивого бреда не осталось и следа, как и от слабости, которая

мучила всю неделю. Хоть сейчас марафон беги.

– Ну и чудненько. А теперь милости прошу к столу. Алексей как раз свежий чай заварил.

Мне подали руку и галантно проводили к столу, придвинули стул. Семёнов тем временем разливал чай. В хрустальной вазочке лежало печенье. Я потянулась за ним, настороженно осматриваясь. Мы находились в помещении, видимо, предназначенном для отдыха сотрудников этой конторы. Третью комнату занимал кухонный гарнитур. В наличии имелись холодильник, микроволновка, кофемашина. Ну и, собственно, длинный стол, за которым я восседала, а также несколько стульев и диван, где до этого валялась.

Наступила небольшая пауза, во время которой я успела схрумкать несколько печенек и выпить полкружки чая, который стараниями Семёнова оказался на высоте. В очередной раз поразилась, как из обычной заварки и кипятка он умудрился приготовить настоящий шедевр.

Захар Матвеевич сделал пару глотков, после чего отставил кружку, снял очки и посмотрел на меня острым взглядом человека, отнюдь не имеющего проблем со зрением.

– Вижу, вы уже оправились, Арина. Полагаю, теперь можно поговорить.

Кивнула. Поговорить, действительно, стоило. Мне много чего хотелось сказать этим нехорошим людям.

– Видите ли, Арина, дело в том, что на вас было совершено нападение. Дослушайте, пожалуйста, – пресёк мои попытки возразить мужчина. – Так вот. Нападение не в привычном для вас смысле этого слова. Всё намного тоньше. Нападавший не является человеком как таковым. Это некая демоническая сущность, которая паразитирует на людях, питается их эмоциями и жизненной силой. Внешне состояние реципиента ничем не отличается от обычного. Поначалу всё выглядит так, словно у него приступ плохого настроения, затем он скатывается в депрессию, испытывает апатию и слабость. Постепенно у жертвы паразита проявляются серьёзные заболевания, которые неизбежно ведут к смерти. Если человек силён и здоров, то может жить в таком состоянии достаточно долго, беспрестанно обеспечивая паразита пищей. На это могут уйти месяцы, реже год или два. Бывает, что жертва на момент контакта с паразитом уже имеет какое-нибудь

заболевание. В таком случае контакт обрывается достаточно быстро. Паразит, как вы понимаете, заинтересован в постоянном источнике пищи и старается выбрать более крепкого реципиента. Идеальным местом для контакта являются организации, в которых работает много молодежи. Такая, где вы с Алексеем трудитесь, например. Ваш случай, Арина, несколько выбивается из стандартных рамок. Вы здоровая девушка и могли бы кормить паразита довольно долго. Но тем не менее сегодня, когда Алексей привез вас сюда, были уже на грани. Опоздайте вы на несколько дней, и летальный исход оказался бы неизбежен.

Я осознала перспективы и поёжилась.

– Не знаю, что спровоцировало эту тварь на столь откровенное высасывание, – продолжил мужчина. – Обычно они довольно осторожны, что затрудняет их обнаружение. Возможно он или она, пока мы не уверены в половой принадлежности паразита, пострадал физически, и ему срочно требовалась подпитка. Возможно, почувствовал угрозу и решил насытиться впрок. В любом случае вы должны быть благодарны Алексею. Его своевременное вмешательство спасло вам жизнь.

Я перевела взгляд на Семёнова. Герой дня сидел со скучающим видом, подперев подбородок кулаком. Похоже, рассказ Захара Матвеевича не нёс для него ничего нового. Ему всё это было давно известно.

– Семёнов, а Семёнов ли ты вообще? Кто ты такой?

– Бонд, Джеймс Бонд, – улыбнулся парень.

Ага, очень смешно. У меня тут картина мира в труху, а он ёрничает. Должно быть, на моём лице отразилось что-то этакое, от чего айтишник взбодрился и сообщил:

– Да Семёнов я, успокойся. Алексей Семёнов. Могу паспорт показать, если не веришь. В вашей конторе работаю под прикрытием. А вообще являюсь сотрудником, – тут парень покосился в сторону Захара Матвеевича, – одной государственной организации. Закрытого типа. Захар Матвеевич тебе лучше объяснит.

– Арина, – вступил в разговор мужчина, – мы с Алексеем действительно работаем на правительство. Задача нашей организации вести учёт и контролировать тех граждан, которые несколько отличаются от остальных. Алексей поступил к вам на работу для того,

чтобы вести наблюдение за одним человеком, то есть не совсем человеком. Этот гражданин подозревался в финансовых махинациях, которые совершал с помощью своих способностей. Но своевременно осознал общественную опасность своего поведения, раскаялся и стал активно сотрудничать со следствием. Сдал соучастников, за что получил условный срок и приставленного к нему наблюдателя. Так вот, этот раскаявшийся гражданин занимает достаточно высокий пост в вашей организации.

– Это он меня отвампирил? – поинтересовалась я.

Семёнов фыркнул, чем заслужил неодобрительный взгляд Захара Матвеевича.

– Нет, он не является тем паразитом, который на вас напал. Ваш коллега – обычный ведун. Что касается личности нападавшего, она пока, к сожалению, не установлена. Мы заметили неладное пару недель назад. В нескольких домах, расположенных возле вашей фирмы, произошла череда странных смертей, на первый взгляд между собой никак не связанных: самоубийства, инфаркты, инсульты. Обычная, казалось бы, картина. В мире каждый день умирает более ста шестидесяти тысяч человек. В Москве – около семисот ежедневно. Но процент смертности в домах, соседствующих с вашей фирмой, существенно превышает стандартный. Мы заинтересовались. Провели некоторые процедуры и установили, что причина смерти всех пострадавших одна и та же – полное изъятие жизненной энергии. Сейчас мы пристально следим за вашей организацией, и вы, Арина, очень нам поможете, если расскажете, с кем в последнее время контактировали и почувствовали ли после этого контакта какие-то негативные изменения.

Я отложила печенье, которое собиралась было отправить в рот, тяжело вздохнула и опустила голову. Разве можно об этом вот так запросто рассказывать? Словно всё происходило не со мной, а с какой-то абстрактной пострадавшей? Да ещё при Семёнове? Чтобы он понял, что гордая и независимая Арина Афанасьева – абсолютный неудачник? Что она не в состоянии заинтересовать нормального парня, а только какого-нибудь упря или зомби? Или как он там в их правительственной организации правильно называется? А уж делиться пикантными подробностями кормежки означенной сущности и вовсе

нет никаких моральных сил. Нет уж. Лучше я этого гада сама канцелярским ножом на лоскуты покромсаю.

– Афанасьева, чего ты ждёшь? Колись давай. Кто довел тебя до такого состояния?

Я молчала. Мне совершенно не хотелось делиться унижительными подробностями своей личной жизни.

Семёнов задумался. Ненадолго. Когда я подняла на него глаза, то увидела, как переменялось его лицо, нехорошо сощурились глаза и заходили желваки.

– Это Павел, да? У вас что-то было?

Я снова опустила голову. Щёки полыхали так, что на них можно было картошку жарить.

– Я этого козла урою! Я этому пид...су яйца откручу!

– Алексей, – поморщился Захар Матвеевич, – ты слишком эмоционально реагируешь. В конце концов, Арина жива и прекрасно себя чувствует. Так ведь, Арина?

Я кивнула. Но Семёнова это нисколько не утешило. Он вскочил со стула и принялся расхаживать по комнате, сжимая кулаки и потрясая меня своими познаниями в области обценной лексики. Когда поток спонтанной речевой реакции иссяк, Захар Матвеевич указал моему коллеге на стул. Семенов послушно опустился на него. После чего уставился на меня бешеными глазами. Если он сейчас скажет какую-нибудь гадость, например, спросит, понравилось ли мне, прокляну. Честное слово.

– Арина, я его убью, – удивил меня Семёнов. Говорил он спокойно. Даже слишком спокойно для человека, который секунду назад существенно пополнил мой словарный запас.

– Алексей, а не кажется ли тебе, что ты слишком много на себя берёшь? – подозрительно мягко поинтересовался Захар Матвеевич. – Может, мне стоит напомнить, кто здесь старший по званию и кто отвечает за проведение операции? Не нужно? Ну и чудненько. Никого ты не убьёшь. По крайней мере, без моего на то позволения. И, будь любезен, не позорь звание офицера подобного рода выходками. Держи себя в руках. Не в районном ОВД служишь всё-таки.

Семёнов промолчал. Но по выражению его лица было понятно: он всё осознал и непременно исправится. Когда-нибудь. Потом.

– Как я понимаю, с подозреваемым мы определились, – подытожил Захар Матвеевич.

Мы с Семёновым синхронно кивнули.

– Что ж, прекрасно. Осталось обсудить детали операции по его задержанию. Желательно сделать все незаметно, не привлекая ненужного внимания коллег к вашим персонам.

После того как план был тщательно проработан, Захар Матвеевич решил уделить внимание мне.

– Ариночка, вот ещё что. Вам нужно будет пройти несколько бюрократических процедур. Ничего сложного. Сканирование ауры, регистрация и ежеквартальный учет.

– Это ещё зачем? – слегка прифигела я.

– Как я уже говорил, мы ведём учет лиц, несколько отличающихся от обычных граждан, следим за соблюдением ими установленных правил поведения.

– А зачем вам регистрировать меня? Я же не из тех граждан, которые несколько отличаются от остальных.

– Это не совсем так, Ариночка. Видите ли, вы у нас ведьма.

– Кто? – я поперхнулась чаем, да так, что он вышел носом.

– Ведьма, – повторил мужчина, участливо наблюдая за тем, как я откашливаюсь, отплеываюсь и утираюсь. – А посему вам надлежит пройти все стандартные процедуры и соблюдать все установленные правила. Зайдите к нам в понедельник после работы. Это не займёт много времени.

– Ведьма, – задумчиво протянула я.

Что-то не припомню полётов на метле при свете полной луны, танцев на Лысой горе, сделок с дьяволом. Не слишком ли скучно я живу для ведьмы?

– Да-да, ведьма, – развеял мои сомнения Захар Матвеевич. – И, судя по ауре, потомственная.

– Странно. У меня обычная семья, никто из родственников особыми способностями не наделен.

– А хорошо ли вы знаете всех своих родственников?

Задумалась, затем помотала головой. Действительно, я близко общаюсь только с теми, с кем поддерживают связь родители.

– А предков своих до какого колена знаете?

– Бабушек и дедушек. Всё, пожалуй.

— То-то же! — поднял указательный палец вверх Захар Матвеевич. — И как, не зная истории своего рода, вы можете делать вывод о том, что никто в этом самом роду не обладал сверхъестественными способностями? Магический дар не передается от одного члена семьи другому посредством ритуалов, как модно сейчас думать. Он изначально заложен в человеке. В его геноме. Разного рода ритуалы по передаче дара лишь способствуют его пробуждению, раскрытию. Но и без этого человек, имеющий дар, способен обнаружить его в себе и развить. Вот, например, в нашем случае. Не привези вас Алексей сюда, вы бы так и находились в неведении относительно своих особенностей. Жили бы обычной жизнью до конца дней. А может быть, случись какая-нибудь сверхстрессовая ситуация, которая потребовала бы полной мобилизации всех сил и резервов организма, этот дар проявил бы себя и, скажем, спас вам жизнь.

— Так у меня уже была такая ситуация! И я едва не погибла. Вы же сами сказали, что если бы Семёнов не притащил меня к вам, я бы уже созерцала свет в конце тоннеля.

— Удача. Тоже немаловажный фактор. Вполне возможно, вам везёт несколько больше, чем обычным людям.

Я фыркнула. Ну да, везёт, как же! За два года каторжной работы в конторе ни повышения в должности, ни увеличения зарплаты. Несколько лет мотаюсь по съёмным углам, экономлю каждую копейку в попытке накопить на первоначальный взнос, чтобы взять ипотеку. Едва ли половину нужной суммы собрала. Фортуна меня любит, без сомнений.

— Зря вы так. Может быть, проявлением удачи является именно тот факт, что вы остались живы. И потом, вы ещё очень молоды, чтобы оценивать свою жизнь на предмет событий и явлений, которые подвели к самому благоприятному для вас разрешению той или иной ситуации. В общем, в одном я уверен абсолютно точно. Вы ведьма, Арина. Примите этот факт и используйте его в своих интересах, но с учетом тех ограничений, что установлены для нашей братии. Без них никак, знаете ли. Одними только нормами морали человека от неблагоприятных поступков не удержишь.

— Нашей братии? Так вы тоже ведьма? То есть колдун или ведьмак?

– Я ведун, Арина. Маг, чародей, колдун, ведьмак – это всё слишком сказочно звучит. Нас принято называть ведунами. Я тоже состою на учёте в своей организации. Так же, как и остальные ведуны и ведьмы, должен следовать правилам. Так же, как и остальные, понесу ответственность в случае их нарушения.

– А Семёнов? Он тоже ведун?

– Алексей? Нет, он просто очень талантливый молодой человек. И я буду вам признателен, если вы согласитесь ему помочь. Всем нам помочь. У нас, знаете ли, не хватает кадров вашего профиля. Поэтому любая помощь будет бесценна.

– Почему не хватает кадров? Мне кажется, это довольно интересно. Уж точно интереснее, чем корпеть над бумагами и выслушивать потоки негатива от начальства и клиентов.

– Текучка у нас, Арина. Молодые ведуны и ведьмы быстро понимают: занявшись частной практикой, можно заработать в разы больше, чем готово платить Управление. Хотя зарплаты у нас весьма достойные.

– А вы, значит, идейный.

Захар Матвеевич рассмеялся.

– Нет, что вы. При чем тут идейность? Просто я прожил долгую жизнь и многое повидал. Был период, когда я зарабатывал именно своими способностями, но это в прошлом. Устал я от людей, Арина. От их мелочности, жадности и глупости. От нежелания осознавать последствия своих поступков и отвечать за них. Все грезят о красивой жизни. И совершенно не хотят прикладывать усилий для того, чтобы их мечты реализовались. Люди приходят к ведуну не затем, чтобы исправить себя и таким образом изменить свою судьбу. Нет, они приходят за результатом. Как в магазин за новым пальто. Но жизнь – не магазин, а судьба – не драповая тряпка. Только большинство этого не понимает. Здесь же я свободен от необходимости общаться с клиентами. И потом, расследовать преступления, разгадывать головоломки весьма увлекательно, не находите? Однако в силу возраста я не могу выполнять оперативную работу. Занимаюсь исключительно аналитикой. Поэтому буду признателен, если вы согласитесь на какое-то время стать моими глазами и руками.

Я снова сидела в машине Семёнова. Он решил познакомить меня с участком, который курировал. На моих коленях лежала кипа распечаток, содержащих информацию, которую следовало изучить и соблюдать. Я начала с первой подшивки.

– Запрещается, – далее следовал список на нескольких листах. Я принялась зачитывать запреты по порядку их изложения, – вести незаконную предпринимательскую деятельность по обслуживанию населения.

– Ну, тут всё просто, – прокомментировал Семёнов. – Получи профильное образование в аккредитованных заведениях (если интересно, список принесу), потом зарегистрируйся в налоговой как ИП. После этого мы выдадим тебе лицензию. И вперёд, можешь заниматься честным отъёмом денег у населения.

– Ладно. Дальше. Запрещается заниматься деятельностью, подавляющей волю человека и лишаящей права свободного выбора сексуального партнера. Это что?

– Тоже просто. Запрещены привороты.

– А что будет за нарушение?

– Тюрьма.

Я засмеялась.

– Семёнов, ты меня за дуру, что ли, держишь? На каком основании тюрьма-то? Нет в Уголовном кодексе такой статьи, по которой можно привлечь за приворот. За что меня посадят? За изнасилование?

Я где-то читала, что насильникам несладко приходится в местах не столь отдаленных. Не уважает их тюремное сообщество. Правда, это касалось мужчин. Про женщин не слышала ничего подобного. Как-то сложно представить женщину, насилующую мужчину. Но даже если и предположить возможность этого, сдаётся мне, в женской колонии такая дама станет пользоваться всеобщим уважением и почётом.

– Афанасьева, ты когда-нибудь слышала поговорку: был бы человек, а статья найдется? Слышала? Вот то-то же. И потом, у нас свой Уголовный кодекс и свои тюрьмы. Куда тебе лучше не попадать. Поверь на слово.

– Ладно, убедил, никаких приворотов. Что тут у нас ещё? Запрещается причинять вред здоровью и имуществу граждан. Ну, со

здоровьем вроде бы понятно. Порчи там всякие, сглазы. А с имуществом-то что?

– Проклятие на безденежье. Отъём успеха у одного человека и передача его другому. Сглазы типа: чтоб ты жил на одну зарплату или чтоб тебе пусто было. Масса вариаций.

Я снова рассмеялась. Давно так не веселилась, честное слово.

– Не смешно, Афанасьева. Ты пока не вошла в полную силу и серьёзного вреда причинить не можешь. Но если станешь развивать способности, придётся научиться сдерживаться. Например, толкнёт тебя какой-нибудь хам в метро, а ты даже плохо про него подумать не имеешь права, так как любая твоя негативная мысль, направленная в его адрес, повлечёт неприятные последствия.

Какие заманчивые перспективы! Это ж как развернуться можно при желании! А после ездить на работу в опустевшем метро. Сидя. И толкать никто не будет, на ноги наступать, обзывать. Красота! Что там за аккредитованные учебные заведения? Огласите весь список, пожалуйста.

– Даже не думай, Афанасьева! – правильно интерпретировал выражение моего лица Семёнов.

Тем временем мы приехали в один из районов, застроенный панельными хрущёвками. Семёнов припарковал машину и направился к подъезду с металлической дверью и кодовым замком. Я следовала за ним, предвкушая интригу. Кого он мне сейчас покажет: трехсотлетнего вампира, мохнатого оборотня или ещё какую невидаль?

Парень набрал код, и дверь распахнулась. Мы поднялись на третий этаж, позвонили в выбранную Семёновым квартиру. Я затаила дыхание, приготовилась удивляться. И удивилась. Нас встретила неопрятная грузная тётка в замусоленном халате и стоптанных тапках, в которой не было ничего сверхъестественного.

– Косметика не нужна, чайники и пылесосы тоже, – недружелюбно поприветствовала нас хозяйка квартиры. – Картошки своей в избытке.

– Рад за вас, – ответил Семёнов. – Но мы по другому вопросу. Вы вчера заявку оставляли по поводу затопления.

– Надо же, как быстро. Я вас раньше понедельника не ждала.

– Комфорт жильцов превыше всего. Нам очень дорого ваше мнение о нас. Дороже собственных выходных, – съехидничал Семёнов.

Хозяйка впустила нас в квартиру, попутно выдавая потоки жалоб.

– Второй год одно и то же. Как соседи сменились, так и началась морока. То на кухне потечёт, то в комнате. Про ванную даже не говорю. Мы там уже белить перестали. Никакого смысла. Только побелим потолок, снова пятно. Бассейн там у них, что ли? Сколько раз пытались поговорить, дверь не открывают. Притворяются, будто дома никого нет. Но мы-то знаем, что это не так. Слышно, как они там ходят, стулья передвигают, телевизор опять же не умолкает.

Мы с Семёновым бродили следом за хозяйкой, задумчиво изучая сине-жёлтые потёки на потолке. Заглянули на кухню, в ванную, осмотрели единственную комнату, в которой на диване лежал мужик. Мужик этот даже не взглянул в нашу сторону. Как загипнотизированный уставился в телевизор, где по заливному лугу лев гнал антилопу. Я заинтересовалась сюжетом. Интересно же, удастся ли несчастному копытному избежать печальной участи стать чьим-то обедом. Не удалось. Я поморщилась и посмотрела на мужика. Тот был абсолютно безучастен к окружавшей его действительности. Раскинулся на диване в семейных трусах, резинка которых терялась под круглым волосатым животом. На полу рядом с диваном стояла початая бутылка пива. Меня передёрнуло. Картина чужой семейной жизни была страшней убийства антилопы. Мистики, однако, никакой не наблюдалось.

Бросила недоумённый взгляд на Семёнова, который с серьёзным видом что-то записывал в блокнот.

– Вы уж разберитесь с ними, – попросила хозяйка квартиры.

– Не беспокойтесь, непременно, – уверенным тоном пообещал айтишник. – Пошли, Афанасьева.

– Куда?

– Разбираться.

И мы пошли. На следующем этаже, стоя перед закрытой дверью и вжимая палец в кнопку звонка, Семёнов сказал:

– А теперь, Афанасьева, смотри внимательно. Включай своё шестое чувство. Потом поделишься впечатлениями.

На сигнал никто не отреагировал. Семёнов позвонил снова, затем прижался ухом к двери, после чего пнул её несколько раз и довольно громко крикнул:

– Гражданка Мокрая, это Алексей Семёнов из Управления. Откройте. Я знаю, что вы дома, – и снова принялся барабанить по двери. – Гражданка Мокрая, не откроете по-хорошему, поступим с вами по-нашему. Потом не жалуйтесь на нарушение конституционных прав.

За дверью заскреблись, щёлкнул замок, и в образовавшемся проёме возникла высокая стройная блондинка с внушительным бюстом. Из одежды на ней было лишь чёрное кружевное бельё.

Блондинка грациозно облокотилась о дверной косяк, демонстрируя все очевидные достоинства своей фигуры.

– Ах, господин Семёнов, – с придыханием промурлыкала она. – Отчего же вы заранее не предупредили о своём визите? У меня не прибрано, да и сама я, как видите, не одета.

Я со злостью подумала, что времени одеться у роскошной блондинки было более чем достаточно. Так что пусть не врёт. Ясно же как белый день, подобный выбор одежды – хорошо продуманный тактический ход. Она определённо имеет виды на моего напарника.

– Гражданка Мокрая, мы по делу. На вас поступила жалоба. Вы позволите?

Семёнов махнул головой в сторону прихожей, давая понять, что не намерен общаться через порог. Вёл он себя как ни в чём не бывало. Прелести гражданки Мокрой оставили его равнодушным, в отличие от меня. Я же уставилась на блондинку с открытым ртом. Она скорее напоминала модель с обложки журнала «Playboy», чем живую женщину. И находиться рядом с ней было весьма некомфортно. Я в полной мере ощутила собственную непрезентабельность.

Блондинка томно повела точёным плечиком, отчего аппетитная грудь призывно колыхнулась. Как у женщины с такой талией может быть столь внушительный бюст? Всем известно, что женская грудь по большей части состоит из жира. Которого у этой дамы не было ни грамма.

– Проходите.

Семёнов склонился над моим ухом и прошептал:

– Афанасьева, подбери челюсть. И смотри внимательно. То, что ты сейчас видишь, – всего лишь морок.

Семёнов пропустил меня вперёд и закрыл дверь. Я шагнула в квартиру блондинки, ожидая застать там логово разврата. Логово

встретило непрошенных гостей таинственным полумраком, тяжёлой влажной духотой и затхлым запахом стоячей воды.

Айтишник щёлкнул выключателем, и прихожая озарилась ярким светом. Я испытала новый шок. На полу прихожей волнами бугрился древний линолеум, на стенах висели лохмотья заплесневелых обоев, штукатурка на потолке отсырела и местами осыпалась. Кое-где набухали белесые капли. Одна из таких капель сорвалась с потолка и плюхнулась на пол в шаге от меня. Не такой интерьер я себе представляла, глядя на роскошную блондинку.

– Не желаете пройти в комнату? – поинтересовалась та.

– Обойдёмся, – ответил Семёнов, и я была с ним солидарна.

Кто знает, в каком состоянии комната? Вдруг доски пола отсырели и провалятся под нашим весом. Я представила себе, как мы с Семёновым падаем на диван соседа снизу – любителя пива и живой природы. Нет, спасибо. Мы там сегодня уже были. Нам и в прихожей неплохо.

– Гражданка Мокрая, на вас поступила жалоба от соседей. Суть жалобы, полагаю, ясна. Мы неоднократно беседовали с вами на предмет соблюдения простых правил проживания в человеческих домах. Если вы не в состоянии контролировать свои естественные проявления, Управление подберёт вам более подходящее жильё, где вы никого не побеспокоите.

– Знаю я ваше жильё! Хибара за сотым километром. Ну уж нет! Я никуда отсюда не уеду! Во-первых, я собственник этой квартиры, а во-вторых, у меня работа в шаговой доступности. Вы же знаете, что я не могу перемещаться в общественном транспорте.

– А где вы работаете? – поинтересовалась я.

Мне казалось, блондинка назовёт какое-нибудь известное модельное агентство.

– В фитнес-клубе. Я инструктор по плаванию.

Ответ удивил. С такими внешними данными и в местечковом фитнес-клубе?

– Гражданка Мокрая, – строго произнёс Семёнов, – выношу вам официальное предупреждение. Приведите квартиру в порядок, решите вопрос с соседями миром. Компенсируйте причинённый ущерб и не допускайте повторения ситуаций. Учтите, ещё одна жалоба в ваш адрес, и переезда не избежать.

Блондинка надула и без того пухлые губы, но спорить не стала. Я же с интересом рассматривала инструктора по плаванию. Когда мой взгляд опустился к кончикам покрытых ярким лаком пальцев ног, вскрикнула от удивления. Возле ног блондинки разливалась лужа.

Семёнов, конечно, был суров с ней. Но подобная реакция, на мой взгляд, чрезмерна.

– Гражданка Мокрая, – Семёнов осуждающе покачал головой.

Блондинка вздрогнула, посмотрела на пол и бросилась в сторону туалета, откуда вернулась с ворохом тряпья. Тряпки были брошены в лужу и моментально впитали воду.

Я перевела взгляд на изящные щиколотки хозяйки квартиры. И онемела.

На том месте, где секунду назад стояла красивая молодая женщина, возвышалась желатиновая гора серо-зелёного цвета. В глазах у меня потемнело, вероятно, от шока. Реальность затянулась легкой дымкой и пошла зыбкой рябью. Когда туман перед глазами рассеялся и картинка восстановила четкость, я поняла, что мне не привиделось. А ещё поняла: надо бежать. Бежать сломя голову, оглушая прохожих истерическим криком. Но не смогла пошевелить и пальцем, намертво вмерзая в ветхий линолеум. Голос тоже отказал. Полный паралич, одним словом.

Гора имела перепонки между раздутыми, но тщательно наманикюренными пальцами рук и ног, тонкие черные росчерки по бокам горла, состоявшего преимущественно из череды подбородков, и длинные редкие засаленные волосы, через которые просвечивала грязная зелень черепа. Гора с хлюпающим свистом вдыхала и выдыхала воздух, колыхаясь при каждом вдохе. Человекообразная помесь Джаббы Хатт и мультяшного водяного уставилась на меня холодными и пустыми рыбьими глазами, изредка моргая белесыми мутными плёнками век, которые украшали два роскошных веера наращенных ресниц.

От панической атаки спас Семёнов. Он заметил реакцию и крепко сжал мою ладонь.

– Надеюсь, вы нас услышали, – обратился он к чудищу как ни в чём не бывало. – Даю неделю на то, чтобы урегулировать вопрос с соседями. Я проверю, не сомневайтесь.

Мы покинули странную квартиру. Уже сидя в машине, отдышавшись и успокоившись, я обратилась к Семёнову.

– Что за фигня творится с хозяйкой? Она чем-то болеет?

– Нет, – усмехнулся айтишник. – Ничем не болеет. А ты молодец! Заметила.

Ага, попробуй не заметить ЭТО!

– Кто она такая?

– Мокруха. Домашняя нечисть. В целом безвредная, но со своей спецификой. Где ни появится, всюду разводит сырость.

– Домашняя, а работает в фитнес-клубе, – я была потрясена таким несоответствием, как, в принципе, и остальным увиденным.

– Надо же ей на что-то жить, – философски заметил Семёнов.

Действительно! Ну, здравствуй, новый чудный мир!

После посещения желеобразной блондинки Семёнов отвез меня домой, мотивировав это тем, что на сегодня с меня достаточно впечатлений. Он даже не пытался напроситься в гости. Проводил до квартиры, коротко попрощался и был таков. Наконец-то я осталась одна.

Одиночество и выключенный телевизор содействуют развитию когнитивных способностей. Правда, не всегда и не у всех. Со мной, похоже, тоже промашка вышла. Иначе как объяснить тот факт, что вместо того, чтобы всерьез задуматься над своим настоящим и будущим, в частности, озаботиться проблемами, которые новоприобретенный статус создает моей бессмертной душе, я преисполнилась воодушевления.

В моей квартире имеются два больших зеркала. Ну как больших. Одно выполняет функцию внутренней стены в прощальном приветствии советской эпохи – мебельной стенке – и предназначено отражать величие богемского хрусталя или его более дешёвых аналогов. Теперь же вместо хрусталя зеркало отражало фрагменты тела одной московской ведьмы.

Еще одно зеркало висит в прихожей, но там свет не тот. Мягкий и приглушенный, он показался мне недостаточно эффектным. Поэтому я металась между мебельной стенкой и прихожей, изучая себя на предмет проявления во внешности мистических качеств. Ну там на наличие таинственной глубины в чарующих глазах, какой-нибудь

замысловатой родинки или иного хитрого знака, который указал бы на то, что обладатель сего среднестатистического тела отмечен дьяволом.

Ни-че-го! Даже обидно. Может, я плохо себя разглядываю?

Осмотр закончился тем, что я, встав перед зеркалом в прихожей в одном белье, нацепив шпильки и томно изгибаясь, как в микрофон, принялась петь в расческу: «когда себе, когда себе, когда себе я вставлю сиськи»^[4].

Мне было весело. Возможно, так выходил стресс от пережитого в последние дни. Хотя, вероятнее всего, дело было в энергии, которую влил в меня заботливый Захар Матвеевич. Влил не жалея, явно с избытком. Жизнь спасал.

Чувствовала ли я себя проклятой? Хотелось ли мне забиться в пыльный угол или залезть в одежде в ванну и сидеть там весь вечер, обняв себя за колени и раскачиваясь из стороны в сторону, пока тёплые струи воды будут размывать лак в волосах и тушь на ресницах? Нет, нет и нет.

Стыдно признаться, но я чувствовала себя избранной. Вот прямо как Нео из «Матрицы». Была офисным планктоном. Одна из миллионов. А тут бац! Чудо свершилось! Я не такая, как все. Я ведьма! Чувство собственной важности ликовало.

В общем, остаток субботы я провела, предаваясь мечтам.

Воскресенье прошло за изучением свода правил новой жизни.

Как удалось выяснить из документов, Управление по контролю за соблюдением правовых норм отдельными категориями граждан входило в состав Министерства внутренних дел, но финансировалось куда как лучше полиции. Об этом свидетельствовала сумма моего ежемесячного довольствия, которая была указана в проекте контракта по найму независимого консультанта и над которой я медитировала несколько долгих минут. Довольствие в полтора раза превышало мой заработок по основному месту работы. Похоже, жизнь постепенно налаживается.

Понедельник встретил меня привычной давкой в метро, где всем было плевать, что среди них избранная, и родными просторами опенспейса. Памятуя о своём новом статусе независимого консультанта Управления (документы, правда, ещё не подписаны, но это бюрократические мелочи), пересиливая себя, повернулась в сторону

Павла и выдавила максимально любезную улыбку. Бывший любовник засиял.

– Паш, – промурлыкала я, пытаюсь скопировать томные интонации гражданки Мокрой. Судя по тому, как загорелись глаза собеседника, мне это удалось, – может, пообедаем вместе? Я знаю одно милое местечко неподалеку.

– Конечно, Арина. С удовольствием. Я очень хотел поговорить с тобой, но в последнее время ты была не в настроении.

Угу. Можно подумать, ты не догадываешься, почему, пиявка паршивая.

Время до обеда тянулось мучительно медленно. Даже работа не помогала отвлечься. Наконец, в половину первого Павел поднялся с места и ушёл, чтобы вернуться уже облаченным в верхнюю одежду и с моим пальто в руках. Предупредительный парень, жаль, что такой паразит. В прямом смысле этого слова. Он помог мне одеться и под пронзительным взглядом Катерины повёл на выход.

Всё то время, что мы шли по коридорам, ехали в лифте, кружили по переулкам, Павел не выпускал моей руки. Наши пальцы были переплетены, как если бы мы являлись парой. Он и вёл себя словно счастливый влюбленный, словно мы помирились после небольшой размолвки. С одной стороны, мне была приятна такая реакция на меня, с другой – я понимала: вся его обходительность вызвана единственной целью – удержать удобного донора.

В паре кварталов от кафе, куда мы направлялись, нам повстречалась троица обычных с виду парней. Они спросили, как пройти к метро. Пока Павел разъяснял нюансы маршрута, один из парней ненавязчиво оттёр меня в сторонку. Подальше от энергососа. Как-то незаметно в тихом проулке прибавилось народа, исключительно мужского пола. Павла быстро скрутили, заломив ему руки за спину. Нацепили наручники. Он повернул ко мне растерянное лицо и, кажется, догадался о причинах нападения. Попытался вывернуться из захвата, но безуспешно. Преимущество было явно не на его стороне. Он обречённо посмотрел на меня и закричал:

– Арина, ты всё неправильно поняла! Я не хотел причинить тебе вреда, клянусь! Просто не рассчитал сил.

Его потащили в сторону белого фургона. Он отчаянно брыкался, отпинывался от захватчиков и продолжал кричать:

– Дайте мне поговорить с ней! Пожалуйста! Только одну минуту! Вы всё не так поняли! Арина!

Моё имя было последним, что он произнёс. В толпе мужчин появилась фигура Семёнова. Он безжалостно саданул Павла в живот, а затем ударил по свесившейся голове. После чего вампир затих и обмяк в руках державших его людей. Я поморщилась и отвернулась.

Наверное, Павел заслужил такое обращение. Это малая плата за то, что мне пришлось пережить по его вине. Но лицезреть подобную картину своими глазами... Одно дело, наблюдать за работой правоохранительных органов, глядя на экран телевизора, и совсем другое – стать свидетелем задержания в повседневной жизни. Чересчур реалистично. Я не была готова к подобному. Кроме того, не пылала жадой мести. Всего лишь выполняла задание. Поступок Семёнова, на мой взгляд, был диким и бесчестным. Бить беспомощного человека – низко. Я была о коллеге лучшего мнения. «Когда же ты научишься разбираться в людях, Афанасьева?» – спросила я себя.

Фургон уехал. Улица опустела. На душе было невероятно гадко.

Я бродила по улицам и переулкам, подставляя лицо мелкому осеннему дождю. Потечёт тушь? Да плевать. Судя по взглядам случайных прохожих, тушь действительно потекла. От дождя ли? От слёз? Какая, собственно, разница? Мне было больно. Так, словно кто-то сжал моё несчастное сердце в руке и принялся натирать на тёрке, превращая его в мелкие кровавые ошмётки. Мне было плохо, очень плохо. И гадко. Словно я предала кого-то. Словно кто-то предал меня.

Кое-как добрела до офисной курилки. Рухнула на лавку, достала пачку сигарет, судорожно затянулась. Щёки были мокрыми. Уже не от дождя. К счастью, коллег поблизости не наблюдалось. Но счастье было недолгим. Рядом со мной села Катя. Прижалась плечом к плечу. Закурила.

– Вы расстались? – спросила она.

Я кивнула.

– По его инициативе?

Снова кивнула. Разве могла я вывалить на неё всё бурлившее сейчас в моей душе? Пусть лучше думает, что Павел меня бросил.

– И где эта сволочь?

– Не знаю, – всхлипнула я. Вышло очень жалостливо. Я знала, где он, и догадывалась, что его ждёт. И мне отчего-то было жаль его.

– Хочешь, я его уволю? Он на испытательном. Так что это не проблема.

Я прислонила голову к её плечу. Всё-таки она настоящий друг. Жаль, Семёнова уволить не может.

– Это лишнее. Думаю, он сам уйдет.

Если жив останется, в чём я сильно сомневаюсь.

– Очень на это надеюсь. Учти, Арина, если он не напишет заявление, то на стол Копытину ляжет моя докладная. Этого говнюка в моем отделе не будет.

– Спасибо!

Катя выудила из своей сумки салфетки и принялась приводить меня в порядок. Стёрла потёки туши на щеках. Но остановить слёзы была не в силах.

– Может, тебе лучше домой?

Помотала головой. Перекладывать на неё свою работу я не собиралась. Профессионал я или кто? Соберись, Афанасьева!

Мы вернулись на рабочие места с невозмутимыми лицами. Я принялась лихорадочно долбить по клавиатуре. Нет больше в моей жизни ни Павла, ни Семёнова. Есть только работа. Ею и буду спасаться. Я развивала бурную деятельность ровно до семи вечера. Кабинет незаметно опустел, и ко мне подрулил айтишник.

– Арина, нам нужно ехать.

Он говорил осторожно, словно был сапёром, а я миной с неисправным взрывателем, которая могла рвануть в любой момент.

Я равнодушно, надеюсь, что равнодушно – скольких сил мне это стоило! – кивнула. Не глядя на него, заблокировала компьютер, подхватила сумку и пошла из кабинета в сторону гардеробной. Семёнов плёлся следом.

– Арина, может, поговорим?

Я молчала. Говорить с ним мне было не о чем. Ты не мой рыцарь дня, Семёнов. Осознай уже это и отвали.

Выхватила своё пальто из его рук и оделась самостоятельно.

– Арин, ну зачем всё усложнять? – хмуро поинтересовался Семёнов.

Я вяло дёрнула плечом и вышла из раздевалки.

Семёнов усадил меня в свою шикарную машину. Я и не думала возражать. Вези меня, Семёнов. На большее ты всё равно не годен. Он пытался завязать разговор, но я отвечала односложными фразами и мусолила жвачку. В превентивных целях. Чтобы не замутило. От дороги и от Семёнова. Он осознал, что собеседник из меня никакой, и прекратил попытки общения. Включил радио на полную. В салоне надрывалась вокалистка группы «Мельница». Люблю я её. Может, Семёнов и правда телепат? Только хреновый малость. «И это лучшее на свете волшебство». Ага, как же! Видела бы ты то волшебство, свидетелем которого мне сегодня довелось стать, по-другому бы запела. До чего же паршивое у меня настроение! Даже любимая песня не катит. А Семёнов точно телепат. Переключил на ненавязчивый джаз. Под мягкие импровизации я постепенно достигла долгожданного умиротворения. Наконец, мы подъехали к офису Управления на Чистых прудах.

– Арина, – схватил мои руки Захар Матвеевич, – вы молодец! Объявляю вам благодарность! С первым заданием вы справились отлично. Алексей, с тебя объяснительная. Садись, пиши.

Ведун, не отпуская моих рук, потащил меня к столу. Усадил на стул, после чего угнезвился на своём рабочем месте.

– Ариночка, тут такое дело. Даже не знаю, с чего начать.

– Начните сначала, Захар Матвеевич, – спокойно ответила я.

У меня было непривычно апатичное состояние, словно я выпила гору успокоительных. Неужели Семёнов способен влиять на моё мировосприятие? Раньше за ним такого не замечала. Мужчина покосился в сторону айтишника. Ну, точно, происки Семёнова. Странные они все в этом Управлении. Имеет ли смысл удивляться?

– Дело в том, Арина, что Павел оказался совсем не тем, кем мы его считали. Он невиновен в тех смертях, о которых я говорил.

Может, это покажется странным, но я почему-то обрадовалась.

– Значит, он обычный человек?

– Увы, а вот это не так. Павел – волокита.

– В смысле бабник? Что же тут необычного? Семёнов вон тоже бабник. Но это не делает его сверхъестественной сущностью. Хотя бабник он выдающийся.

Семёнов бросил в мою сторону многозначительный взгляд. Хотел возразить, наверное, аргументированно, но Захар Матвеевич так на

него посмотрел, что тот опустил голову и принялся вдумчиво выводить письма на бумаге. Ага, ты работай, Семёнов, работай. Объясняй руководству причину служебного рвения. Мне тоже интересно, что подвигло тебя на избиение беспомощного человека.

– Волокита – это не моральный облик означенного индивида, Арина. Это особого рода нечисть, которая питается энергией, выделяемой в процессе полового акта.

Раздался громкий треск. Мы с Захаром Матвеевичем синхронно повернули головы в сторону Семёнова. Оказалось, это ручка разломилась пополам в лапищах айтишника. Ему бы перестать злоупотреблять тяжелыми весами. А то канцелярских товаров не напасешься.

– Так вот, – продолжил Захар Матвеевич, – волокита – славянское название инкубов. Что такое инкуб вам известно?

Я кивнула. Начиталась в своё время разных книг. Развратный демон, вот кем оказался мой Прекрасный Принц.

– Противостоять обаянию инкубов невозможно. Это факт. Как и то, что в качестве пары они стараются выбирать ведьм, так как те энергетически значительно сильнее обычных женщин и, как правило, не страдают от подобной связи. Многие ведьмы сознательно идут на контакт с инкубами. Это позволяет безопасно скинуть излишки энергии. В большинстве своём такие пары самые крепкие, так как в их основе лежит взаимная выгода. Каждая сторона получает то, что ей необходимо. Инкуб – постоянный источник жизненной энергии, ведьма – возможность контролировать свою силу. Отдавая лишнюю энергию, она получает возможность ослабить контроль над эмоциональным состоянием. Видите ли, избыток энергии губителен для ведьм и ведунов, точнее для их окружения. Вы уже, наверное, ознакомились со сводом правил и поняли, что любая негативная эмоция, направленная на окружающих, может весьма деструктивно отразиться на их здоровье. А подобные действия жестоко караются. Инкубы забирают этот излишек, избавляя сильных ведьм от возможных эмоциональных всплесков. Плюс любовники они фантастические.

В кабинете снова раздался треск. Семёнов тихо чертыхнулся, выкинул в мусорную корзину обломки очередной ручки и потянулся за следующей.

– Вы так рассказываете об этом, словно испытали на себе, – улыбнулась я.

– Испытал, – не стал юлить Захар Матвеевич. – Моя супруга была суккубом. Это женская разновидность инкубов. Мы прожили тридцать лет в полном взаимопонимании. Пожалуй, этот брак можно назвать счастливым. Суккубы, как и инкубы, найдя энергетически сильного партнера, предпочитают хранить ему верность. Так намного удобнее, чем постоянно искать новые источники пропитания.

– Это же потребительство в чистом виде! – возмутилась я. Меня коробило от мысли о том, что союз мужчины и женщины строится не на любви и взаимном уважении, а на банальном энергетическом обмене. Да, я наивная и верю в большое и чистое чувство.

– А разве обычный брак не потребительство? – с иронией поинтересовался Захар Матвеевич. – Вы ещё очень молоды, Арина. И полны иллюзий. Но жизнь это исправит, поверьте. Что касается инкубов и суккубов, то с ними легко и приятно жить. Они удобны в быту и не создают проблем, скорее наоборот, стараются избавить от них партнера.

– Павел решил, что я ведьма?

– Да, он почувствовал это. Кроме того, вы заинтересовали его как женщина.

И снова треск, и обломки ручки летят в корзину под аккомпанемент тихих ругательств.

– Алексей, мы, наверное, мешаем тебе? – обратился к Семёнову Захар Матвеевич. – Может, лучше прогуляешься до кухни и там закончишь объяснительную?

– Ну уж нет! Я останусь, с вашего позволения, – довольно резко ответил айтишник.

– Как знаешь. Только, прошу тебя, прекрати разбазаривать государственное имущество.

Семёнов раздражённо кивнул.

– Вернемся к Павлу. Он убеждал нас, что не хотел причинить вам вреда, полагая, что вы в полной мере владеете своей силой и сознаете, кто он такой. Более того, Павел старался минимизировать первые контакты, давая вам время привыкнуть к нему. По крайней мере, так он нам сказал. Это правда?

– Да, – не стала отпираться я.

Стало понятно, почему Павел сбегал каждый раз.

– У него были серьёзные намерения в отношении вас. И теперь, когда все недоразумения устранены, если вы желаете продолжить эти отношения, никто из нас не станет препятствовать.

– Вы, должно быть, шутите?

– Ни в малейшей степени. Нам нечего ему предъявить. Он невиновен в нападениях на людей. Мы отпустим его. И ваше право решать, продолжать ли общение с ним. Если, конечно, вы не напишете заявление о причинении вреда. Тогда мы будем обязаны дать делу ход. Всё-таки на момент знакомства с Павлом вы не догадывались о своих способностях и, более того, излишками энергии не страдали. Если бы не действия инкуба, ваш контакт с энергетическим вампиром не привел бы к столь печальным последствиям. Так будем составлять заявление?

Я помотала головой. Не вижу смысла портить жизнь Павлу. Он же не знал, что ведьма из меня никакая. Продолжать с ним отношения я также не собиралась. Теперь-то я поняла, что моё чрезмерное увлечение Прекрасным Принцем было не чем иным, как влиянием его сверхъестественных особенностей. Ни о какой любви речи не шло. А раз так, зачем ввязываться в нездоровые отношения? Я не настолько цинична.

– Что ж, это ваш выбор, Арина. Я распоряжусь, чтобы Павла отпустили. Кстати, он очень просил о встрече с вами. Вы можете отказаться.

Снова помотала головой. Я должна увидеться с ним. Нужно расставить все точки над Ё.

Захар Матвеевич позвонил по служебному телефону, и через пару минут в кабинет ввели Павла. Ведун махнул головой Семёнову, и тот нехотя поднялся. На выходе будто бы случайно задел Павла плечом, отчего тот поморщился.

Я осталась наедине с Прекрасным Принцем. Но он уже не был столь прекрасен, как прежде. Его изрядно помяли в Управлении. Не представляю, сколько времени потребуется, чтобы с аристократичного лица сошли следы побоев. И это только лицо. Что же с остальными частями тела, скрытыми одеждой? Я сочувственно охнула и с трудом сдержала порыв броситься навстречу некогда любимому человеку, чтобы утешить и поддержать его.

Наверное, я и правда дура. Из-за него я пережила несколько малоприятных дней. Еле волочила ноги, полагая, что стала жертвой неизлечимой болезни. Впервые столкнулась с тем, что мужчина ставит своё удовольствие превыше всего, не считаясь с чувствами и мнением женщины. Разве за это не стоит презирать? Полагаю, стоит. Но я не испытывала сейчас презрения или ненависти. Только жалость. И возмущение действиями сотрудников Управления. Точнее, одного конкретного сотрудника.

– Арина, – Павел первым прервал молчание, – я не знал! Клянусь, я действительно не знал, что ты не инициирована! Если бы я мог повернуть время вспять... Всё было бы иначе. Если ты мне позволишь...

– Не надо, Паша. Ничего не будет. Я не смогу. Мне казалось, я встретила своего человека. А на самом деле – это лишь твоё воздействие. Я не хочу так.

– А как ты хочешь, Арина? Только скажи, и я сделаю всё, о чем ты попросишь. У нас может быть будущее. У нас так много общего.

– Ошибаешься. У нас нет ничего общего. Ни одного общего интереса или увлечения, кроме того, ради которого ты всё затеял. У меня, по сути, не было выбора. Ты увидел меня и тут же решил, что перед тобой идеальная кормушка. Это омерзительно!

– Не надо так, Арина. Тут нет ничего омерзительного. Это лишь проявление нашей натуры, нашей с тобой общей натуры. Природа всё решила за нас. Мы можем стать идеальной парой. Я знаю массу примеров. Я слишком торопился привязать тебя к себе. Признаю. Я поступил неосмотрительно, непозволительно, грубо. Но все ещё можно исправить. Я не подонок. Ты поймешь это, когда узнаешь меня лучше. И ты не кормушка. Ты понравилась мне с нашей первой встречи.

Павел поднёс было ладонь к лицу, но тихо ойкнул и отвёл руку. Моё сердце сжалось на миг. Но всего лишь от сострадания. А это не повод продолжать заведомо безнадёжные отношения. Я не испытывала к нему никаких чувств. Павел был для меня чужим человеком. Даже если он и пытался во время разговора влиять на меня, его воздействия я не ощущала. Больше нет.

– Это конец, да? – обречённо спросил он.

Я кивнула, не отрывая взгляда от измочаленных носков своих заношенных ботинок.

– Мне жаль. Ты хороший человек. И красивая девушка. Хоть и не осознаешь этого по какой-то непонятной мне причине. Не знаю, какой гад внушил тебе обратное. Надеюсь, ты найдешь того, кого ищешь. Своего человека, как ты сказала. Если же нет, мой номер у тебя есть, и если ты передумаешь... Я буду ждать, Арина.

Я промолчала. А что я могла ему сказать?

– И ещё, – продолжил Павел, не дождавшись ответа. – Оставаться на работе не вижу смысла. Я напишу заявление. Прощай. И всего тебе хорошего.

Я кивнула через силу. Говорить не могла из-за комка в горле. Всё-таки он оказался намного лучше, чем я полагала. Получив отказ, не сорвался на мелочное выяснение отношений, не опустил до оскорблений и унижений. Принц повёл себя как настоящий принц. И это было непривычно. Предыдущие мои расставания заканчивались куда как пошлее. Павел и в этом оказался на высоте. Мне казалось, ещё немного, и я зарыдаю в голос. Сорвусь в безобразную истерику с бабьими завываниями.

Павел вышел, оставив открытой дверь, а я молча глотала слёзы. Дура ты, Афанасьева! Догони его, останови. И будет тебе счастье. С полным взаимопониманием и радостными детскими мордашками. И уроки с детьми будет делать он, а не ты. И с ненавистными счетами за коммунальные услуги разбираться тоже будет он. И карьеру сделает – работодатели любят таких, уверенных в себе – и обеспечит твоё безбедное существование. И не бросит никогда. Захар Матвеевич же сказал, что браки между ведьмами и инкубами самые крепкие. А ты будешь сидеть как у Христа за пазухой и тихо магичить или наслаждаться каким-нибудь творчеством. Ты же планировала живописью заняться, но не имела ни времени, ни средств. Вот и займёшься.

Но я стояла на месте, как гвоздями приколоченная, и изучала свои потрепанные ботинки. Не люблю я его. И не люблю никогда. Это я точно знала.

Прошло несколько минут после того, как я успокоилась и вытерла щёки. Теперь я в полной мере воспринимала окружающий мир и могла

слышать, о чём говорили в коридоре. Там вёлся диалог между Семёновым и одним из оперативников Управления, Ринатом, кажется.

– Ты как первый день замужем, честное слово! Правильно бить не умеешь, что ли? – возмущённо вопрошал Ринат.

– Умею, – буркнул Семёнов.

– На...я тогда кулаками махал? Говорил же тебе, подожди до КПЗ. Мы бы его приняли. И никаких следов. А сейчас что? Служебное несоответствие. Ты совсем debil или как?

– Или как.

Слушать это не было никаких сил. Я вышла из кабинета, продефилировала мимо айтишника и его товарища по кулачным боям и направилась на поиски Захара Матвеевича.

– Какой же ты урод, Семёнов! – бросила на ходу.

– Арина, подожди! – крикнул вслед парень. Но я не стала оборачиваться.

За спиной раздались звуки какой-то возни.

– Мужик ты или нет? – расслышала я сдавленный шёпот малознакомого опера. – Что ты с ней носишься? Было бы ради кого. Ни рожи, ни кожи.

Ну конечно. Как же иначе? С возвращением в реальный мир, Афанасьева. Похоже, только Павел разглядел твою необыкновенную красоту.

Снова слышалась возня с глухими ударами и сдавленными ругательствами.

Захара Матвеевича я нашла на крыльце. Он задумчиво курил.

– Поговорили?

Я кивнула, а затем задала интересующий меня вопрос:

– Если пиявка – не Павел, то мы снова в тупике. Кто тогда напал на меня и остальных пострадавших?

– Это нам ещё предстоит выяснить, Арина. Надеюсь, до того, как обнаружится новая жертва.

Глава 2

Боевое крещение

Новая жертва обнаружилась в среду. Ею оказалась одна из сотрудниц отдела кадров. По корпоративной почте пришло письмо, в котором содержалась просьба о сборе средств на срочную операцию. Наш отдел внёс посильную лепту, сложив её в общий конверт, пущенный по рядам опен-спейса.

В пятницу по офису разнеслась печальная весть о том, что наша коллега скончалась, не дождавшись операции. Семёнов отправил мне сообщение, в котором подтвердил, что несчастная женщина стала жертвой пиявки. Деньги, собранные на операцию, решено было вернуть жертвователям. Когда конверт добрался до нашего отдела, то почему-то оказался пустым. Видимо, кто-то забрал пожертвования с процентами.

Я возвращалась домой в дурном настроении. Не из-за денег, нет. Было очень печально осознавать, что человек, с которым ты ходил по одним коридорам, в один и тот же день получал зарплату, пересекался в столовой и курилке, неожиданно умер. И в том, что это случилось, была отчасти и моя вина. Не спаси меня Семёнов и Захар Матвеевич, может быть, моей жизненной силы хватило бы той ненасытной твари на какое-то время. Всё-таки я ведьма, пусть и неумелая. А так, получается, кто-то отдал свою жизнь для того, чтобы жила я. Вот только равноценный ли это обмен? Наверняка у той женщины остались дети. А у меня ни ребёнка, ни котёнка. Так чем же моя жизнь ценнее её? Почему она сейчас лежит в больничном морге, а я бесцельно брожу по улицам, дышу, ем, пью?

В подавленном состоянии, практически не глядя по сторонам, вошла в метро. Забилась в вагон поезда и прислонилась к двери с надписью «Не прислоняться». Когда решила осмотреться, пожалела, что не имею проблем со зрением. У меня, как, наверное, у каждого человека, бывают такие моменты, когда окружающая реальность видится удручающе неприглядной, а люди малопривлекательными. Сейчас же в заполненном вагоне я наблюдала такое собрание уродов, перед которым меркли «Капричос» Гойи. Пассажиры через одного

имели жуткие рыла, от вида которых волосы на теле не только встали дыбом, но и покрылись изморозью.

Так, Афанасьева, спокойно! Никто на тебя не нападает. Пассажиры даже не смотрят в твою сторону. В телефоны пялятся. А эта милая дама с мордой муравьеда занята воспитанием своего вредного муравьедика. Ей до тебя и дела нет. И на прием к психиатру тоже торопиться не стоит. Это явно не диагноз. Это твоя вторая суть так себя проявляет. У тебя же и раньше случалось что-то похожее, пусть и в меньших масштабах. И ты отговаривалась недосыпом и переутомлением. А оказалось, всё это плутни королевы Маб. По крайней мере, очень хочется в это верить. Надо на досуге поинтересоваться у Захара Матвеевича. А пока книжку в телефоне почитаем. Отвлечёмся.

Отвлечься от тягот бытия не удалось. После очередной остановки напротив меня притулился парень. Весьма привлекательный, кстати. Как любая нормальная женщина я падка на красивых мужчин. Очень красивые мужчины вводят меня в состояние созерцательного транса. Могу пялиться на них бесконечно, открыв рот. Вот и этот представитель противоположного пола был чудо как хорош. Даже лёгкое свечение над ним наблюдалось. Мягкое такое, приятное.

Через пару минут мягкое свечение усилилось до состояния фар дальнего света и стало доставлять неудобства. К световым спецэффектам добавилось ощущение давления. Я чувствовала, как стягивает виски и шум в ушах перекрывает гул метро. А очень красивый мужчина тем временем разглядывал меня с нескрываемым отвращением.

Поздравляю, Афанасьева! Докатила! Ты теперь у мужчин брезгливость вызываешь.

Похоже, парень был одним из нас, тех, кого контролирует Управление. Только с противоположным мне зарядом. Интересно, что он видит, глядя на меня? Морды и рыла остальных пассажиров он тоже увидел, судя по всему, но они не вызвали у него столь сильной реакции. Неужели я настолько страшная?

Поеду-ка, пожалуй, на следующем поезде.

До дома добиралась долго. Менять вагоны пришлось не один и даже не два раза. Ну и денёк! И сколько же нечисти в Москве развелось. Понаехали!

После пережитого ноги сами понесли меня в алкогольный супермаркет, где я приобрела бутылку любимого красного полусухого.

На лестничной клетке витали ароматы еды. Я принялась и порадовалась за соседей. Похоже, у них праздник. А у меня бутылка вина и упаковка колотого пармезана на ужин. И благословенная тишина пустой квартиры. Именно то, что нужно сейчас моим истрёпанным нервам.

Открыла дверь, шагнула через порог и замерла в изумлении. На кухне и в комнате горел свет. И едой, кстати, пахло именно из моей квартиры. Если ко мне забрался вор, то какой-то неправильный.

Злоумышленником оказался Семёнов. Я даже не удивилась.

Он сидел на диване в комнате. На журнальном столике стоял мой ноутбук, на котором айтишник, практически сложившись пополам, что-то сосредоточенно печатал.

– Не помешаю? – поинтересовалась я, так как Семёнов, похоже, не слышал, как я вошла. Так был увлечён чем-то.

– А, Афанасьева! Ну наконец-то! Я уж думал, ты сегодня решила загулять.

– Была такая мысль, но в какой-то момент посетило нехорошее предчувствие. И не обмануло. Ты что тут делаешь, Семёнов? Не помню, чтобы приглашала тебя, и уж точно знаю, что не давала тебе ключи.

– Да я дубликат сделал в тот день, когда тебя реанимировал. Удобный у тебя дом. Все необходимые магазины в наличии.

– Так. Спрошу ещё раз. Какого лешего ты делаешь в моей квартире?

– Да ладно тебе, Афанасьева! Не шипи. Я вот твой комп починил. Почистил систему охлаждения. Винду переустановил, – Семёнов заискивающе смотрел мне в глаза.

Но я не спешила благодарить айтишника. Его бесцеремонность в очередной раз потрясла меня. Я стояла, опираясь о дверной косяк, и подбирала подходящие слова, чтобы высказать всё, что накопилось на душе. В этот момент пиликнул мой телефон, извещая о принятом сообщении.

«Арина, я не понимаю, что послужило причиной твоей грубости. Ты производила впечатление воспитанного и умного человека. Жаль,

что ошибся в тебе. Полагаю, продолжать дальнейшее общение бессмысленно. Николай».

Так, стоп. Когда и как я успела нахамить Николаю? Мы только вчера обменялись телефонами после того, как договорились встретиться в реале и выпить кофе после работы. С Николаем я познакомилась на популярном сайте знакомств. У этого человека было приятное лицо, осмысленный взгляд и грамотная речь, что в наши дни большая редкость. Я строила далеко идущие планы в отношении него.

В голову закрались нехорошие подозрения. Я, недобро прищурившись, посмотрела в сторону айтишника.

– Семёнов, что-то подсказывает мне, ты не только почистил комп и переустановил винду.

Парень сверкнул белоснежной улыбкой. Самой обаятельной из своего арсенала.

– Не только. Но всё это исключительно в твоих интересах. – Не слишком ли часто он апеллирует к моим интересам? – Я забочусь о твоей безопасности.

– Каким же образом?

– Ты знаешь, что на сайтах знакомств полно всяких извращенцев и даже маньяков? Собственно, для них такие сайты и создаются. Возьмем, к примеру, некоего Николая. Судя по физиономии – типичный маньяк. И зануда.

– Что ты понаписал ему, Семёнов? – взревела я, чувствуя, как глаза застилает кровавая пелена.

– Да ничего особенного. Так, чтобы отвалил и не подкатывал ко мне, то есть к тебе, свои маракасы.

Я застонала и стукнулась лбом о косяк. Два раза. Чтобы боль заглушила жажду убийства. Хотя зачем её заглушать? В конце концов, состояние аффекта – смягчающее обстоятельство. Суд меня поймёт, присяжные оправдают.

– И ещё я удалил твою страницу. Нечего тебе там висеть. Ты слишком доверчивая. Станешь жертвой извращенца или хуже, альфонса. А мне потом тебя выручать.

– Семёнов, я убью тебя, – выдохнула я и направилась на кухню. За ножом.

Но ножей не оказалось ни в сушилке, ни в ящике стола. Похоже, Семёнов предвидел подобный сюжетный ход и заранее к нему

подготовился. Ну ничего. Нет ножа, возьмем другое орудие. Я поудобнее перехватила в ладони тяжёлый металлический молоток для отбивания мяса и пошла в комнату.

– Афанасьева, ты чего? Афанасьева, ты совсем обалдела, что ли? Афанасьева, стой!

Я гоняла айтишника по комнате, размахивая молотком для мяса, как толкиеновский гном секирой. Семенов со смехом уворачивался от орудия возмездия. В какой-то момент ему надоело лихорадочно метаться по квартире, и он, перехватив мою руку, вывернул запястье и забрал молоток. Швырнул его на пол, а меня на диван. Навалился сверху, выкручивая мне руку.

– Ну всё, Арина, всё. Успокойся, – тихо, в самое ухо, сказал Семёнов. Я чувствовала его дыхание на своей шее, и моё тело неожиданно отреагировало дрожью. Приятной такой, предвкушающей дрожью. Так, Афанасьева, соберись! Ещё не хватало, чтобы он это заметил и придумал себе невесть что. – Я сейчас отпущу тебя, а ты пообещаешь, что не станешь меня убивать.

– Я не умею врать.

– И не надо. Я же хороший. Забочусь о тебе. Рагу овощное приготовил. Клетчатка очень полезна для организма. Котлетки куриные. Белок – строительный материал для мышц. Винца купил, какое ты любишь. Говорят, оно кровь улучшает. Признайся, моя скоропостижная гибель тебя очень огорчит.

– Это вряд ли. Слезь с меня, Семёнов! Сейчас же!

– Обещай, что будешь послушной девочкой.

Издевается, гад! Пользуется моим беспомощным состоянием. Но ничего, это ненадолго.

– Угу.

Доверчивый Семёнов отпустил мою руку и тут же получил локтем под рёбра. Он тихо охнул, а я воспользовалась заминкой и спихнула его на пол.

– Ну Афанасьева! Ну ведьма! – простонал Семёнов, поднимаясь с пола и потирая ушибленный бок.

– А теперь, хороший человек, слушай сюда! Верни ключи и выметайся из моего дома! Чтобы духу твоего тут больше не было! Понял?

– Да понял, понял. Что ж ты злая-то такая? Ты в курсе, что злые женщины раньше стареют?

– Пошёл вон, Семёнов!

И он пошёл. Сначала в прихожую, а затем на улицу. После того как я закрыла за ним входную дверь, поняла, что дубликат ключей он утащил под шумок. И как теперь быть? Менять замок? Денег жалко. И, кроме того, как я объясню это хозяйке? Ладно, заберу ключи в понедельник.

На кухне меня ждал накрытый к ужину стол. Я убрала лишний прибор, влезла с ногами в кресло, потёрлась, устраиваясь поудобнее, плеснула вина в бокал и приступила к трапезе. Готовит Семёнов отменно. Факт. Хотя какая-то от него польза. Примем сей прекрасный ужин в качестве компенсации морального вреда.

Я проснулась от пиликанья телефона. С трудом разлепила глаза и посмотрела на часы. Что за чёрт? Какая тварь звонит в полдевятого ночи?^[5]

– Алло, – прохрипела в трубку.

– Афанасьева, ты спишь, что ли?

Ну конечно, Семёнов. Кто же ещё?

– Сплю, отвали.

– Эээ. Афанасьева, не отключайся. Я вообще-то по делу.

– Какое может быть дело в субботу утром?

– Самое прозаичное. Злодеев сказочных кто ловить будет? Один я эту ношу не осилю. Ты договор с Управлением подписала? Подписала. Так что давай, поднимайся. Труба зовёт.

– Зря я тебя не убила вчера.

– Ты это брось, Афанасьева. Я тебе ещё пригожусь. Впусти меня, что ли. Кофе тебе сварю, пока ты себя в божеский вид приводишь.

– Какой кофе, Семёнов? Ты сейчас где?

– Под дверью, аки влюбленный рыцарь. Не веришь? Хочешь, серенаду спою?

Не успела возразить, как эта зараза запела: «А белый лебедь на пруду...» Громкий фальшивый баритон передавался сразу по двум каналам: по телефону и через дверь в прихожей. Господи, да этот придурак сейчас всех соседей перебудит! Я скатилась с кровати и кинулась ко входной двери.

– Заходи, – вместо приветствия сказала я бодрому вопреки раннему времени и довольному без причины Семёнову. – Только заткнись, бога ради!

– Здорово, Афанасьева! – радостно поприветствовал меня парень. – Ну и вид у тебя! Ты что, всё вино вчера выхлестала? Ай-ай-ай! Ты в курсе, что женский алкоголизм не лечится?

Скотина!

– Ладно, Афанасьева, не пыхти. Я пошутил. Правда, с алкоголизмом шутки плохи. Иди, умывайся, а я пока пожрать организую.

«Это какое-то, мать его, дежавю!» – думала я, пробираясь из ванной в комнату, чтобы одеться.

Когда я, умытая, одетая и причёсанная, показалась на кухне, Семёнов просканировал меня с головы до ног придирчивым взглядом.

– Уже лучше, – прокомментировал он мой внешний вид. – Теперь ты точно никого до сердечного приступа не доведешь. Садись, – махнул в сторону кресла и добавил: – Ваш завтрак готов, миледи.

Клоун! Скоморох недобитый!

Ароматный кофе с корицей. И где он её добыл? Я несколько дней безуспешно пыталась вспомнить, куда её засунула. Хрустящие гренки с золотистой яичной корочкой. Лёгкий овощной салат, щедро посыпанный укропом. Всё это заставило примириться с присутствием Семёнова, который уминал нереально вкусный завтрак в моей компании. Обычная, казалось бы, еда в исполнении айтишника приобретала новые вкусовые оттенки. Ему бы шеф-поваром в хорошем ресторане работать, а не злодеев ловить.

И снова красивый мужчина моет посуду на моей кухне, и снова я созерцаю эту невероятную картину, подперев подборок кулаком. Ехать куда не хотелось. Хотелось сидеть так целую вечность и наблюдать, как перекачиваются под тонкой футболкой мощные мускулы. Никогда не думала, что мытьё посуды может быть настолько эротичным.

Семёнов перехватил мой взгляд, улыбнулся уголком рта и подмигнул. Я смутилась, подорвалась с места и малодушно сбежала в комнату.

– Афанасьеваааа! – услышала я голос из прихожей. – Я знаю, где ты. От меня не спрячешься. Выходи. Нам пора ехать.

Глубоко и печально вздохнув, я поплелась к выходу.

– Долго ещё? – спросила спустя половину часа, что пришлась на поездку по городу.

Сейчас мы кружили по какой-то промзоне. На фоне хмурого осеннего пейзажа заброшенные заводские корпуса и подсобные сооружения выглядели особенно уныло.

– Почти приехали.

И действительно, через пару минут машина остановилась. Семёнов приподнялся, протянул руку в сторону заднего сиденья, после чего вручил мне странного вида одежду – короткую куртку без рукавов с воротником-стойкой. Куртка была довольно увесистой.

– Что это?

– Бронежилет.

– Ты серьёзно?

– Я ещё никогда не был так серьёзен, Арина. Надевай.

Что-то в голосе Семёнова заставило без пререканий натянуть бронежилет. Айтишник помогал мне в этом. После чего облачился сам.

– А каски нам выдадут? А наколенники? Или лучше сразу щиты?

– Нет, обойдемся жилетами, – не оценил моего юмора Семёнов. – Это так, на всякий случай. Инструкцией предусмотрено. Под пули лезть не придётся.

– Может, я лучше в машине посижу? Пока ты всех сказочных злодеев не переловишь? У тебя всё равно опыта больше.

Семёнов усмехнулся и помотал головой. Потом протянул странные пластиковые очки с тёмными линзами и широкой замусоленной резинкой.

– Я должна это надеть?

Семёнов кивнул.

Ну ладно. Надо так надо. Нацепила очки, посмотрела в зеркало. В очках и бронежилете я стала похожа на муху. Большую, жирную, одну из тех, что обычно роятся над мусорными баками.

– Для чего очки?

– В них ты сможешь видеть живых и условно живых существ сквозь стены.

– А ты почему не надеваешь?

– Бесполезно. Это снаряжение предназначено для ведунов и ведьм. Обычный человек ничего не увидит.

– Как бесполезно? Почему не увидит? Для этого же сойдет простой тепловизор. Разве в вашем Управлении их нет?

– Есть. Но некоторые наши сограждане (имеются такие виды) не выделяют тепла. И потом, тепловизор через стены не видит. Для этого существуют другие приборы, которые используются в органах. Но с их помощью также не обнаружить нечисть и нежить.

– Ладно, побуду для тебя прибором сквозьстенного видения, – неумело пошутила я, пытаюсь скрыть нарастающую панику.

Вообще-то, подписывая договор с Управлением, я не думала, что мне придётся наряжаться спецназовцем и лезть под пули. Этого мне категорически не хотелось. Однако я понимала: если уйду сейчас, хлопнув дверью «лексуса», Семёнов отправится на задание в одиночку. Без особых способностей, без каких-либо приборов, позволяющих отличить живое от не вполне живого, но довольно бодрого и агрессивно настроенного. Возможно его сегодня схарчат, а я всю оставшуюся жизнь буду мучиться от осознания того, что бросила боевого товарища в беде. О том, что меня тоже могут схарчить за компанию, старалась не думать.

Семёнов протянул пистолет. Мысль о том, что я не прощу себе героической смерти айтишника, больше не казалась здоровой. Погорюю и утешусь. Но бегать по заброшенной промзоне в броне и с пистолетом как какой-то сталкер? Ну, нафиг! Пошла я отсюда.

– Афанасьева, стой! – Семёнов предотвратил попытку позорного бегства, заблокировав дверь.

– Выпусти меня! Мы о таком не договаривались.

– Арина, успокойся, это просто меры предосторожности.

– Иди ты в баню со своими предосторожностями! – безуспешно дёргая ручку машины, закричала я. – Вызывай спецназ, а я пошла домой.

– Спецназ будет. Но после того как мы удостоверимся, что он необходим.

– Ага, а за это время нас сожрут и переварят.

– Афанасьева, никто тебя жрать не будет. Ты же ядовитая, как рыба фугу.

– Может, и ядовитая, но как они об этом узнают, не попробовав? Всё, Семёнов, ариведерчи. Дальше без меня. Захару Матвеевичу привет и наилучшие пожелания.

Я продолжала лихорадочно дёргать ручку.

– Ладно, Афанасьева, успокойся. Поехали в контору. Сама будешь объяснять Захару Матвеевичу причину провала операции.

После этих слов я и вправду мгновенно успокоилась. Семёнов принялся выруливать между цехами, гаражами и ангарами, а я развлекалась, глядя по сторонам. В очках окружающая реальность выглядела довольно готично. Если бы не так давно встреченный рассвет, я решила бы, что наступили сумерки. Небо было хмурым и недружелюбным. Тяжёлые облака угрожающе нависали над городом и больше походили на распахнутый зев преисподней, чем на рядовое атмосферное явление. Очертания зданий и немногочисленных деревьев подрагивали, отчего казались размытыми, зато отбрасываемые ими тени, напротив, были очень чёткими, насыщенными и даже зловеще живыми. Жуть да и только! Надо поскорее валить отсюда. Мой взгляд случайно упал на один из ангаров. Он мерцал россыпью странных огоньков.

– Семёнов, притормози, – велела я, пытаясь приглядеться получше. Но с такого расстояния видела только разноцветные искры. Много-много красных, практически неподвижных, и несколько синих, которые перемещались по строго определённой траектории.

– Ты что-то видишь?

– Да. Разноцветные искры вон там, – махнула я рукой в сторону ангара.

– Много?

– Очень много красных. Они сбились в одном месте. Сосчитать не получится. А вот синих штук пятнадцать. Они плавно перемещаются туда-сюда.

– Отлично! Мы их нашли. Поздравляю, Афанасьева! Каким-то чудом ты умудрилась справиться с заданием.

– Придержи поздравления до того момента, когда мы отсюда выберемся. Что-то у меня предчувствие нехорошее.

Предчувствие не подвело. Выезд нам перегородили два мужика в камуфляже с автоматами наперевес. Семёнов сбавил ход, плавно поравнявшись с охраной странного места. Один из сторожей направил в лобовое стекло дуло автомата. Другой подошёл к машине со стороны водителя, постучал в окно.

– Арина, ты, главное, не дёргайся. Сиди спокойно, молчи и улыбайся, – проинструктировал айтишник, прежде чем опустить стекло.

– Это закрытая территория. Как вы здесь оказались? – неласково поинтересовался охранник.

– Не поверишь, командир, случайно, – приветливо улыбаясь, ответил Семёнов. – Познакомился с красивой девчонкой. Подумал, почему бы не подвезти ее.

Охранник наклонился и заглянул в салон автомобиля. Я приподняла темные окуляры очков сквозьстенного видения на лоб и мило улыбнулась дядьке в камуфляже.

– А сюда-то ты её зачем повез?

Мне стало интересно, что ответит парень. Что бомжую я тут? Ответ удивил.

– Ну, так. Ехали мимо, видим – заброшенное место, и камер наверняка нет. Решили завернуть, перепихнуться по-быстрому.

Интересная у Семёнова фантазия. Быстрый секс в автомобиле двух людей, облачённых в бронежилеты. Они на нас для косплея, значит, таких ролевых игр, где люди натягивают на себя всякие забавные костюмы, если кто не знает.

Как ни странно, охранник поверил айтишнику. Махнул рукой напарнику. Тот опустил дуло, и мы беспрепятственно покинули промзону. Всё-таки у Семёнова есть какие-то хитрые способности в арсенале. Глаза там может отводить, зубы заговаривать. Иначе как объяснить факт, что он с лёгкостью уболтал охранника и тот не обратил внимания на наш подозрительный внешний вид?

После того как мы отъехали на безопасное расстояние, Семёнов принялся звонить в Управление.

– Захар Матвеевич, добрый день! Это Алексей Семёнов. Мы только что выехали с территории фабрики. Арина обнаружила ангар, где держат людей. Она насчитала около пятнадцати единиц нечисти. Плюс на въезде вооруженная охрана. Люди. Мы встретили двоих. Нет, всё в порядке. Обошлось без жертв. Да, будем ждать на месте. До связи.

– Это ещё не конец? – расстроено протянула я.

Мне совершенно не хотелось участвовать во всяких там спецоперациях. Даже в роли зрителя. Даже в бронежилете.

– Это только начало, Афанасьева. Сейчас ты своими глазами увидишь, как работает Управление.

– Может, я лучше домой? Сама доберусь. Поймаю попутку, – я говорила очень жалостливо, но на Семёнова это не подействовало.

Он весь подобрался, словно охотничий пёс. Разве что не тявкал и хвостом не вилял. Было видно, происходящее ему нравится и он в предвкушении предстоящего риска. Ну конечно, начинаются игры больших мальчиков. Мне этого не понять. Я, в отличие от Семёнова, не адреналиновый наркоман.

– Да не бойся, Афанасьева. Никто тебя не тронет. Захар Матвеевич велел дожидаться окончания операции. Тебе нужно будет проверить потом всю территорию, удостовериться, что никого не оставили.

Минут через пятнадцать к нам подъехало несколько фургонов. Семёнов выбрался из машины. К нему навстречу шли Захар Матвеевич и какой-то спецназовец. В бронежилете, шлеме, берцах и, конечно же, с автоматом. Семёнов долго и скрупулезно объяснялся с ними, после чего спецназовец достал рацию, дал команду, и из фургонов повалили мужики в чёрном, также вооружённые и облачённые в броню. Резвой рысью они направились в сторону фабрики.

Семёнов в компании Захара Матвеевича вернулся к машине. Сделал мне знак рукой, чтобы я выходила. Я помотала головой. Ни за какие коврижки! Здесь сухо, тепло и безопасно. И музыка играет. Решено, остаюсь в машине. Айтишник повторил приглашающий жест, я снова помотала головой. Семёнов удручённо вздохнул, обошёл автомобиль, открыл дверь, ухватил меня за ворот бронежилета и потащил на улицу. Я попыталась зацепиться за сиденье, за стенки салона, за дверь, но потерпела неудачу. Преимущество было не на моей стороне.

– Ну что ты брыкаешься, Афанасьева? – возмущался Семёнов, волоча меня в сторону начальства. – Захар Матвеевич хочет тебя поблагодарить, а ты сопротивляешься. В конце концов, это невежливо.

Засунь себе вежливость и благодарности сам знаешь куда. Не хочу на улицу. Здесь холодно и страшно. Очень страшно. Здесь мужики с автоматами бегают.словно в подтверждение моих слов осенний воздух разрезал жуткий нечеловеческий вой, затем раздались выстрелы.

– Ой, мама! – чуть не присела я. И присела бы, не вздёрни меня Семёнов за воротник.

– Арина, успокойтесь, пожалуйста. Нам с вами ничего не угрожает. Всё самое опасное сейчас происходит там, – Захар Матвеевич качнул головой в сторону фабрики, откуда доносились вой и выстрелы.

Через несколько минут страшные звуки смолкли, и у Захара Матвеевича запиликал телефон. Он ответил на вызов, потом повернулся к нам.

– Едем на место. Они закончили. Упаковывают упырей и помогают пострадавшим.

Мы подъехали к ангару. Там было не слишком приятно. Кое-где в кровавых лужах лежали тела. Я старательно обходила их взглядом. Жизнь не готовила меня к такому зрелищу, и я подозревала, что увиденное будет являться мне во снах. Единственное, чем утешалась, – убитые относились к особо злостному виду нечисти и вообще не должны были существовать. Вроде как ошибка природы.

В одном месте под прицелом автоматов спецназа кучковались скованные по рукам и ногам здоровенные мужики с неестественно бледной кожей и нездоровым блеском в глазах. Наркоманы, что ли?

– Кто это? – поинтересовалась я у Захара Матвеевича.

– Упыри. Полагаю, незарегистрированные. Я знаю почти всех представителей местной диаспоры. Эти не из их числа. Гастролёры, похоже.

Упыри так упыри. Эка невидаль. Повернулась в сторону большой группы женщин, которые сидели на холодной земле, безучастно глядя перед собой. Человек пятьдесят, не меньше. И все выходцы из Средней Азии.

– И эти не зарегистрированные, – тяжело вздохнул ведун.

– Они тоже нечисть или нежить? – удивилась я.

– Нет. Нелегальные мигранты. Стали жертвами одной предприимчивой гражданки. Посмотрите на ту даму, что среди упырей.

Я послушно обратила свой взор на группу арестованных. Среди них действительно была женщина. То есть как женщина. Половая принадлежность её не вызывала сомнений, в отличие от принадлежности к людскому роду.

– Кикимора какая-то, – прокомментировала увиденное я.

– Не совсем, хотя очень близко. Это пустодомка. В старину подобные ей заставляли женщин прясть сутки напролет и делали это исключительно ради собственного развлечения, из любви к процессу, так сказать. Что касается нашей дамы, то она организовала целый цех по пошиву одежды. Копировала известные мировые бренды. Заманивала на территорию заброшенной фабрики женщин из числа тех, кого не станут официально разыскивать, так как родственники жертв, как правило, сами незаконно находятся на территории нашего государства. Заставляла работать целыми днями. Товар сбывала по своим каналам. Вошла в долю с упырями, чтобы они обеспечивали охрану. О том, в каких условиях трудились несчастные, вы и сами догадываетесь. Кроме того, они служили бесплатным кормом для охраны.

– Какой ужас! Они поэтому такие одурманенные? От потери крови?

– Не только. Пустодомка зачаровывает своих жертв, превращая их в подобие тупых безвольных зомби. К счастью, это обратимо. Мы вовремя успели.

– Что теперь с ними будет?

– С женщинами? Самое страшное для них уже позади. Отвезём в ведомственную больницу. После того как придут в себя, передадим миграционной службе.

– А с упырями и кикиморой?

– Суд, а потом исправительный лагерь.

– Ага. А через пару лет они раскаются в содеянном и выйдут по УДО, – с неожиданной злостью выдохнула я. Мне очень хотелось, чтобы в отношении таких тварей мораторий на смертную казнь не распространялся.

– Не переживайте, Арина. Не выйдут. Не тот случай. Пожизненное этим гражданам обеспечено.

Что ж, подобная перспектива радует.

Ещё раз посмотрела в сторону упырей. Один из них встретился со мной взглядом. Я поёжилась, настолько злобным и пронзительным он был. Даже кровь заледенела от потусторонней жути.

– Эй, Матвеич, – крикнул упырь, – нашел себе молоденькую ведьму? А она ничего. Сладкая кровь, нежное мясо. Не поделишься?

На упыря гаркнул спецназовец, и он умолк. Только продолжал буравить нас тяжёлым многообещающим взглядом.

– Вы его знаете? – спросила я у ведуна.

– Доводилось встречаться. Я ликвидировал его отца. Тот ещё отморозок был. У него осталось двое сыновей. Совсем мальчишки. Я оформлял их в детский дом. Подросли мальчики, пошли по стопам родителя. Долго я за ними охотился. Долго и безуспешно. До сегодняшнего дня.

– Его брат тоже здесь?

– Нет. И сомневаюсь, что он ещё жив.

Мне надоело стоять на одном месте, и я решила побродить по периметру, немного осмотреться. Нацепила очки, стала разглядывать территорию и окружение. Вокруг бывших заложниц пустодомки мерцали красные всполохи. Такие же окружали спецназ. Ярче всех сиял Семёнов. Даже в этом он умудрился выделиться. Захар Матвеевич имел фиолетовый оттенок. Упыри светились бледно-голубым с небольшими вкраплениями лазури. Красиво, если не знать, что это за выродки. Мертвецы практически не выделяли света, кроме одного. Судя по всполохам, он был жив и вполне здоров.

– Захар Матвеевич, – позвала я ведуна, показывая на неподвижно лежащего упыря, – этот притворяется.

После моих слов события начали стремительно развиваться. Несколько бойцов спецназа кинулись к упырю. Он вскочил на ноги, бросился на первого подбежавшего мужчину, выхватил оружие из его рук и полоснул огнём, метя в мою сторону. Пара сильных толчков – и меня отбросило на землю. Грудь пекло. Было такое чувство, будто меня несколько раз ударили ломом. Ох, не зря я не хотела выходить из машины. Не зря. Не подвело шестое чувство.

Судя по тишине вокруг, упыря успокоили. Надо мной склонилось несколько лиц, среди которых я не без труда опознала Семёнова и Захара Матвеевича.

Семёнов трясущимися руками пытался стянуть с меня жилет. И судя по тому, как хреново мне было от его действий, не очень-то у него получалось.

– Семёнов, отвали, – простонала я. – Не трогай меня, ты только хуже делаешь.

Семёнова оттеснили, и пара незнакомых мужчин быстро и аккуратно справилась с тем, что не удалось айтишнику. После чего на мне расстегнули куртку. Я с трудом приподняла голову и покосилась на своё туловище. Слава богу, крови нет! Но почему тогда всё так болит? Можно подумать, по мне кувалдой долбили. Ой, мамочки!

– Арина, как вы себя чувствуете? – задал глупый вопрос Захар Матвеевич. Будто не видно, что паршиво.

– Больно, – хныкнула я.

– Где болит?

– Везде, везде болит. Дайте мне что-нибудь. Хоть таблетку анальгина. Или я сейчас помру.

– Потерпите немного, Арина. «Скорая» уже едет.

Ага. Когда она ещё приедет, эта ваша «скорая»? Меня к тому времени можно будет в чёрный пластиковый мешок упаковывать.

Но «скорая» и правда появилась почти мгновенно. Видимо, дежурила поблизости на случай, если будут раненые. Меня закинули на каталку, а затем погрузили в карету «скорой помощи». Семёнов тоже в неё залез, хоть его и не приглашали. Лично мне видеть айтишника совершенно не хотелось. Я была зла на него. По его вине я оказалась в этом жутком месте, лицезрела мерзкие упырины морды, словила пулю от одного из них.

Почему никто не догадался проверить, все ли покойники упокоены? Неужели спецназ Управления не умеет определять, скопытилась ли нежить? Что за преступная халатность? А если бы упырь взял чуть выше и наделал дыр в моем черепе? Что тогда? Была Арина Афанасьева, и нет её. Погибла при выполнении особо важного задания. Интересно, в случае моей героической смерти мне бы выдали орден или хоть медальку какую? Не мне, конечно, а моей убитой горем – хочется верить – семье. Полагалась бы в таком случае денежная компенсация моим родителям? Или меня бросили бы на территории заброшенной фабрики, а потом обставили дело так, будто чумная гражданка Афанасьева бродила по пустырям в поисках сомнительных развлечений и нарвалась на местную банду? Так, Афанасьева, заканчивай фантазировать, а то дойдешь до истерики. А плакать с простреленной грудью не слишком удобно.

Наконец, меня доставили в больницу. Сделали рентген, обкололи обезболивающими, обложили фиолетовую от гематом грудь

резиновыми грелками со льдом. Выяснилось, что в паре рёбер трещины. Здесь я впервые услышала термин «заброневая травма», хотя, ей-богу, прекрасно прожила бы без этого знания. Я уже говорила, что ненавижу Семёнова? Ничего, повторюсь. Не-на-ви-жу!

Ненавистный Семёнов таскался за мной по всей больнице. Когда меня начали раздевать для проведения осмотра и оказания первой помощи, пришлось наорать на него, хоть это и было больно, чтобы убирался к пёсью матери.

Через пару часов на меня нацепили бандаж, выписали больничный и отправили на все четыре стороны. Семёнов дожидался в коридоре. Выхватил из рук моё имущество и, осторожно держа за локоток, повёл меня к выходу. А я-то думала, что меня, как и положено законами жанра, выкатят в инвалидном кресле. Но не тут-то было. Ты в России, детка. Так что топай ножками.

Когда я с кряхтением угнездилась на сиденье автомобиля, Семёнов попытался было пристегнуть меня ремнем безопасности. Я зашипела, и он живо отдёрнул руки, словно я могла броситься и покусать его, после чего ему пришлось бы делать сорок уколов от бешенства. Он привез меня домой, сгонял в аптеку за лекарствами и порывался заночевать здесь, чему я воспротивилась в довольно грубой форме. В итоге айтишник смирился и оставил меня в покое.

Мне велели делать холодные компрессы для снятия отёка, я пристроила к одному боку упаковкупельменей, к другому – пакет замороженных овощей, обмоталась эластичными бинтами и улеглась на диван с книжкой. Пожалуй, это была самая паршивая суббота в моей жизни.

В понедельник пришлось встать на час раньше, чтобы добраться до работы без привычной утренней толчеи, которая могла плачевно отразиться на моём измочаленном организме. Офис встретил темнотой и пустотой. Относительной. Когда включились лампы дневного света, я обнаружила в своём кресле Семёнова. Он мирно спал за моим рабочим столом.

– Семёнов, – ткнула я айтишника в накачанную дельту. Чуть палец не сломала.

Он поднял на меня помятое лицо, поглядел мутными со сна глазами.

– Тебя из дома выгнали, что ли? Ты поэтому в субботу ко мне ночевать напрашивался?

Он помотал головой, потёр лицо ладонями.

– Нет. Не спалось. Решил приехать пораньше, доделать кое-что.

– И как? Удачно?

Айтишник кивнул. У него был измученный, несчастный и какой-то по-детски виноватый вид. Мне вдруг захотелось провести рукой по взъерошенным тёмным волосам, пригладить сбившиеся пряди, коснуться пальцами скулы, на которой проступал отпечаток клавиатуры. Но я задавила в себе неуместное желание и спросила с напускной суровостью:

– А здесь ты что делаешь? Тут вообще-то пока ещё моё место.

– Это ты что здесь делаешь, Афанасьева? – стремительно просыпаясь, гаркнул Семёнов. Интимность момента растаяла без следа. – У тебя больничный на две недели. Давай, топай домой, пока тебя никто не увидел и не нагрузил работой.

– Семёнов, я как-нибудь сама разберусь, что мне делать. И не надо во мне взглядом дыры прожигать. Ты знаешь, сколько за больничный платят? И как жить на такие деньги? Хотя откуда тебе знать. Ты же у нас подпольный миллионер. А я, между прочим, живу на зарплату, весьма скромную, к слову. А в конце месяца за квартиру платить. Так что не учи меня жить.

– Помочь материально? – хмыкнул айтишник.

– Обойдусь своими силами. Всё, проваливай. Мне надо работу работать.

Семёнов отстал. Точнее, сделал вид. Оказалось, это было тактическое отступление. Как только в кабинете появилась Катя, он, игнорируя мои возражения, схватил мою сумку, вытряхнул на стол все её содержимое, нашёл в куче космического мусора сложенный вчетверо больничный лист и предъявил его Катерине.

– Вот, – с чувством выполненного долга произнёс он.

– Что это? – Катя в полном шоке водила глазами с меня на Семёнова и обратно.

– Больничный лист твоего подчинённого, который грубо нарушает режим.

– Подожди, Алексей, я ничего не понимаю. Какой больничный лист? Вот же Арина. Выглядит вполне здоровой.

– На первый взгляд, – ответил парень.

Этот нехороший человек подошёл ко мне, ухватился за край блузки и бесцеремонно задрал её, явив окружающим моё упакованное в бандаж тело. Я принялась молотить кулаками по его наглым лапам, но он, похоже, даже не заметил этого. Правозащитник хренов!

– Ничего не понимаю, – призналась Катя. – Что происходит? Что с Ариной?

– Упала, сломала два ребра. Я был тому свидетелем, поэтому в курсе произошедшего. Отвез её в больницу, где ей оказали первую помощь, выписали больничный и велели сидеть дома. Но она проигнорировала предписания врачей и отправилась на работу. Переживает, что её уволят. А я переживаю, что она подохнет от осложнений. Если можешь повлиять на неё, то не теряй времени. Потом поздно будет.

– Арина, это правда? – нехорошо прищурилась Катя.

– Не совсем. У меня не переломы, а трещины. И я могу работать.

Катя кивнула. Потом забрала больничный и обратилась к Семёнову:

– Я сниму копию для бухгалтерии. А ты вызови такси и проследи, пожалуйста, чтобы она убралась отсюда.

– Алё, начальство, я вообще-то тоже здесь присутствую, – попыталась я вмешаться в принятие решения о собственной участи.

– А с тобой я не разговариваю. Ты случайно голову при падении не повредила? Ты чем вообще думаешь? Кому нужно это геройство? Считаешь, если скончаешься на рабочем месте, тебе мраморный бюст в коридоре воздвигнут? Да тебе в течение дня замену найдут! Никто и не вспомнит о том, что жила на свете такая Арина Афанасьева, которая пожертвовала собой ради выполнения квартального плана!

Катерина шумно выдохнула, затем сказала Семёнову:

– Всё, Алексей, уводи её, пока я держу себя в руках.

Тот послушно кивнул. Одним движением сгрёб обратно в сумку все её содержимое, подхватил меня под локоть железным хватом и потащил на выход. Я попыталась оказать сопротивление, в поисках поддержки бросила проникновенный взгляд на Катю, но та лишь кивнула Семёнову и помахала мне рукой. Вот незадача, я-то считала себя незаменимым сотрудником. А меня просто взяли и выкинули на больничный. Как с этим жить теперь?

Семёнов собирался вызвать такси, но я не позволила.

– Не надо. На метро доберусь. Сейчас давки не будет.

– Афанасьева, тебя случаем не контузило? Ты точно головой не стукнулась? Какое метро в твоём состоянии?

Вот как ему объяснить, что на семьсот рублей я неделю могу жить? Не поймет же. Семёнов, мы с тобой принадлежим к разным слоям общества. Между нами социальная пропасть размером с глубину Марианской впадины. Я – нищевод, а ты – золотая молодежь. Так что отвали и не делай мне нервы.

Похоже, Семёнов догадался о причинах, по которым я порывалась ехать на метро. Поволок меня в сторону своего автомобиля. Этого ещё не хватало!

– Семёнов, отстань от меня! До работы доехала, значит, и до дома доберусь! Не стоит расходовать на меня бензин и бесценное время. Потратить его с пользой. Не нужна мне твоя благотворительность. Если потянуло на добрые дела, пожертвуй часть своих сверхдоходов дому престарелых, например. Или прикупи пару безделушек своим любовницам. Этим бедняжкам, наверное, только кофе из аппарата перепадает. А так будет им счастье, а тебе полное удовлетворение. И моральное, и физическое. Точнее, физиологическое.

Парень притормозил. Его лицо вытянулось и побледнело от еле сдерживаемого бешенства.

– Афанасьева, ты бы помолчала, ей-богу! Я вообще-то женщин не бью, но тебе так и хочется профилактический подзатыльник отвесить. Исключительно для твоего же блага. Чтобы думала, прежде чем языком молотить.

Айтишник воспользовался тем, что я онемела от подобной новости, и впихнул меня в «лексус». Зафиксировал ремнем безопасности.

Какое-то время мы ехали в полной тишине. Даже радио не разбавляло повисшего в салоне напряжения. Семёнов мрачно смотрел на дорогу. Было неловко. Вообще-то он ради меня старается. Заботу проявляет. Как умеет.

– Семёнов, не злись, пожалуйста, – покаянно произнесла я и скроила жалобную мину. – Я не хотела тебя обидеть. Я ценю всё, что ты для меня делаешь. Честное пионерское.

Семёнов с сомнением посмотрел на меня.

– Ты под кайфом, что ли? Какие таблетки принимаешь?

Разве можно с этим человеком нормально общаться?

– Беру свои слова обратно! Сделаем вид, что этого разговора не было.

– Ну уж нет. Разговор был. Ладно, не парься, Афанасьева, извинения приняты. И я хотел бы прояснить кое-какие моменты, чтобы между нами не было недомолвок. Нет у меня любовниц, успокойся уже, пригаси пламя ревности. И вовсе я не миллионер. Что такое жить на одну зарплату, знаю не понаслышке.

Ага, а «лексус» ты в лотерею выиграл. Или взял в кредит, чтобы наивных провинциальных дурочек вроде меня снимать.

– Ответь мне, Афанасьева, что за пакостные мысли бродят сейчас в твоей ушибленной голове? Я же по лицу вижу: какую-то фигню думаешь. Обо мне, однозначно.

Я с самым невинным видом захлопала ресницами и помотала головой.

– Ладно, сделаю вид, что поверил. Так вот, относительно моей принадлежности к «золотой молодежи». Тут ты сильно заблуждаешься. Я не выходец из дворянского гнезда. Увы. Родителей своих не знаю. Сирота. С рождения мотался по приютам и детским домам, пока не осел в одном из подмосковных домов-интернатов. На выходе получил ордер на комнату в коммуналке и диплом об окончании ПТУ по специальности электрогазосварщик. Работать в тяжелой промышленности мне было неинтересно, и я устроился в патрульно-постовую службу. Выучился в Высшей школе милиции, служил рядовым оперуполномоченным в РОВД. Во время одного из заданий познакомился с Захаром Матвеевичем. Он предложил мне перейти в Управление. Не знаю, какие ценные качества он во мне разглядел, но я благодарен ему. С тех пор материальная составляющая моей жизни претерпела существенные изменения. В лучшую сторону. Такие дела.

Вот так Оливер Твист! А я хороша! Не зная ничего о биографии коллеги, присвоила ему презируемый простыми гражданами социальный статус. Считала непонятно кем. В который раз убеждаюсь в том, что совершенно не разбираюсь в людях. Айтишник несколькими фразами умудрился усовестить меня.

– Я этого не знала... Извини... Мне очень жаль.

– Никто не знает. Да и жалеть особо не о чем. Это жизнь, Арина. И в целом всё сложилось довольно неплохо.

Я помолчала для приличия, а затем решила задать вопрос, имеющий непосредственное отношение к работе:

– Объясни мне, как выпускник Высшей школы милиции смог устроиться к нам на должность айтишника. Ты в софте и харде рубишь вообще или это всё только видимость?

– Я похож на идиота?

Как бы помягче ответить? Чтобы не обидеть хорошего человека с трудной судьбой?

– Понятно, – не дождался ответа Семёнов. – Видимо, похож. В железе разбираюсь. В начинке тоже. Для достоверности прошёл кое-какое обучение. Плюс сисадмины Управления помогают. Но Копытин, из-за которого я здесь и работаю, представил всё так, словно я его родственник. Поэтому всё айти-подразделение меня тихо ненавидит, сложной работой не загружает и отчётов не требует. Так что худо-бедно справляюсь.

– А неплохо ты устроился!

– Не жалуюсь. Может, переключимся с моей коварной персоны на более важные вопросы? Нам нужно найти ту тварь, что кормится в конторе.

– Кажется, я кое-что придумала. Помнишь очки, которые ты мне выдал для определения нечисти на расстоянии?

Семёнов кивнул.

– Хочешь принести их на работу? – догадался он.

– Да. Правда, меня несколько смущает их фриковатый вид. Нельзя ли волшебные линзы вставить в обычную оправу, чтобы не привлекать ненужного внимания?

– Теоретически это возможно. Спрошу у Захара Матвеевича. Хорошая идея. Молодец, Афанасьева!

Я приосанилась. Да, я такая! И нечего мне подзатыльниками угрожать.

В этот момент сумка издала короткую трель. Я вытащила телефон. На экране всплыло сообщение о поступлении на мой карточный счёт некой суммы. Довольно приличной, надо отметить. Только этого мне сейчас и не хватало.

– Семёнов, тормози, – велела я.

Но парень не послушался.

– Что ещё?

– Тормози, кому говорят! Меняем маршрут. Едем в ближайшее отделение Сбербанка.

– Зачем? Хочешь составить завещательное распоряжение к зарплатному счёту? Может, не стоит паниковать раньше времени? Помирать тебе рано, как мне кажется.

– Да при чём здесь завещание! – возмутилась я. – Мне ошибочно перечислили чьи-то деньги. Надо решить этот вопрос сейчас, пока ты по доброте душевной решил покатать меня по городу, чтобы потом на него не отвлекаться.

– Дай-ка, – Семёнов выхватил телефон из моих рук. Внимательно изучил текст сообщения. – Не надо в Сбербанк. Всё правильно. Это твои деньги.

– Но откуда? Да ещё такая сумма?

– Захар Матвеевич подсуетился, похоже. Испугался, что ты передумаешь работать на нас. Вот и выбил тебе премию. Там ещё страховое возмещение должно прийти. Но на это уйдёт некоторое время. Пока бумаги из больницы поступят в страховую, пока страховая раскачается. Недели две, не меньше.

Парень вернул мне телефон. Я оторопело смотрела на экран и понимала, что могу не работать два месяца как минимум. На жизнь хватит. Безбедную. Нет, шикарную. На икру, чёрную. На шампанское, «Вдова Клико». На отдых в тёплых странах. И это не всё. Ещё страховое возмещение будет. Ух ты! Так, Арина, успокойся! Вся эта сумма пойдёт на первоначальный взнос.

– Неплохо вас мотивируют!

– Говорил же, не жалеюсь.

– А с вами приятно иметь дело!

Семёнов посмеялся надо мной. Он-то привык к такому. А мне ещё предстоит. Главное, не расслабляться и берега не терять. И потом, эти деньги достались мне потом и кровью. Точнее, трещинами в рёбрах. А посему не стоит особо радоваться. Но я радовалась. Ничто не радует так, как невеста откуда свалившиеся шальные бабки.

Время на больничном тянулось мучительно медленно. Пару дней я провалялась дома, бездумно пялясь в телевизор. Потом, пользуясь

предоставленной возможностью, побродила по музеям, галереям и выставкам. Ещё читала и рисовала. К концу первой недели настолько одичала в вынужденной изоляции, что принялась болтать с продавцами в магазине, интересуясь подробностями их труда и быта, чего за мной ранее не водилось. Дважды звонила Катерине, умоляя разрешить мне вернуться в контору. Но она проявила твёрдость. Раньше мне казалось, что я не люблю людей, ибо на работе был сильный передоз общения с ними, начиная с коллег и заканчивая клиентами, которым постоянно было от меня что-то нужно. Сейчас же я готова была пешком идти на ту самую работу, как Ломоносов за рыбным обозом, лишь бы не сидеть в четырёх стенах, но туда меня пускать отказывались. Категорически.

В пятницу вечером кто-то постучал в мою квартиру. То есть как постучал. Долго и надсадно пинал дверь ровно до тех пор, пока я не открыла её. На пороге стоял Семёнов с огромными пакетами в обеих руках.

Я чуть на шею ему не кинулась от радости. Так соскучилась по живому человеку.

– Здорово, Афанасьева! Ну, рассказывай, как отдыхается, пока другие за тебя работают, – поинтересовался парень, выгружая содержимое пакетов в холодильник и на кухонный стол.

– Плохо, – взгрустнула я.

– Чё так? Рёбра болят? В больницу ездила?

– Да полный порядок с моими рёбрами. Семёнов, миленький, поговори с Катей! – взмолилась я. – Скажи ей, что я полностью здорова. Умоляю!

– Ещё чего! – возмутился парень. – Ты у нас больная, вот и болей.

В процессе разговора айтишник споро перемещался по кухне. Заварил чай, закинул в микроволновку какой-то полуфабрикат, приготовил овощной салат. Расставил тарелки, разложил приборы. Мы приступили к вечерней трапезе.

– Ну, излагай, – разрешил айтишник после того, как подчистил тарелку.

– Что излагать-то?

– Как тебе живётся без меня, например.

– Плохо живётся. Но ты здесь совершенно ни при чём. Я скоро речь человеческую забуду.

– Начнешь лаять и кукарекать?

– Что-то вроде этого. Скучно мне, – протяжно вздохнула я и решила на очередной заход: – Работать хочу.

– Успеется. Нароботаешься ещё. Захар Матвеевич велел пару книг передать для изучения. Так что давай, постигай колдовскую науку.

У меня загорелись глаза и зачесались руки. Семёнов посмеялся над моей реакцией и вручил два толстенных тома с обтрепанными обложками и нечитаемыми названиями.

– Береги их, – велел парень. – Раритет. Возникнут вопросы – звони Захару Матвеевичу. Он ответит, если не будет занят, конечно.

Как только в моих руках оказались вожаделенные труды по магии, градус моего интереса существенно сместился. Семёнов повздыхал, что его используют исключительно в качестве ездовой собаки и крысы-повара, распрощался и был таков. Я разве что в спину его не толкала, провожая до двери.

После того как он ушел, зарылась в фолианты, а потом принялась изучать первую книгу, которую айтишник в шутку назвал введением в магию. Именно эта книга показалась мне поддающейся пониманию.

Вначале шли простые упражнения на концентрацию внимания и остановку внутреннего диалога. Это было знакомо со времён увлечения йогой.

«Ну, здесь все просто», – подумала я, уселась в полулотос тут же на кухне и принялась тормозить мыслительный процесс. Мыслительный процесс сильно удивился, но приостановил свой лихорадочный бег. Так, теперь отключаем разум. Разум послушно отключился. Как иначе можно объяснить, что стоило только закрыть глаза, как перед этими самыми глазами на «внутреннем экране» в свете софитов появился несколько озадаченный Семёнов. Он удивленно осмотрелся по сторонам, а затем принялся неспешно раздеваться под музыку из «Криминального чтива». Ага, ту самую, которая обещает скорейшую дефлорацию невинной деве.

Мда. Только шеста не хватает. Тут же из ниоткуда образовался шест. Семёнов удручённо поглядел на шест, потом на меня, как бы интересуясь, а каким, собственно, местом ему об этот шест тереться.

Так, стоп! Ерунда какая-то получается, а не остановка внутреннего диалога! Отложим практические занятия на другое время. Видимо, недавнее посещение айтишника сбilo все настройки.

Я поднялась с пола, разминая затёкшую ногу. Устроилась поудобнее в кресле и приступила к изучению теории, раз уж практика не пошла. На тридцатой странице процесс застопорился. После относительно понятных абзацев про восходящие и нисходящие энергетические потоки следовала полная абракадабра. Казалось бы, русским языком написано, а смысл не то что ускользает, вообще отсутствует. Со второй книгой та же беда, причём с первой страницы.

Закрыла фолианты и отодвинула от себя. Пригорюнилась. Зря Семёнова выгнала. О жизни бы поболтали. А так что? Опять сериалы смотреть? Надоело. Завтра позвоню ведуну. Это же его идея была приобщить меня к магии, пусть помогает теперь в постижении сей нелегкой науки.

На часах десять утра. Вежливо ли звонить начальству в такое время, учитывая, что сегодня суббота? Ладно, была не была. Извинюсь, в конце концов.

Начальство на утренний звонок отреагировало довольно приветливо. Ведун выслушал мои сбивчивые объяснения.

– Арина, как вы отнесётесь к приглашению в гости? Скажем, сегодня днем. Часа в три я закончу все дела, – ведун говорил с явными нотками сомнения в голосе.

Я искренне обрадовалась приглашению. Было интересно посетить логово настоящего мага. Вот только интонации Захара Матвеевича показались мне какими-то странными, натянутыми. Вдруг ему совсем не до меня, но воспитание и природная вежливость не позволяют сообщить об этом?

– Положительно. А вас что-то смущает? Если вам неудобно, можем встретиться в другой день.

Начальство тягостно вздохнуло.

– Старость приходит к мужчине тогда, когда молодая и красивая женщина, не раздумывая, принимает приглашение посетить его жилище, не опасаясь быть скомпрометированной.

Господи! В каком веке вы живёте, милый Захар Матвеевич?

– Ну что вы, Захар Матвеевич, какая старость! Скажете тоже, – решила успокоить я мнительного ведуна. – И потом, мы живём в такое время, когда молодым и красивым женщинам несвойственно раздумывать над столь несущественными материями. Они либо

принимают приглашение, отдавая отчёт в последствиях, либо посылают пригласившего по известному адресу.

Не подумайте ничего плохого. Принимая приглашение начальника, я понимала, что моей девичьей чести ничто не угрожает. В его порядочности я не сомневалась ни на секунду. Никаких намеков на пошлятину в его словах и поведении замечено не было. Так почему же не сделать хорошему человеку комплимент? Мужчина остается мужчиной в любом возрасте.

– Арина, вам удалось смутить меня, – сконфуженно кашлянул ведун. – Я пришлю за вами машину. Со своей стороны гарантирую полную неприкосновенность, – галантно добавил мужчина.

– Полностью вам доверяю, – шутливо ответила я ему в тон.

В начале третьего за мной приехало такси. По дороге к дому ведуна водитель, мужчина средних лет, без всяких вопросов с моей стороны принялся рассказывать о том, когда и при каких обстоятельствах познакомился с Захаром Матвеевичем. Как оказалось, ведун избавил его от родового проклятья.

– Венец безбрачия! Во как!

– Я думала, такое только с женщинами бывает.

– Неа. С мужиками тоже. А ведь я был красивым парнем. Сейчас уже не то, понятное дело.

Водитель замолчал, по всей видимости, ожидая от меня опровержения. Но его не последовало. Мне совершенно не хотелось отвешивать ему комплименты. Неизвестно ещё, как он на нихотреагирует. Воспримет, как приглашение делать оферту. А мне оно надо?

– Красивым был, – не дождавсь реакции, продолжил водитель, – а девки нос воротили. Когда пятый десяток разменял, понял, дело нечисто. Мамина подруга посоветовала обратиться к колдуну. Адресок дала. Так я и познакомился с Захаром Матвеевичем. Золотой человек! За один день управился и денег взял немного. Я-то боялся, что попаду на очередной лохотрон и из меня бабки тянуть будут. Но нет. Сработало. С тех пор жизнь наладилась. Недавно женился. В третий раз. Любовница постоянная есть. Ну и случайные тоже бывают. Как без этого-то?

Мужчина с определённым интересом косил в мою сторону.

Господи, когда же закончится эта демонстрация мужской состоятельности? Лучше бы своим ходом добиралась. Поторопился Захар Матвеевич снять венец безбрачия с этого аморального типа.

Таксист доставил меня к нужному дому постройки позапрошлого века. Ведун жил, ни много ни мало, в памятнике архитектуры. Что ж, ему по роду занятий положено.

Трехкомнатная светлая квартира удивила современным ремонтом и современной же мебелью. Не было никакого намёка на профессиональную деятельность ведуна. А я-то надеялась!

Хозяин пригласил меня в гостиную, где уже ждал накрытый к чаю стол.

– Красивая у вас квартира. Правда, я ожидала чего-то более... – замялась я, не зная, как правильно охарактеризовать собственные ожидания.

– Демонического? – мягко улыбнулся ведун.

– Ну да. Вас же вроде как профессия обязывает.

– Это всё стереотипы. Жильё должно быть комфортным. Я не большой сторонник магического антуража в декоре. Да и нужен он, в первую очередь, для того, чтобы производить впечатление на клиентов. Я же с ними не работаю. Только в самых редких случаях, по просьбе хороших знакомых.

Мы какое-то время поговорили о ничего не значащих пустяках, после чего ведун плавно перешёл к тому, ради чего я приехала.

– Как я понял, у вас возникли вопросы при знакомстве с теми книгами, которые я передал.

– Не совсем. Только один вопрос: для чего мне эти книги? Я в них ни слова не поняла. Многие слова, конечно, знакомы, но складываются они в довольно причудливые сочетания, лишённые смысла. Может, я бездарь?

– Вы слишком требовательны к себе, Арина. Нет, вы не бездарь. Просто эти книги предназначены для посвящённых, в число которых вы пока не входите.

– Зачем же вы тогда дали их мне?

– Хотел пробудить интерес. Надеюсь, мне это удалось?

– Не уверена, – честно ответила я. – Интерес возник поначалу, но быстро сменился разочарованием в собственных силах.

– Но вы, тем не менее, навести меня. Причем не ради праздного любопытства, а для того, чтобы разобраться в предмете.

– Ну да. А ещё мне подумалось, что вы ошиблись на мой счёт. Всё, на что я способна, – освоить специальные очки. Поэтому вывод один: что бы вы ни говорили, ведьма из меня паршивая.

– А давайте мы это сейчас проверим? – интригующим шёпотом предложил ведун.

– А давайте! – махнула я рукой.

Что я, собственно, теряю?

Ведун вынул из шкафа и поставил передо мной древнее мутное зеркало в тяжёлой золочёной оправе. Задёрнул шторы, зажёл свечу. Всё происходившее очень сильно напоминало святочные гадания.

– Теперь, Арина, внимательно смотрите в зеркало, – распорядился мужчина. – Постарайтесь ни о чём не думать и расфокусируйте взгляд.

Не знаю, чего именно он ожидал. Но я точно ничего не надеялась увидеть в том зеркале, кроме себя, понятное дело. Вначале на меня смотрела моя не вполне вменяемая мутная физиономия с выпученными глазами и дебиловатым выражением. Это я так взгляд пыталась расфокусировать. Мне же никто не объяснил, что расфокусировать взгляд и симулировать косоглазие – не одно и то же. Через несколько минут пристального всматривания отражение подёрнулось лёгкой дымкой.

Опять? Да не может такого быть!

– Семёнов! – ахнула я. – Захар Матвеевич, я Семёнова вижу!

Айтишник сидел за письменным столом и сосредоточенно глядел на экран смартфона. Как будто долго ждал чьего-то звонка и раздумывал над тем, не позвонить ли первым. Потом раздражённо отбросил телефон в сторону.

– А почему я его вижу?

– Должно быть, потому, что часто о нём думаете, – ответил ведун с хитринкой в голосе и взгляде.

– Ага, делать мне больше нечего! Много чести ему!

Ведун тихо рассмеялся.

– Арина, не злитесь. Не стоит.

Мужчина задул свечу и включил свет.

– Сила есть. Поздравляю. Да не просто сила – силища! Вовремя мы вас обнаружили. Год-другой – и натворили бы дел.

– Как вы пришли к такому выводу? – недоумённо поинтересовалась я.

– Всё просто. Это зеркало – старый проверенный артефакт, позволяющий выявить способности потенциальных ведунов. Обычные люди, глядя в него, видят лишь собственное отражение. Обладающие малыми зачатками силы – то, что захочет показать само зеркало. Как правило, довольно пугающие смутные образы, не имеющие ничего общего с реальностью. И только человек, одарённый магически, сможет увидеть то, что его интересует больше всего.

Так. Выходит, я сильный маг. И интересует меня Семёнов. Больше всего интересует. Надо же так вляпаться!

– И что теперь делать? – тоскливо спросила я, думая в первую очередь о Семёнове и моём неразделённом интересе.

– А ничего. Ничего такого, что вам не нравится. Пока вы появляетесь в Управлении, я могу воздействовать на вас, во избежание неконтролируемых всплесков силы. Так что на текущий момент я вижу лишь два выхода из сложившейся ситуации. Первый: вы продолжаете плотное сотрудничество с Управлением без отрыва от основной деятельности. И второй – проходите профильное обучение и получаете необходимые навыки. Первое и второе, кстати, можно совмещать.

Теперь осталось разъяснить ещё один вопрос, который касался человека, плотно засевшего в моей голове.

– Захар Матвеевич, а что не так с Семёновым? Вы вроде бы говорили, он не маг, не ведун то есть. Но он определённо не так прост, как кажется.

– Так вы, значит, заметили некоторые его особенности?

– Их довольно трудно не заметить, знаете ли. Особенно показателен случай при поимке упырей. Он каким-то образом умудрился заговорить зубы и отвести глаза охране. Те не обратили внимания на наш, мягко говоря, воинственный внешний вид и спокойно выпустили с территории фабрики. Слышали бы вы, что он им наплёл!

Ведун загадочно хмыкнул и потёр щёку.

– Алексей у нас эмпат. Двусторонний.

– Звучит как диагноз.

– Это и есть диагноз. Такое своеобразное отклонение от нормы. Но ничего магического в нём нет. Многие люди способны считывать

настроение окружающих и влиять на него. У Алексея это качество проявляется чуть ярче, чем у остальных. Что довольно полезно при его работе. У ведунов и ведьм такие способности в разы сильнее. Не удивлюсь, если выяснится, что и вы испытывали подобное, но испугались и заблокировали эти проявления своей силы.

Я задумалась ненадолго и кивнула. Действительно, был в моей жизни довольно странный период, который пришёлся на время устройства в Москве. Возможно, именно переезд и послужил толчком для раскрытия этих загадочных и малопривычных способностей. Тот самый стресс, на который принято списывать всё непонятное, что происходит с человеческим организмом.

Не могу с точностью сказать, когда именно все случилось, но в какой-то момент я поняла, что слышу чужие мысли и испытываю чувства, которые переживают находящиеся рядом люди. Мысли эти были однобокими и суетными, а чувства поражали своей убогостью и прямолинейностью. Не скажу, что мой собственный внутренний мир отличается изысканной красотой, глубиной и богатством, но когда к твоему пусть и довольно унылому и скучному, но обособленному внутреннему миру внезапно подседают пару десятков чужих аналогичных «вселенных», возникает ощущение, что в твоей голове живёт международный аэропорт как минимум. А какое количество агрессии и ненависти перерабатывалось моей нервной системой, просто не описать. Я с трудом подавляла желание бросаться на пассажиров метро и рвать их зубами. В общем, моя психика страдала и разрушалась от постоянного соприкосновения с окружающими. На улице, в транспорте, в магазинах, на работе.

И я испугалась. Сильно испугалась. Денег на квалифицированных психологов было жалко до слёз. Да и не факт, что они могли чем-то помочь. Это, пожалуй, как я думала, больше относилось к профилю клинической психиатрии. Именно страх перед основательным и безоговорочным диагнозом заставил меня взять себя в руки. Я действительно закрылась. Не знаю, как мне это удалось, но в одно прекрасное утро всё вернулось на круги своя. Я перестала слышать чужие мысли и переживать посторонние эмоции. Только продолжала временами видеть рядовых граждан редкостными уродами, но это не казалось отклонением от нормы. В конце концов, мир, действительно, не без уродов.

Кстати, раз уж начальник согласился потратить на меня своё личное время, нужно закрыть и этот вопрос.

– Захар Матвеевич, к слову о способностях. Не так давно меня посетило видение. Ну как видение. Ехала я, значит, домой после работы. В метро. И застала там нашествие чудовищ, по-другому и не скажешь.

– Очень интересно! – воодушевился ведун. – А нельзя ли поподробнее? Попытайтесь описать, что вы видели.

Как могла, помогая себе мимикой и жестами, изобразила пассажиров метро.

– Я и не представляла, что среди нас столько нечисти, – подвела итог рассказу. – Это же каждый второй человек вовсе даже не человек. Хотя правильнее будет сказать, что каждый четвертый – человек, а все остальные – монстры. Это сколько же у вас должно быть работы, при таком-то раскладе!

Начальник рассмеялся.

– Арина, я, кажется, понимаю, о чём вы говорите. Работы у нас, действительно, достаточно. Но я вас разочарую. Подавляющее большинство ваших попутчиков – обычные люди. Просто ваше видение ещё неустойчиво. Вы видели не нечисть, а внешнее проявление мыслей, эмоций и настроений простых людей. Что поделать, мы все несовершенны. Многие мысли и поступки нас совсем не красят.

– И что, теперь так всегда будет, да? Вместо людей уродцы?

– Не переживайте. Будете заниматься, научитесь этим управлять. И видение будет открываться только тогда, когда оно вам потребуется. В процессе работы, например. А до той поры могут случаться спонтанные всплески. Но это не так страшно.

Ну как сказать. Я человек впечатлительный. Мне страшно.

– А ещё я видела светящегося парня. И я ему не понравилась, – поделилась печалью. – Хотя мне он тоже не понравился. Не сразу, правда. Вначале очень даже понравился, а потом стало физически тяжело рядом с ним находиться. Было такое чувство, что он давит на меня своей энергией. Даже пришлось из вагона выйти.

– Похоже, вы встретили судью. От судий, Арина, я рекомендовал бы вам пока держаться как можно дальше. Выходите из вагона,

перебегайте на другую сторону улицы, покидайте ресторан. Полагаю, вы меня поняли. И так до тех пор, пока не освоите дар.

– Это ещё почему? Я законов не нарушаю. И что это за судьи такие, с которыми мне на одном поле нельзя... хм... Я такой же человек, как и они!

Ведун хмыкнул.

– Судьи такие же нелюди, как и мы с вами, Арина. Но жить им намного сложнее. Странно, что вы наткнулись на судью в метро. Они стараются минимизировать контакт с внешним миром. Но, судя по вашему рассказу, юноша, как и вы, еще не освоил свой дар. Или проклятье, это с какой стороны посмотреть.

– А что, они, эти нелюди, действительно работают в суде?

– У нас своя судебная система. Особенная. И там требуются особенные кадры. Люди, рожденные с даром видеть внутреннюю суть человека, его предрасположенность к девиантному и деликвентному поведению. Благодаря своему дару, судьи выносят безошибочные приговоры. Ведьмы и ведуны, например, имеют, так сказать, склонность к правонарушениям.

– Нет у меня никаких склонностей! Да я даже дорогу никогда на красный не перехожу!

– Это, безусловно, похвально. А что насчет ваших мыслей?

– А что не так с моими мыслями? – справедливо возмутилась я. – Мои мысли – моё личное дело. Мечты об убийстве – еще не убийство!

– И многих вы уже того... порешили? В светлых своих мечтаниях?

– Да вы смеётесь надо мной, Захар Матвеевич!

– Иронизирую. Но только самую малость. Расскажите-ка мне, Арина, как часто вы мечтаете об убийствах и кого определяете на роль потерпевших.

Станный у нас разговор получается. Неправильный.

– Не мечтаю я об убийствах! Это я так, для усиления эффекта ляпнула. Я очень миролюбивый человек. Вот только людей не люблю. Но они сами виноваты!

– И что же вы делаете с этими виноватыми?

– Да ничего! Что я могу с ними делать? Так, проклиная маленько. Не вслух, конечно, про себя. Но это же несерьёзно!

– Как раз таки очень серьёзно! Прекращайте сыпать проклятиями направо и налево! Займитесь самоконтролем! Это в интересах вашего же благополучия. Медитируйте утром и вечером, в местах скопления людей отвлекайтесь на что-нибудь приятное: слушайте музыку, читайте книги. Но чтобы больше никаких проклятий! Вы меня поняли?

Покаянно склонила голову.

– Среди судий, Арина, особняком стоит отдельная каста. Палачи. Необученный судья, неконтролирующий свой дар, вполне может оказаться потенциальным палачом. И если в его присутствии вы совершенно случайно проклянете кого-нибудь, пусть даже в мыслях, такой палач тоже совершенно случайно может упокоить вас на месте. Таково его предназначение. Карать виновных. Причем ваша смерть будет выглядеть вполне естественно. Инфаркт или инсульт. Выбирайте, что вам больше нравится.

– Ничего мне из этого не нравится, – буркнула я.

Сами втянули меня непонятно во что, а теперь инсультами угрожают! Себе оставьте!

– Вот! Я как раз об этом! Мне вы не можете навредить, но обычные люди перед вами беззащитны. Да не пугайтесь так. Ваши посылы не настолько разрушительны. Но это пока. До поры до времени. Надеюсь, вы осознали последствия, Арина. Полный самоконтроль! Никаких случайных злобных посылов!

– Я поняла, Захар Матвеевич! Я больше так не буду! Честное слово!

Ведун закошмарил меня не на шутку. Как же жить-то теперь? С мыслями-убийцами и попутчиками-палачами?

Начальник, оценив мой потерянный вид и почувствовав упаднический настрой, решил сменить тему, переключившись на те бонусы, которые ожидают меня после полноценного обучения. Он был весьма красноречив в своих миссионерских речах, привлекая описанием моего блестящего будущего. Оно и понятно, ему позарез нужны свежие кадры. И как чувствовал, по больному бил, обозначая уровень будущих доходов. Особенно тех, что свалятся после обязательной отработки в Управлении. Частная практика виделась мне Клондайком.

– Захар Матвеевич, может, зря вы всё-таки отказались от обслуживания населения? – задала я провокационный вопрос. – Это ж

такие деньжищи!

Ведун снял очки и, протирая стекла, с хитринкой посмотрел на меня. Покачал головой.

– Я, Арина, очень небедный человек. Более того, по меркам большинства, весьма и весьма состоятельный. И состояние своё нажил долгими годами частной практики. Почти полвека только тем и занимался.

– Сколько же вам лет? – с изумлением задала я вопрос мужчине, который выглядел на бодрые шестьдесят.

Вообще-то ведуну можно было дать и меньше, но вальяжность, манера речи и стиль одежды заставили меня остановиться именно на такой цифре.

– Вы весьма бестактны, – жеманно хохотнул приосанившийся начальник. – Приоткрою завесу тайны. В эту квартиру я заехал, когда был ненамного моложе вас. Случилось это незадолго до революции, которую сейчас модно называть Октябрьским переворотом. Правда, тогда квартира насчитывала восемь комнат. Я держал небольшой штат прислуги. Но после уплотнения решил от нее отказаться. Постоянное присутствие чужих людей в ограниченном пространстве стало утомительным.

– Вот это да! А я? Я тоже так смогу? Чтобы сто лет не стареть? А можно в сто выглядеть на, скажем, тридцать пять, а не на пятьдесят, – тут я немножко польстила начальству. Да и не хотелось бы, дожив до ста пятидесяти, целый век ходить с внешностью измочаленной жизнью тётки. Я согласна выглядеть на тридцать, максимум на тридцать пять. В крайнем случае, на сорок, так и быть. Но не годом больше!

Ведун откинулся на спинку стула и громко рассмеялся.

– Как это по-женски, Арина, – шутливо упрекнул меня он. – Чтобы прожить долгую и активную жизнь, придётся очень постараться. Это требует огромной дисциплины и практически полного самоотречения. Абсолютной аскезы. Придётся отказаться от многого, что считается привычным и даже необходимым. Возможно, вы сочтёте подобную плату несоразмерной. Но вам рано пока об этом думать. Живите своей жизнью, наслаждайтесь молодостью. Постепенно вы войдёте в ведовское сообщество, и вам откроются многие тайны, в том числе секрет долголетия. Если вас примут в Ковен

и вы там удержитесь, вопросы снимутся сами собой. Но это случится ещё очень нескоро, к счастью. И я бы не советовал вам торопить события.

Ну вот! Поманили тайной и на попятную!

— А что это за Ковен такой? Он нашёл средство Макропулоса? А как туда попасть? А там практикуются человеческие жертвоприношения?

Ведун снова засмеялся.

— Арина, остановитесь! Зря я вам это рассказал. Рано вам думать о Ковене. Сначала освоитесь в новом статусе. Получите образование, попрактикуйте, наработайте опыт, накопите сил. Всё остальное придёт со временем. Вы не раз встретите дам из Ковена и сможете оценить их внешний вид. Многие из них преподают в наших институтах. Заодно и решите, стоит ли игра свеч.

Однозначно стоит! Начальнику ли не знать об этом. Он в свои сто с хвостиком бодрее многих моих ровесников.

— Что касается моей практики, — продолжил свой рассказ Захар Матвеевич, — поначалу было интересно. Первые год-два. Потом пошла рутина. Весьма утомительная рутина, которая, однако, приносила огромный доход. Только это меня и удерживало. Со временем, чтобы не сойти с ума от скуки, я принялся помогать следственным органам. После Великой Отечественной, в которой я тоже поучаствовал, пусть и не на передовой, там от меня было бы мало проку, мой ныне покойный наставник предложил место в особом отделе при МУРе. У особого отдела богатая история. Он был основан еще во времена Российской империи. Попасть туда считалось большой удачей. Очень долго я числился там независимым консультантом, совсем как вы сейчас при Управлении. Продолжал совмещать службу в органах с частной практикой, которая по-прежнему давала стабильный заработок. После перестройки особый отдел расширили до Управления. Тогда я и решил полностью перейти туда, о чём совершенно не жалею.

— Но вы же можете не работать. Средства позволяют.

— И чем мне, по-вашему, заниматься на заслуженном отдыхе? — со смешком поинтересовался начальник.

— Ну, не знаю. Путешествовать, например. Мир посмотреть.

— Насмотрелся я на этот мир. Мало на карте мест, где я не был. Но я и не горю желанием там оказаться.

– Ну, тогда отдыхать. Смотреть телевизор. Читать книжки, я не знаю.

– Копаться в огороде, – насмешливо продолжил перечень развлечений ведун. – Насмотрелся и начитался вдоволь. А насчет отдыха... Что же вам не отдыхается, Арина? Почему вы, вместо того чтобы проводить время за просмотром телевизора или чтением книг, тратите драгоценные минуты вожделенного отдыха на беседы с пожилым человеком?

– Но с вами так интересно! И новая работа интересная. И вы вовсе даже не пожилой! И потом, мне отдыхать уже на второй день надоело. А по телевизору всякую ерунду показывают.

– Тогда вы, как никто другой, можете меня понять. В Управлении интересно работать, пусть и там рутина. Это, в конце концов, неизбежное зло любой работы. Только такая рутина позволяет отдохнуть в перерывах между расследованиями. Работа не даёт уму закиснуть, дисциплинирует, что немаловажно для поддержания тонуса и интереса к жизни, который с годами угасает. Я мог бы преподавать. Но это не моё призвание. Мне неинтересно из года в год объяснять одно и то же. Другое дело стажёры. Такие как вы, например. Вы каждый раз преподносите сюрпризы. Работать с вами одно удовольствие. То влезете во что-нибудь, рискуя лишиться головы, то начальство подставите так, что потом бегай в Министерство, оправдывайся перед генералами. Бесконечный источник позитива. На успокоительные отвары только ползарплаты уходит. Не соскучишься, одним словом.

Разговор с ведуном плавно подошёл к концу. Обсуждать больше было нечего. Мужчина тепло распрощался со мной, вручив на выходе список профильных учебных заведений и дав благодатную почву для размышлений о мире в целом и моём месте в нём в частности.

Вернувшись домой, я включила ноутбук и приступила к изучению сайтов. В былые времена, увидев написанное, лишь хмыкнула бы и покрутила пальцем у виска. Теперь же, после разговора с начальством, поняла: пренебрегать учёбой не следует. Теперь всё серьёзно. Особенно стоимость обучения. Самый дешёвый вариант – перебраться на время в Екатеринбург или Новосибирск. Года этак на три. Нет, не вариант. Далековато от основного источника дохода, а дополнительные у меня не водятся. Лучше уж в Питер. Но там, как и в других школах,

обучение либо дневное, либо вечернее. Заочная форма отсутствует. Эх, и Питер отпадает. А жаль, мне там нравится. Остаются четыре заведения в Москве. Цены одинаковые. Разница лишь в местоположении. Нужно выбрать то, что ближе к дому или работе. Оплата посеместровая, то есть сразу за полгода. Помесячная форма не предусмотрена. Жаль. Деньги, конечно, имеются, но отложены они на другие цели. Что же делать? Ладно, до начала следующего учебного года есть время подумать. Может, всё само как-нибудь образуется. Например, неожиданный дар рассосётся.

Глава 3

Служебные нудни

В понедельник ближе к вечеру зарулил Семёнов.

– Афанасьева, здорово! – прозвучал жизнерадостный голос в телефоне. – Я пришёл дать тебе вожделенную свободу.

– Катя пустит меня на работу? – радостно заверещала я.

– Ээм, нет, – пробормотал он несколько смущённо. – Всего лишь задание от Управления. Составишь компанию?

– С удовольствием. Ты где?

– Возле дома твоего, ненаглядная моя. Собирайся давай. Только не спеши, я подожду.

Какое не спеши! Я кубарем скатилась с дивана, позабыв по рёбра. Но они тут же напомнили о себе тупой болью. Ай! Осторожнее, Арина! Подождёт Семёнов, куда не денется. Обещал же.

– Привет, – ласково сказала я, с трудом сдержав неожиданное желание облобызать айтишника. Не думаю, что он правильно расценил бы такой порыв. – Что у нас сегодня в программе?

– Впервые на арене одержимая бесом Арина Афанасьева и её укротитель Алексей Семёнов. Смотрите и трепещите! А если серьёзно, – исправился парень, поймав мой растерявший былую ласковость взгляд, – есть подозрение, что в городе завёлся незарегистрированный ведун. Занимается частной практикой. Незаконной. На моей территории причём. Засранец! И почему мне так на работу везёт? У Рината второй месяц полный штиль. Сидит в кабинете, чай гоняет. Я же ношусь по Москве потный, как марафонец.

– Семёнов, ты на «лексусе» рассекаешь, с кондиционером, а не ногами бегаешь, – резонно заметила я, не испытывая к парню ни малейшей жалости, на которую тот, по всей видимости, рассчитывал. А не надо было злить грязными намёками на одержимость.

Незарегистрированный ведун вёл незаконную деятельность в одном из спальных районов. Под это дело он арендовал небольшое помещение на первом этаже многоквартирного дома, которое, судя по специфическому аромату, ранее занимала парикмахерская. Въедливый запах укладочных средств никак не могла перебить удушающая вонь

ароматических палочек, чадивших во всех углах магического салона. Колдовского антуража, столь нелюбимого Захаром Матвеевичем, тут было хоть отбавляй.

На входе нас встретила миловидная девушка с густо подведёнными глазами и пунцовыми губами, облачённая в чёрное обтягивающее платье в пол. Этакая женщина-вамп.

– Вы по записи? – поинтересовалась администратор магического салона.

– Нет. У нас экстренный случай, – ответил Семёнов и предъявил корочки.

Внимательно изучив их, девушка удивленно произнесла:

– Странно. У полиции к нам вопросов быть не должно. Одну минуточку, поставлю в известность магистра.

Семёнов хмыкнул. Администратор исчезла в тёмном провале арки, разделявшей комнаты.

– Магистр готов принять вас, – торжественно сообщила она, появившись через несколько минут.

Мы с достоинством кивнули и проследовали за ней.

Лично меня комната для приёма посетителей сильно повеселила. Неужели кто-то ещё ведётся на эти нелепые декорации? Чёрный потолок, кровавого цвета обои, плотная тяжесть тёмно-вишнёвых гардин. Круглый стол в центре комнаты, на котором... кто бы сомневался, внушительного размера хрустальный шар и толстые чёрные свечи. Захар Матвеевич, к слову, при моём тестировании использовал обычную церковную свечу. Дополнял довольно своеобразную картину кабинета специфический запах всё тех же средств для укладки волос вперемешку с тяжёлым ароматом индийских благовоний.

Отдельного внимания стоил магистр. На стуле с высокой резной спинкой восседал рыхлый мужчина лет пятидесяти в чёрном балахоне, подозрительно походившем на судейскую мантию. На мантии беспорядочно располагались разнокалиберные бляхи из жёлтого металла, которые, вероятно, имитировали знаки неведомых магических лож. Жёлтое одутловатое лицо с блёклыми безумными глазами почти полностью покрывала неопрятного вида борода. Голову с жидкими, пепельного цвета волосами венчала маленькая округлая шапочка, похожая по форме на тонзуру католических священников.

– Располагайтесь поудобнее, – вежливо предложил магистр, картавя и шепелявя одновременно.

Мы с Семёновым заняли стулья возле круглого стола.

– Что вас интересует, молодые люди?

– Хотели попросить об одной услуге, – вежливо выдал Семёнов вместо предъявления претензий и профилактического запугивания.

– Я весь внимание, – заинтересовался мужчина.

– Видите ли, мы с коллегой, – парень кивнул в мою сторону, – занимаемся расследованием одного преступления. К сожалению, следствие зашло в тупик, и без вашей помощи нам ну никак не обойтись. Вы согласитесь оказать содействие полиции? В рамках выполнения гражданского долга? К сожалению, подобные мероприятия органы не финансируют, а наши личные средства довольно скудны. Едва на жизнь хватает. Ваши услуги нам не по карману. Так как? Поможете?

Я чуть не всплакнула от жалости к неимущим нам, настолько убедителен был Семёнов.

– Прибыль превыше всего, но гражданский долг превыше прибыли, – пафосно изрёк магистр. – Сделаю всё, что в моих силах. Совершенно безвозмездно. На благо общества и правоохранительных органов.

– Вы нас очень выручите, – с чувством глубочайшей признательности произнёс напарник. – Вкратце обрисую ситуацию. Мы ведём расследование убийства, совершённого с невероятной жестокостью. Потерпевший – молодой, ничем не примечательный мужчина. К уголовной ответственности не привлекался, вёл обычный образ жизни. Необычными являются обстоятельства смерти. Тело и лицо покойного обезображены так, что версия бытового насилия отпадает. Можно было бы предположить, что на него напал хищный зверь, но тело обнаружили в запертой квартире, принадлежавшей потерпевшему. Жил он один, домашних питомцев не держал. Мы проработали все возможные версии, но, к сожалению, без какого-либо результата. Остаётся рассчитывать на вмешательство магии, раз уж наука оказалась бессильна.

– Я могу взглянуть на фотографию жертвы?

– Да, конечно.

Семёнов порылся в своём мобильнике, вывел на экран фотографию потерпевшего и положил телефон перед магистром. Я и не знала, что напарник занимается расследованием убийства, да ещё такого. Зря он меня в это дело втянул. Я же после таких кадров бессонницей обзаведусь или ночными кошмарами.

Потерпевший выглядел ужасающе. Я с дрожью рассматривала снятое крупным планом лицо, на котором не было живого места. Кожа свисала клочьями, обнажая лицевые мышцы. Возле левой скулы вырван значительный кусок мяса, практически вся щека, из-за чего в образовавшемся просвете хорошо видна челюсть. Изнутри. Ровный ряд зубов и кусок кости. Бррр!

– Ой! – подпрыгивая на месте и опрокидывая стул, воскликнул магистр, но, к его чести, быстро оправился от пережитого шока и взял себя в руки. Поднял стул, устроился на прежнем месте. Внимательно изучил снимок. Затем прикрыл глаза и стал водить над смартфоном руками. Я с интересом наблюдала за его манипуляциями.

– Что я могу сказать, – вздохнул магистр, после того как исследование снимка внутренним зрением и шестым чувством подошло к концу. – Типичное ритуальное убийство.

– Да ладно! – изумлённо ахнул Семёнов.

– Да-да. Именно ритуальное. Я вступил в контакт с духом почившего. Он поведал мне трагическую, но поучительную историю своей жизни и смерти. Этот юноша связался с сектой сатанистов. Он участвовал в жестоких игрищах и кровавых ритуалах. В какой-то момент к нему пришло понимание ошибочности выбранного пути, и он попытался покинуть единомышленников. Но это оказалось не так просто. Вчерашние друзья воспротивились его решению и приговорили несчастного к смерти. Они призвали псов ада, чтобы те пожрали отступника.

– И псы его пожрали, – задумчиво протянул Семёнов. – Действительно, поучительная история. Что ж, теперь нам всё ясно. От всей души благодарю за помощь.

– Ой, что вы! Не стоит. Всегда рад помочь. Вот только это еще не всё, – похоже, магистр не хотел так скоро прощаться с благодарными зрителями театра одного актёра. – Ваш потерпевший был проклят.

– Сатанистами?

– Нет. До них. Ещё во чреве матери. Я вижу очень древнее и сложное проклятье. Его накладывают на весь род, если хотят, чтобы этот род прервался. Именно проклятье привело молодого человека в лапы сатанистов, и именно под его воздействием бывшие товарищи жертвы приняли решение призвать псов ада.

– Понятно, – вздохнул Семёнов. – Ну, мы пойдём, пожалуй. Не будем вас отвлекать от работы.

– Что вы, вы меня ничуть не отвлекаете. Разве не в этом заключается смысл моего служения? И потом, вашей коллеге требуется квалифицированная помощь, – точно, магистр никак не хотел с нами расставаться.

– Мне? – удивилась я.

– Вам, милая девушка. У вас забиты нижние чакры. Совершенно не работают. Я даже отсюда чувствую, как от вас тянет холодом. Вас нужно срочно лечить. Если пустить дело на самотёк, ваши родильные пути атрофируются.

– Какие пути?

– Родильные, – терпеливо пояснил магистр. – Это такие пути, по которым на свет появляются дети. Вы же хотите иметь детей? По глазам вижу, что хотите. А раз так, нужно лечиться. Вот, держите, – мужчина протянул мне листок бумаги. – Здесь подробно описана вся схема лечения. После того как пройдёте его, загляните ко мне, чтобы я проверил, как продвигается процесс, и при необходимости откорректировал его.

Я вдумчиво изучила протянутый листок, на котором мелким шрифтом была описана схема лечения моих родильных путей.

– Порядок приёма биологического материала, – зачитала вслух название.

Далее по тексту следовало, что биологический материал надлежит принимать натошак по утрам в чётко выверенных дозах. Дозы были обозначены в миллилитрах, по мере лечения объём биологического материала следовало увеличивать, пока он не достигнет полулитра за раз.

– А что такое биологический материал? – поинтересовалась я у магистра.

– Урина, – разъяснили непонятливой мне.

Семёнов громко прыснул от смеха.

– Что? – возмутилась я и швырнула злополучную схему лечения на стол. Вытерла руки об одежду, словно листок бумаги был испачкан этим самым биологическим материалом. – Вы в своём уме, уважаемый?

– Афанасьева, спокойно! – айтишник взял меня за плечо, видимо, чтобы предотвратить нападение на магистра, и повёл в сторону выхода. – Ещё раз большое спасибо за помощь! – это уже было адресовано хозяину салона. – Я прослежу, чтобы она выполнила ваши рекомендации в точности. Вплоть до миллилитра.

Едва за нами закрылась дверь этого малоприятного заведения, Семёнова согнуло в приступе неконтролируемого хохота. Я одарила его злым взглядом и закурила, но тут же выбросила сигарету. Показалось, что в табачном дыме преобладают ноты аммиака.

– И что это было? – поинтересовалась после того, как парень отсмеялся. – Я думала, ты заставишь его пройти регистрацию и все процедуры, которые необходимы для ведения частной практики.

– Этого не потребуется. Наш магистр не ведун.

– А кто он тогда?

– Два варианта: либо обычный шарлатан, либо полный псих. В любом случае это, к счастью, не наше дело.

– И ты вот так сразу всё понял? У тебя есть какое-то особое чутьё?

– А тут не нужно никакого чутья. Достаточно здравого смысла. Как ты думаешь, чью фотографию я показал этому недوماгу?

Я пожала плечами. Мало ли в практике Семёнова загадочных убийств, ритуальных в том числе. Лицо человека на снимке было мне незнакомо. Да и встречайся мы раньше, маловероятно, что я узнала бы несчастного, настолько сильно его изуродовали.

– Это моя фотка, – сообщил парень.

– Да ладно! Ужас какой! Кто тебя так? Как же ты после этого выжил? И как удалось восстановить внешность? Пластика?

Семёнов снова захохотал. Потом объяснил, когда успокоился:

– Фотка с прошлого Хэллоуина. Я в образе ожившего мертвеца. Зомби то бишь. А этот придурок наплёл с три короба про ритуальные убийства, адских гончих и родовые проклятья.

Семёнов довёз меня до дома и распрощался. Я с тоской во взоре проводила удаляющийся «лексус». Мне предстояло мучиться отдыхом

ещё неделю.

К счастью, долго мучиться не пришлось. В среду пополудни завибрировал телефон.

– Афанасьева, угадай кто?

– Семёнов, что угадывать-то? Твой номер у меня в контактах.

– Ну вот, – расстроился парень, – не быть мне богатым.

– Ты вроде и так не бедствуешь. Ты по делу или как?

– Или как. Соскучился я. Сегодня тебя во сне видел. Эротическом.

До сих пор в себя не приду.

– Сделай милость, избавь от подробностей! Что тебе от меня надо?

– Хм... Это зависит от того, что ты умеешь, – игривым тоном сообщил парень.

– Семёнов, прекращай немедленно! Или я трубку брошу!

– Да ладно тебе. Уже и пошутить нельзя. По делу я, по делу.

Выбирайся, прокатимся в одно весёлое местечко.

Весёлое местечко оказалось ночным клубом. Не слишком известным по причине значительной удалённости от центра города, но и не поселковой дискотекой. Посетителей в клубе не было, что и понятно, учитывая время суток.

Нас встретила приветливая девушка, проводила за один из столиков. Семёнов предъявил удостоверение и попросил её задержаться. Она послушно опустилась на противоположный диванчик.

– Вы, наверное, догадываетесь, что именно мы хотим обсудить? – спросил парень.

Девушка кивнула:

– В понедельник к нам уже наведывались и ваши коллеги, и Росалкогольрегулирование. Последние внеплановую проверку проводят. Хорошо, что не прикрыли.

– Это потому что до летального исхода не дошло, – пояснил Семёнов. – Кроме того, токсикологическая экспертиза показала – отравление наркотическое, а не алкогольное. Так что тут, скорее, наш профиль.

– С наркотиками у нас строго, – авторитетно заявила девушка. – В зале постоянно присутствует охрана.

– Это ещё ни о чём не говорит. Мы можем пообщаться с теми, кто работал в ночь с субботы на воскресенье?

– К сожалению, сейчас из той смены никого нет. Приходите завтра к десяти вечера. Программа начинается в одиннадцать. Успеете пообщаться. Потом можете задержаться, если захотите. В четверг для девушек действует акция: один напиток в подарок. В программе – мужской стриптиз, – администратор с улыбкой посмотрела в мою сторону.

– Мы подумаем, – кивнул Семёнов. – Когда ещё представится возможность попасть на мужской стриптиз? Да, Арина?

Угу. Я бы не отказалась от стриптиза в исполнении Семёнова. Но ему о моих фантазиях знать не следует.

Любезная девушка распорядилась, чтобы нам принесли кофе за счёт заведения. Я неспешно потягивала американо, а напарник тем временем излагал подробности новой операции.

– В воскресенье утром несколько посетительниц этого замечательного места были госпитализированы с симптомами острого отравления. Поначалу подозревали самопальный алкоголь, тем более что все пострадавшие в голос утверждали, будто наркотиками не балуются. Но результаты токсикологических исследований красноречиво свидетельствуют об обратном. Заведение взяли на карандаш.

– Прекрасно. То есть ужасно, конечно. Но какое отношение к Управлению имеет оборот наркотиков? Или вас решили нагрузить дополнительной работой?

– Нет. Нам своей работы хватает. Просто в крови пострадавших обнаружили весьма своеобразный коктейль, в котором оказался нейротоксин, по составу совпадающий с ядом паука *Latrodectus*, он же чёрная вдова.

– Бррр! Жуть какая! Но всё равно не понимаю, при чём тут Управление.

Семёнов удручённо вздохнул:

– Видишь ли, у всех пострадавших обнаружены укусы на теле. Ну, укусы насекомых в смысле. Это явно не след от шприца. Так что внутривенное или внутримышечное введение наркотических средств не подтверждено. Можно предположить, что пострадавшие приняли какие-то таблетки, но я слабо представляю себе колёса с

нейротоксинами. И вряд ли девочки закидывались наркотой около банки с чёрными вдовами.

– В какое интересное время мы живём! Даже пауки наркотой промышляют! А что, все пострадавшие женщины?

– Да. В возрасте от девятнадцати до двадцати восьми лет.

– Интересно, чем они спровоцировали атаку пауков? – недоумевала я.

– А бог его знает. Друг с другом незнакомы. Трое вообще в клубе впервые. Может, между ними какая-то особая астральная связь есть? Но это уже к Захару Матвеевичу. Наша с тобой задача – постараться разобраться в ситуации.

– Как думаешь, те пауки ещё здесь? – мне захотелось влезть на диван с ногами. Пауков я боялась до жути, тем более что эти ещё и ядовитые.

– Конечно, – наклонился ко мне и проникновенно произнёс Семёнов, – один вон по твоему плечу как раз ползёт.

Я издала истошный вопль, от которого у дежурившего за стойкой бармена выпало из рук и разбилось что-то стеклянное. Я же, подпрыгивая то на одной ноге, то на другой, пыталась скинуть с себя несуществующего паука. Семёнов хохотал, откинувшись на спинку дивана.

На мой крик прибежала встревоженная администратор.

– Что случилось? – обеспокоенно поинтересовалась девушка.

– Ничего страшного, извините, – ответил мерзкий Семёнов. – Моей коллеге показалось, что она увидела паука. Померещилось от переутомления. Вы не волнуйтесь, с ней такое часто случается. Я уже привык и не обращаю внимания.

Ну Семёнов! Ну жук!

– Вы меня напугали, – улыбнулась администратор. – Не бойтесь, у нас пауки не водятся. За время работы здесь ни одного ещё не видела. И дело не в качественной уборке. Видимо, им наша музыка не нравится. Хотя тараканы, например, не жалуются.

Девушка поняла, что сказала лишнее, и поспешила покинуть нас.

– Фу, у них тут ещё и тараканы, – брезгливо скривился напарник. – Идём отсюда, Арина, пока они нас не атаковали.

Просить дважды не потребовалось. Я сорвалась с места и под тихий смех Семёнова бросилась к выходу.

Уже сидя в машине, поинтересовалась:

– А как пауки могут вызывать наркотический приход?

– А я откуда знаю? Может, и не было пауков. Может, наш загадочный драгдилер придумал специальный состав, для усиления эффекта, так сказать. Но не рассчитал с ингредиентами.

– Как тогда в эту картину вписываются укусы на телах?

– Да это могут быть комариные, например.

Да уж. То ли были пауки, то ли не были. Загадка века. И при чём тут Управление? Мы же не санитарная служба, чтобы насекомыми заниматься. Но начальству видней.

К выходу в свет я подготовилась основательно. Час ушёл на создание причёски, состоящей из небрежных кудрей. Час – на вечерний мейкап. К приезду Семёнова я облачилась в парадно-выходное платье: короткое и в обlipку – одна бы я в таком из дома не вышла, но сегодня меня сопровождал образец мужественности, так что покуситься на мою персону не должны – и нацепила сапоги на высоченной шпильке.

– Хм. – Семёнов окинул меня странным взглядом. Неопределяемым. – А ничего так. Я думал, будет намного хуже. Удивила, Афанасьева. Так прямо... Так...

– Как так?

– Ты только не обижайся, ладно?

– Говори уже! – гаркнула я, готовясь пойти в ванную и смыть с лица то, на что была убита уйма личного времени.

– Нууу, эротично так. Особенно сапоги. Остальное тоже, конечно. Только не бей! – Семёнов притворно пригнулся, закрывая голову руками.

Придурок! Кто ж бьёт за комплименты? Пусть и такие корявые. Он за кого меня принимает? За воинствующую суфражистку?

– Ну, спасибо, что ли, – пролепетала я, хлопая килограммовыми ресницами. – Очень приятно.

– Не за что. Идём. Карета ждёт, кони уже застоялись, да и кучер продрог.

– Бедолаги.

– Кто? – рассеяно спросил парень, не сводя с меня взгляда.

– Кучер. Который продрог. И кони, застоявшиеся.

– А! Ну идём. Ты идти-то сможешь?

– Обижаешь!

Я своенравно тряхнула кудрями и сделала шаг по направлению к Семёнову. Но тут же зацепилась каблуком за ковровое покрытие и едва не ушла носом в пол. Красиво так, рыбкой. Семёнов перехватил меня в полёте. Вздёрнул за подмышки.

– Что-то в этом роде я и предполагал. Может, наденешь что-нибудь менее травматичное?

– Ни! За! Что!

– Ладно. Понял, – вздохнул парень. – Побуду твоим костылём. На всякий случай далеко не отходи. Да ты и не сможешь, на таких каблучищах-то.

– Рано приехали, молодые люди, – поприветствовал нас накачанный сверх всякой меры дядька на входе. На его фоне даже Семёнов смотрелся довольно бледно.

– Ничего, мы не торопимся, – утешил его мой коллега, разворачивая удостоверение. – Мы по делу.

Мужчина понятливо кивнул.

– В ночь на прошлое воскресенье вы дежурили?

– Я, – не стал отпираться секьюрити.

– Этих девушек помните? – напарник предъявил смартфон, пролистнул несколько фотографий.

– Только двух. Постоянные клиентки. Других не помню, извините. У нас такая проходимость за ночь. Всё время новые лица мелькают.

– Понимаю. Про этих двух девушек можете что-нибудь сказать?

– А что про них говорить? Обычные студентки. Живут где-то неподалёку. У нас много студентов. Несколько общежитий поблизости. Ну, и другая публика тоже, конечно, бывает. Девочки приходят уже готовые. Навеселе в смысле. Резвятся до утра, потом по домам. Или в общагу. Подробностей не знаю. Мне это неинтересно.

– Не в вашем вкусе? – съязвил Семёнов.

– Мои вкусы – моё личное дело, – резко парировал мужчина. – Я женат вообще-то. И этими, кхм, цветами жизни мне как-то не по возрасту интересоваться. Моя старшая дочь практически ровесница им.

– Ясно. Извините. Может, припомните, вдруг какие-то молодые люди с ними были? Тоже из числа постоянных клиентов?

– Ну, есть тут пара хлюпиков. В кедах, с голыми лодыжками. Что за мода нынче? Девочки ещё понятно. Ножки гладкие, стройные. А мужики-то для чего волосатые ноги оголяют? Тьфу! Смотреть тошно.

– В ту ночь хлюпики тоже были?

– Были, только им ничего не обломилось, как всегда. Но они, похоже, не теряют надежды. Даже смешно. Под утро оккупировали выход и без разбора кидались на каждую женскую особь, в расчёте на то, что перед закрытием остаются дамы с дисконтом, а потому не особо привередливые. Но расчёт не оправдался. На них никто привычно не позарился.

– Бедолаги, – хмыкнул Семёнов.

– Чмошники, – внёс коррективы охранник.

Я решила вмешаться в диалог:

– Вы случайно не видели: может, они предлагали девушкам какие-нибудь таблетки или что-то в этом роде?

– Не было такого! – уверенно произнёс мужчина. – У нас не толкают. Может, конечно, кто с собой и пронесёт чего, мы же по карманам не шарим. Сумки досматриваем, но не больше. И следим, чтобы на территории дилеров не было. Если что и проносят, то только для личного пользования. В туалетных кабинках, знаете ли, камер нет.

– А кроме этих двоих к девушкам ещё кто-нибудь подходил?

– Да кто только ни подходил! Разве упомнишь всех страждущих до необременительного траха? Уж извините за цинизм. Издержки профессии. Просто за ночь такого насмотришься.

– Все человеческие бездны...

– Точно! Только эти девочки обычно отшивают поклонников, либо обмениваются с ними телефонами. Но уходят стабильно парой. Может, просто потанцевать любят, может, ищут своего единственного, – мужчина желчно усмехнулся. – Место, правда, для этого не особо подходящее.

– В каком состоянии они ушли из клуба?

– Да как большинство в это время. В бодром подшофе. Ничего не предвещало, так сказать.

Мы попрощались с секьюрити и прошли в зал, где в этот момент располагалась остальная охрана клуба. Мужчины разместились вдоль

барной стойки. Потягивали чай-кофе, перебрасывались шутками. Ничего нового сверх того, что рассказал дядька на входе, охрана клуба нам не поведала. Большую часть пострадавших признали. Особой популярностью у охраны пользовалась статная пышногрудая блондинка. Я из-за плеча Семёнова ещё раз посмотрела на эту девушку. Действительно, красавица. Большие выразительные глаза, тонкий нос (интересно, это грамотное использование тона или удачная ринопластика?), пухлые губы (цепкий женский взгляд оценил качественную работу косметолога и прикинул примерную стоимость), большая грудь (а как же!).

Мне непонятно, почему все, ну ладно, не все, но большинство мужиков так повёрнуто на гигантских сиськах? Это что, последствия нехватки материнской любви? Стремление вернуться во младенчество? Вот только не надо сказок про то, что большая грудь свидетельствует о возможности прокормить пятнадцать детей. Не свидетельствует. Это всё нелепые, ничем не обоснованные домыслы поклонников внушительного бюста. И потом, это в бюстгальтере грудь четвёртого, скажем, размера выглядит вдохновляюще. А если его снять? Закон всемирного тяготения пока ещё не отменили, господа. Зря, что ли, сэра Исаака яблоком по голове били? Хотелось крикнуть: «Даёшь маленькие сиськи!», но, боюсь, меня бы не поняли. Или поняли неправильно.

В общем, блондинка была хороша. Факт. И выглядела дорого. Непонятно только, что забыла в этом довольно бюджетном месте. Но это и неважно. Девушка пользовалась спросом вполне заслуженно. Регулярно покидала заведение то с одним поклонником, то с другим. В ту ночь её провожал незнакомый мужчина. А в воскресенье ближе к обеду она пришла в себя в одной из московских больниц. О том, кто её туда доставил, девушка не помнила. Как не помнила и того, с кем покидала ночной клуб.

– Слушай, может, всех их этот неопознанный мужик разом уволок и накормил той ядовитой дрянью? Или накормил колёсами, а затем посадил пауков? – предположила я, пока мы пили кофе на диванчиках в ожидании начала программы.

– С какой целью ему их уволакивать? – скептически изогнул бровь Семёнов.

– Ну как... Что значит, с какой целью? А с какой целью мужчина находит себе женщину в ночном клубе?

– А паховую грыжу он себе не заработал случайно после такого марафона? Может, тоже сейчас в какой-нибудь больнице валяется, оклематься не может? И потом, чтобы сразу шестерых – это ж кем надо быть? Нет, Афанасьева, твоя версия отпадает по причине абсолютной фантастичности.

– А что, так не бывает, да?

– А тебе бы хотелось? Ну, удачи в поисках. Только мой тебе совет: как только встретишь такого умельца, беги от него со всех ног и без оглядки. Иначе замучаешься кровавые мозоли лечить.

– Тьфу на тебя, Семёнов!

– Другие версии будут?

Помотала головой.

– Вот и мне ничего дельного на ум не приходит. Ладно, давай, что ли, посмотримся тут, когда начнётся веселье.

Веселье, как и предсказывала вчерашняя девушка-администратор, началось в одиннадцать. Основная масса посетителей подтянулась к двенадцати. В половине первого на возвышении показались рельефные красавцы – обещанный мужской стриптиз. Обещанный бесплатный напиток – бокал советского шампанского – я к тому времени уже выпила. Поэтому, повизгивая от предвкушения, сорвалась с диванчика и двинула туда, где кипела жизнь. На танцпол то есть.

Какая чудесная ночь! И почему я так редко выбираюсь в клубы? «Да потому, что у тебя друзей нет. Что неудивительно, с твоим-то характером». Ага. Ну, конечно. Добрый вечер, герр Фрейд. Вас-то мне только и не хватало для полного комплекта. Друзья у меня, допустим, есть. Катя, например. Человек, проверенный временем. Но её муж не отпускает на такие мероприятия, опасается, что и понятно. Она у нас девушка видная. Ещё вот Семёнов есть. Тоже друг вроде как.

Тем временем мой вроде как друг Семёнов, перекрикивая грохот музыки, пытался о чём-то болтать с очередной девицей, которая достигла нужной кондиции и, не стесняясь, тёрлась об него грудью. Затем попыталась закинуть руки ему на шею, параллельно покачивая бёдрами, обтянутыми кожаными штанами. Интересно, у неё в этом великолепии попа не потеет? Каково оно, с потной попой-то к мужчинам приставать?

Я отвернулась, ибо смотреть, как соблазняют Семёнова и как тот соблазняется, было не слишком приятно. Заботливый бармен перехватил мой отчаянный взгляд. Я ткнула в меню и протянула деньги. Бармен выставил передо мной шот. Собирался поджечь, но его опередил какой-то белобрысый отрок. Я хотела было поинтересоваться, знает ли мама, где он проводит сегодняшнюю ночь, как юноша заботливо протянул трубочку и кивнул на бокал. Ага, можно подумать, ты меня им угощал. Но решила не сопротивляться. Быстро втянула пылающую алкогольную смесь.

Легче мне от этого не стало. Бросила взгляд из-под тяжёлых от туши ресниц в сторону Семёнова. Недавняя девица в кожаных штанах куда-то делась, но её сменила другая охотница. Да что все к нему липнут-то? Других мужчин нет, что ли?

Повернулась к родному бармену. Меня ждал сюрприз. Передо мной на стойке стоял новый шот, полыхая, как моя ненависть к Семёнову. А вот не буду отказываться! Спасибо вам, милый юноша. Как же вас зовут-то, такого красивого, такого розовощёкого?

– Миша, – прокричало мне в ухо дитё, прочитав мои мысли.

Я тоже хотела представиться, но юношу, похоже, моё имя не особо интересовало. Он по-хозяйски хватанул мою руку и потащил на танцпол. Юноша был хорош. Пластичен, ритмичен, музыкален. Я даже засмотрелась, слегка покачиваясь на своих шпильках, выбрав такую амплитуду, чтобы выглядеть максимально томно и не рухнуть при этом. Немного потрясла кудрями для приличия. А что? Все трясут, я разве хуже? Нет, не хуже. Вон как отрок раздухарился. Демонстрирует, что ждёт меня в его кроватке, если вдруг мне разум откажет.

А что там у нас Семёнов поделывает? Кобелина драная! Об него уже две девки трутся. Разом причём! Так, срочно надо выпить. И чего-нибудь покрепче, чем Б-52. Пробилась к стойке.

– Девушка будет мохито. Безалкогольный, – безапелляционно заявил возникший рядом Семёнов, перекрывая вой динамиков. Потом наткнулся на мой злобный взгляд. Поправился: – Нет, обычный.

Заказал мне коктейль и исчез. Его две русалки утянули в пучину разврата. Зато вместо Семёнова нарисовался мой новый поклонник. Отсалютовала ему коктейлем, пленительно улыбнулась. Надеюсь, ему уже есть шестнадцать? Если нет, рискую заработать реальный срок.

Какой замечательный коктейль! Какой правильный бармен! Это точно мохито? Как-то крепковато, на мой вкус. Да и ладно. Один раз живём.

Ммм... Хорошо...

Налейте мне ещё бокальчик,

Щас дама будет танцевать.

Какой-то симпатичный мальчик —

Хочу его к себе в кровать^[6].

Так, Афанасьева, стоп! Что с тобой? С двух-то Б-52 и одного мохито, в котором ром только для запаха.

— Ещё? — поинтересовался отрок, прижимаясь ко мне горячим телом после того, как я прикончила коктейль.

Why not? Кивнула. Отрок исчез, чтобы через минуту вернуться. Вырвал меня из нежных объятий какого-то другого милого мальчика. Ой, промашка вышла. Простите, юноша. Обозналась. Надеюсь, вы не очень расстроились? Прежний отрок всучил мне новый мохито. Тоже подозрительно крепкий.

Музыка била по ушам, разливалась по венам, заставляя сердце вибрировать ей в такт. Каблуки уже не казались обременительными, ресницы легко трепетали, во всём теле такая приятная гибкость образовалась. Не превратиться бы в непонятное нечто, как в том мультике, где падал прошлогодний снег.

Когда бокал опустел, отрок наклонился к моему уху:

— Пойдём?

Хотела спросить: «Куда?» Но вместо этого зачем-то кивнула. Было весело и хотелось приключений.

Нас перехватили на выходе. Тот дядька, которого мы с Семёновым опрашивали первым. Отрок почуял неладное и скрылся. Охранники проводили меня до лавочки для курильщиков. Я с трудом вытащила из кармана куртки пачку сигарет и зажигалку. Не с первого раза смогла прикурить, но всё-таки смогла. Я выдыхала дым в холодный влажный воздух московской осени. Голова гудела, ноги отстукивали ритм, душа требовала праздника.

— Ох, ну ни фиги себе! — воскликнул выросший передо мной Семёнов. — Афанасьева, когда ты умудрилась-то?

Напарник был не один. Рядом стоял бдительный дядька, лишивший меня праздника. Он что-то тихо объяснял парню. Тот хмурился и кивал.

– Ну понятно. Разберёмся, – пообещал нечто недоброе какому-то несчастному Семёнов. – Идти сможешь? – это уже мне.

А где твои русалки, Семёнов? На кого ты их покинул? И где мой половник... полковник... Тьфу, поклонник то есть. Куда вы его дели, сволочи? Верните немедленно! У меня к нему чувства!

– Так, Афанасьева, поднимайся.

Меня резко дёрнули вверх.

– Ой! Мои бёдра!

– Афанасьева! – возмутился Семёнов. – Не трогал я тебя за бёдра! Это всё твои несбыточные мечты и женские фантазии!

– Иди ты, – слабо махнула я рукой. – Не мречты это. Это всё ты. Не хапай мои брёбра... Больно же! Ай!

– Ах ты чёрт! Совсем про твои рёбра забыл! Ну извини. Ты это, давай, шевели ножками. Раз-два, раз-два. Вот так. Молодец. Что ж тебя так развезло-то, а?

– Нинаю... Хорошо-то как!

– Ага. Кому хорошо, а кому не очень.

– Лёш?

Тишина.

– Лёш? Ну Лёшаааа.

– Чего тебе, пропойца?

– Нее, я не порпойца. Это был нинястный случай. Я не хотела.

– Ну да. Я так и понял.

Идём дальше. То есть идёт Семёнов, а я, повиснув на нём, скребу носками эротичных сапог по асфальту. Парень пыхтит, но мужественно тащит меня на себе, стараясь лишний раз не касаться моих многострадальных рёбер. Видимо, только это мешает ему перекинуть меня через плечо и таким варварским, но чертовски возбуждающим своей первобытной дикостью, способом транспортировать до машины.

– Лёшааа.

Злое:

– Что ещё?

– Куда вы хорошего мальчика дели? Я не успела попрощаться с ним. Так невежливо.

– Я этого хорошего мальчика хорошо запомнил. Завтра днём найду и по яй... по ушам нащёлкаю. Да так, что мало не покажется.

Устрою ему ненастный случай.

– За чтоооо? – жалобно протянула я. Мальчика было очень жалко. Он же такой милый. Ми-ми-ми.

– За то, что тебе в коктейли непонятно что подливал. Бармена я тоже хорошо запомнил. Так что и ему перепадёт. Вот уррроды! А ты давай, шевели каблуками. Уже немного осталось.

Предупредительный Семёнов доставил меня прямым до дивана. Стянул куртку и сапоги. Когда добрался до платья, получил по рукам.

– Ай! Больно! А от того малолетки ты стала бы отбиваться? А, Афанасьева?

– Нее. Он хороший. Он не стал бы моё платье трогать.

– Сказал бы я, что он стал бы с тобой делать, но, так и быть, воздержусь. Потерплю до завтра, когда проспишься. Как ты могла, Афанасьева? Я к тебе со всей душой, а ты? Ну вот на кого ты меня променяла? – парень тихо смеялся, комфортно размещая моё тело на диване и укрывая одеялом. – Спи, горемычная.

Сквозь сон мне показалось, конечно же, показалось, что моей щеки коснулись чьи-то тёплые губы.

Утро я благополучно проспала. Благо на работу идти не требовалось. Глаза разлепила в час дня. На журнальном столике обнаружили кружка с водой и упаковка аспирина. Ну надо же, какая забота! И правильно! Кто не углядел за Ариночкой? Кто позволил напоить её до бесчувственного состояния?

В восемь вечера я отошла от последствий ночной жизни. Вяло ковыряла остывающие пельмени, когда позвонил Семёнов.

– Заеду за тобой в половине двенадцатого. Раньше полуночи там всё равно делать нечего. И огромная просьба – марафет не наводи. И без каблучиц этих твоих жутких. Нечего всяких отморозков приманивать. Помни, ты на работе, – айтишник говорил злыми рублеными фразами.

И чего это мы такие нервные? Вчера, значит, каблуки были эротичными, а сегодня стали жуткими. Непоследовательно как-то, товарищ оперуполномоченный по нечисти и нежити.

– Угу, – буркнула я, но меня не услышали. Собеседник отключился.

К приходу Семёнова я собрала волосы в хвост, слегка мазнула тушью по ресницам, нацепила джинсы и футболку, обтягивающую, правда. Не надевать же ради спокойствия напарника одну из тех, растянутых, в которых я обычно сплю? Я, конечно, на работе, но женщиной от этого быть не перестала. И никаких каблуков, как и заказывали.

– Ну, и куда ты так вырядилась? – угрюмо поинтересовался напарник, окидывая меня придиричивым взглядом. – Хочешь повторения?

– Семёнов, заканчивай с паранойей. Вчера я стала жертвой обстоятельств. Это скорее исключение, чем правило. Раньше такого со мной не случалось. И в будущем не случится. И не вырядилась я вовсе. Вообще я в таком виде только в магазин за хлебом хожу, – поправочка: в ларёк за пивом и сигаретами, но ему об этом знать не стоит. – Так что не переживай, никто меня у тебя не отнимет.

Парень хмыкнул, но промолчал.

Только в автомобиле, когда он положил руки на руль, я заметила сбитые в кровь костяшки его пальцев.

Ахнула:

– Семёнов! Где ты умудрился руки разбить?

– Да это ерунда, Арина. Заехал после работы в зал, решил поупражняться с грушей. Слегка увлёкся.

По интонациям поняла – врёт! Наверняка же выбивал признательные показания из какой-нибудь несчастной нежити. Ох, не нравятся мне твои методы ведения допроса, дорогой коллега!

На пороге клуба нас встретил вчерашний секьюрити. Напарник крепко пожал ему руку. Интересно, когда они успели подружиться?

– Как вы себя чувствуете? – задал мне странный вопрос охранник.

– Спасибо, хорошо, – недоумевая, ответила я.

– Она ничего не помнит, что ли? – поинтересовался мужчина у Семёнова.

– Не знаю, не уточнял.

– Понятно. Говорят, у нас бармен уволился.

– Сочувствую, – буркнул парень.

Какой-то непонятный у них диалог. Какое Семёнову дело до здешнего бармена?

– С героем-любовником уже пообщался? – задал очередной странный вопрос охранник.

У Семёнова есть любовник? Что-то новенькое!

Ответа не последовало. Более того, мужчина принял такой отстранённый вид, словно и вопроса не было. Ага, можно подумать, я не видела, как Семёнов ему рожи корчит. Коллега, конечно, стоит ко мне спиной, но в стеклянной створке входной двери его пантомима отлично просматривается. Сплошные загадки.

Мы прошли внутрь. Музыка долбила так, что вибрировали стены и пол, народ разгулялся не на шутку. Сегодня пятница, люди пришли отрываться после перенесённых обид и унижений прошедшей рабочей недели. Посетителей в два раза больше, чем вчера, и это ещё не предел. Ночь только начинается. На танцполе такое мясо, что меня против воли потянуло в эпицентр. Захотелось влиться в толпу и отплясывать, позабыв обо всём. Но напарник предугадал мою задумку, цапнул за локоть и потащил к одному из свободных столиков, расположенных довольно удачно – оттуда весь зал отлично просматривался.

Мы пили кофе и минеральную воду. Танцевать меня не пускали. Более того, даже посещение туалета проходило под конвоем. Под дверью кабинки дежурил коллега. Вдруг украдут такое сокровище, ага. Впору почувствовать себя очень важной персоной и возгордиться, но подобный контроль ничего, кроме вполне закономерного раздражения, не вызывал.

В пять утра Семёнов повёз меня домой.

– Может, наш драгдилер теперь в другом клубе тусует? – предположила я. – Понял, что засветился, и решил сменить точку?

– Не исключено. Завтра сделаем финальный заход. Если ничего не изменится, придётся отложить поиски до появления новых жертв.

Воскресную ночь я встретила под оглушающую музыку. Тусоваться надоело. Да мне и не давали толком. Сидеть на диванчике и смотреть, как веселятся люди, было обидно. В какой-то момент я удрала от зазевавшегося Семёнова. На танцпол удрала, естественно. Ему не оставалось ничего другого, кроме как присоединиться ко мне. Странно бы выглядело, если бы он принялся увлакивать

сопротивляющуюся меня в сторону диванчиков. С него бы случилось, конечно, но вот окружающие вряд ли бы его поняли.

Вокруг нас как-то вдруг прибавилось женского полу. Девушки эротично извивались, стараясь обратить на себя взгляд моего коллеги. Прямо как одалиски в гареме турецкого султана. Кто лучше спляшет, тот господина и оседлает. Тьфу! Где там у нас барная стойка? Далеко мне уйти не дали, дёрнули за руку, вернули на прежнее место. А как же анестезия для моего разбитого сердца и израненной души?

Назло соперницам прильнула к парню всем телом, прокричала в ухо:

– Я пить хочу!

Он кивнул, намереваясь пойти со мной. Ну нет. Это в мои планы не входит.

– Я одна! – снова закричала я. – Я быстро.

Парень кивнул. Изобразил шутливый жест, означавший, что он следит за мной: поднёс два пальца к своим глазам, затем направил их в мою сторону. Я рассмеялась и кивнула. Сложила руки в молитвенном знаке, он же намасте, отвесила поклон и рванула к бару, пока Семёнов не передумал.

– Две текилы, – крикнула бармену.

Ага, и поскорее, пожалуйста, пока меня не застукали.

Текила зашла со скрипом, но всё-таки зашла. Фу, бяка какая! Не зря я её не люблю. Зато эффект не заставил себя ждать. Положив пожёванный лайм на салфетку, я отправилась на поиски напарника. По пути меня несколько раз пытались перехватить чьи-то руки, но я старательно уворачивалась, прокладывая путь среди хаотичнодвигающихся людей, как ледокол «Арктика» в полярных льдах.

Семёнов пропал. Я нашла то место, где его покинула. Нашла знакомых, слегка поникших девчат. Привстала на цыпочках. Безрезультатно. Парень как сквозь землю провалился. Да и что увидишь в такой толпе? Пожала плечами и продолжила танцевать. Не маленький, найдётся. Что с ним может случиться? Не изнасилуют же его, в конце концов. А если и произойдёт непоправимое, так и быть, окажу потом моральную поддержку.

Текила сделала своё нехитрое дело. Мне было весело, ночная жизнь больше не утомляла. Очень скоро рядом с нами – со мной и отвергнутыми Семёновым девушками – образовались молодые люди.

Один был таким красавцем, что аж дух захватывало. Парень отлично сознавал, какое впечатление производит на слабую половину человечества, и бойко раздавал авансы. В танце дотрагивался то до одной девушки, то до другой. До меня очередь пока не дошла, но я не теряла надежды. Девушки кокетливо отводили взгляды, одна я беззастенчиво рассматривала его. Хотелось запомнить, впитать глазами эту невероятную, мужественную красоту. Кажется, я даже двигаться перестала. Стояла столбом и пялилась на него, чувствуя, как мучительно тянет низ живота. Ох ты ж блин! Неужели нарвалась на очередного инкуба? Так, Афанасьева, бочком-бочком отсюда да в безопасное место. А лучше на улицу. Проветрить мозги.

Выбравшись с танцпола, рванула к гардеробу, выхватила их рук паренька-гардеробщика свою куртку. Упала на скамейку и закурила, наслаждаясь тишиной и одиночеством. Но одиночество длилось недолго. Рядом опустился инкуб, или какая другая сексуальная нечисть, я же в их классификации не разбираюсь пока.

– Привет, я Артур, – скромно представился он.

– Гвиневра, – ответила я.

На лице парня промелькнула тень досады. Видимо, эта шутка успела порядком его достать.

– Я серьёзно, – немного обиженно сказал король Камелота.

– Извини. Арина, – исправилась я.

– Жаль, что не Клара, я бы про Карла задвинул.

– Жаль, – протяжно вздохнула я.

Соседство парня напрягало и радовало одновременно. Гормоны приготовились к бунту. Артур словно почувствовал это, перехватил мою ладонь, провёл пальцем по тыльной стороне. Гормоны ударили в голову, по телу пронеслись мурашки, вызывая волну дрожи и спазм в животе.

– У вас всё в порядке? – поинтересовался возникший возле лавочки секьюрити – новый друг Семёнова.

Я неуверенно кивнула. Конечно, всё просто отлично. Разве что только инкубы атакуют, но ничего, я привычная уже.

– Если что, я рядом, – проинформировал мужчина.

Снова кивнула, на этот раз с благодарностью.

– Твой знакомый? – спросил король Камелота.

– Да, дядя, – зачем-то соврала я. – Родители отпускают в клуб только в его смену.

– Как некстати.

Инкуб опасливо оглянулся на моего «дядю», но пыл не умерил. Продолжил мять мои пальцы.

– Давай обменяемся телефонами. Встретимся как-нибудь, кофе попьём.

Не боишься, что на встречу не одна приду? Со свадебным регистратором? У вас, у инкубов, же всё серьёзно. Вы же ведьм сразу замуж зовёте.

Артур терзал мою кисть, ожидая положительного ответа. Даже телефон из кармана вытащил. Я мялась, не зная, как приструнить эстрогеновый мятеж и заставить себя отшить молодого человека. Решить проблему помог Семёнов. Мой вечный спаситель появился как раз вовремя. Я уже была готова стать жертвой очередного инкуба.

– Арина, я тебя везде ищу! – злобно рыкнул айтишник. – Молодой человек, девушка уже занята. Попытайте удачу в другом месте.

Оооочень интересно! И когда это я стала «уже занята»? И главное, кто меня «уже занял»? Не Семёнов ли? Какого чёрта он в мою личную жизнь лезет? Кто его просит? Вот возьму и дам телефон (и не только телефон) этому красавцу! Красавец, кстати, почувствовав мои сомнения, не торопился покидать ристалище, тем более что наградой за победу была благосклонность одной прекрасной дамы. Моя то есть. Отважный Артур даже ладони моей из своей руки не выпустил, чем изрядно взбесил Семенова.

Такая отвага должна быть достойно вознаграждена. «Дать», – решила я. От неразумного поступка меня удержали обстоятельства непреодолимой силы. Рядом с Семёновым появились мой названный дядя и один из охранников с танцпола.

– Это тот тип, с которым в прошлое воскресенье ушла блондинка. Ну, та, эффектная такая, – сообщил охранник.

Артур дёрнулся. Выпустил мою руку. Семёнов улыбнулся. Недобро, предвкушая скорую и беспощадную расправу. Мне стало жалко инкуба. Один такой уже пострадал от лап Семёнова. Не хотелось бы, чтоб и этому досталось.

– Тааак, молодой человек, расскажите, будьте любезны, как и с кем вы провели прошлое воскресенье, – с этими словами Семёнов

махнул перед Артуром удостоверением.

Инкуб вчитался в название учреждения, выдавшего документ, и весь как-то сжался, ссутулился. Напарник же, наоборот, расправил плечи, навис над несчастным, как воплощение карающего правосудия. Осталось только нарядить его в женскую тогу, в одну руку всучить меч, в другую безмен. Повязку на глаза необязательно. Фемида над входом в Верховный суд без повязки? Без повязки. И ничего, со своими обязанностями справляется. Никто не жалуется.

– Это из-за той девушки? – печально спросил парень. – Всё совсем плохо, да? Но я тут ни при чём.

– Разберёмся, – успокоил напарник.

– Я, правда, ни в чём не виноват! Ей в такси стало плохо. Она у меня на руках отключилась. Мы с водителем перепугались. Позвонили в «скорую», там нам сказали, в какую больницу её доставить. Проверьте мой телефон. Вот, видите, звонок в «скорую».

Артур пролистал страницу с вызовами и сунул телефон Семёнову под нос.

– Если не верите мне, можно у таксиста спросить. Думаю, он этот вызов долго не забудет. В диспетчерской, или что там у них, наверное, смогут определить, какая машина нас забирала из клуба.

– Разберёмся, – снова сказал Семёнов. – Мне нужен номер вашего телефона и другие данные. И не вздумайте врать.

Инкуб послушно продиктовал все, что требовалось. Семёнов тут же сделал контрольный звонок. Вызов был благополучно принят абонентом.

– Мы вас пригласим. И ещё, не советую покидать город. Хуже будет.

Молодой человек кивнул, а затем поинтересовался:

– Она жива?

– Сами справиться не удосужились, – желчно прокомментировал Семёнов. – Навестили бы несостоявшуюся любовницу. Или вам это ни к чему?

Артур совсем сник. Моя симпатия к нему моментально сошла на нет. Действительно, мог бы в больницу позвонить хотя бы. Это же несложно. Неужели настолько наплевать на человека, с которым собирался вступить в межвидовой контакт? Мерзость какая! Фас,

Семёнов! Бей его, не жалко. Хотя нет, жалко. Ботинки твои дорогостоящие жалко о такое марать.

– Идём, Арина, – напарник протянул мне руку, которую я без раздумий приняла. Потом обернулся к инкубу и бросил: – Жива она.

Мы вернулись в клуб. На входе я обратилась к Семёнову:

– Можно я выпью, что ли?

Докатилась. Уже разрешение у него спрашиваю.

– Хочешь запить горечь разочарования?

Кивнула.

– Валяй, – великодушно дозволил парень. – Я бы и сам. Ибо противно, когда с такими типами сталкиваешься. Но нельзя. За руль потом. Нет, ну как? Как так можно-то?! Он же не случайному прохожему «скорую» вызывал. Она ему понравилась. Он трахать её собирался. Ай, ладно. Хрен с ним.

Я взяла себе текилы. Закинула в рот. Семёнов проводил стопку завистливым взглядом. Потом потянул меня на танцпол и принялся выделяться. Видимо, у него такой способ снимать напряжение, не прибегая к алкоголю. Молодец, что тут скажешь. Семёнов нравился мне всё больше. Хотя куда уж больше? Эх, не влюбись, Арина. Дохлый номер. Ты не в его вкусе. Не забыла?

Я-то не забыла. А вот Семёнов, видимо, забыл. Притянул меня к себе, прижал покрепче и начал раскачивать нас в такт музыке под завистливые взгляды окрестных девчат. Нет, девочки. Не завидуйте. Не задавайтесь извечным женским вопросом: «Да что он в ней нашёл?» Не моё это великолепие. Не моё. А жаль...

Семёнов пообнимал меня какое-то время, потом выпустил из рук. Я с неохотой отлепилась от него. Осмотрелась по сторонам.

Неподалёку от нас пластично двигалась пара. Парень и девушка являли чудеса гибкости. Дама, судя по всему, была уже сильно нетрезвой. Молодой человек, напротив, выглядел довольно собранным. Он прижимал её спиной к своему телу, она эротично приседала, обтираясь об него, демонстрируя степень всем понятной готовности. Обычная для столь позднего часа картина. Еще несколько минут, и они покинут заведение.

Блуждающий по залу луч прожектора замер на заинтересовавшей меня парочке. В его ярком свете стали отчётливо видны полчища пауков, которые копошащейся волной разливались по телу девушки.

Чёрные глянцевые насекомые мерцали, отражая свет. Мохнатые лапки торопливо перебирали по волосам, одежде, оголенным участкам тела опьяневшей жертвы. Маленькие злобные глазки предвкушающе поблёскивали. И, похоже, никто, кроме меня, этого не видел. Даже потенциальная потерпевшая.

Исчезли звуки, погас на периферии зрения свет. Мир сузился до одной танцующей пары, освещённой софитами, словно она находилась на сцене, а вокруг вместо зрительного зала простиралась ледяная мгла космоса. Девушка, облаченная в костюм из живых шевелящихся насекомых, изгибалась, направляемая партнером. Доверчиво льнула к самому настоящему монстру. Повелителю пауков.

Я застыла на месте, ошеломлённая чудовищной картиной.

Справившись с оцепенением, бросилась к Семёнову, повисла на нём. Он рефлекторно сжал меня в руках, не понимая причин моей проснувшейся страсти.

– Лёша! Пауки!!! – заорала я ему на ухо.

– Где? – правильно понял меня напарник. – Покажи, только аккуратно. Не привлекая внимания.

Он крутанулся, не выпуская меня из объятий. Я слегка изогнулась, махнула рукой в сторону кошмарной парочки, но жест этот можно было принять за своеобразный танцевальный элемент. Парень пригляделся. Затем, всё так же прижимая к себе, понёс меня с танцпола. Усадил на диван и распорядился:

– Сиди здесь! Никуда не уходи! И без самостоятельности! Я за подмогой.

Послушно кивнула. Что я, дура, здоровьем рисковать? Тем более там, где пауки.

Семёнов исчез. Через несколько минут я увидела, как снялась со своих мест охрана клуба, что стояла по периметру танцпола и следила за порядком. С разных сторон, разрезая людское море, двигались мужские макушки. Небольшая заминка в эпицентре веселья, и кого-то согнутого куда-то повели. Посетители не обратили на инцидент никакого внимания.

Завибрировал телефон. Я поднесла его к уху. Звонил напарник. Сквозь грохот музыки я слышала лишь слово «выход». Пошла туда.

У входных дверей стояла живописная группа. Несколько охранников, Семёнов и закованный в наручники парень. Тот самый. С

пауками. Семёнов схватил его за волосы, задрал голову.

– Он? – поинтересовался у меня.

Я кивнула. Засомневалась было, вдруг ошиблась, вдруг мне привиделся страшный танец с пауками. Но нет. Вон один прыгнул с плеча злодея и устремился в сторону выхода. Я притопнула ногой, чувствуя, как хрустнуло под подошвой ядовитое тельце.

Злодей прищурился, зашипел от боли, словно я палец ему отдала, бросил на меня полный отвращения взгляд и прохрипел:

– Ведьма!

– Наш клиент, – отбросил сомнения Семёнов. – Я уже вызвал наряд. Приедут минут через десять. Где можно этого подержать пока? – поинтересовался он у охраны.

Нас отвели в подсобное помещение – небольшой кабинет, предназначенный для одного человека. Злодея усадили на единственный стул. Мы с Семёновым разместились на чьём-то рабочем столе, пара охранников, включая заботливого дядьку, встала у дверей.

– Он был у вас в прошлое воскресенье? – спросил напарник у секьюрити.

– Не помню, – честно ответил тот. – Не постоянный клиент, это точно. Но можно записи с камер посмотреть, если нужно.

Семёнов кивнул.

– Надо ту девушку проверить. Возле которой этот оттирался, – сказала я.

– Сможешь её найти?

Пожала плечами. Девушку я запомнила. Но как найти её в этом вавилонском столпотворении, представляла слабо.

Злодей хрипло, рвано засмеялся. Потом сообщил:

– Не надо её искать. Они ничего не успели ей сделать. Я только пришёл, а тут вы. Сссуки!

– И тем не менее, – возразил Семёнов, – Арина, пройдишь по клубу. Может, отыщешь. Нужно её Захару Матвеевичу показать. Вдруг этот гад врёт.

Я вышла из кабинета. Ответственный секьюрити последовал за мной. Хороший дядька. Надёжный. Побольше бы таких. Мы вместе шарили по клубу. Девушку нашли минут через пять. Её, в расчёте на продолжение вечера, угощал коктейлем новый поклонник. Мы лишили

парня надежды на удовольствие. Жаль его, конечно, зря только деньги потратил. Но ничего, переживёт. Да и девушке уже достаточно, на мой взгляд. Наша потерпевшая не понимала, чего от неё хотят. Пыталась возмущаться, когда у неё потребовали номерок и помогли одеться, когда выводили из клуба и грузили в фургон Управления, приехавший на вызов. Но её возмущённые крики и пьяные угрозы никто не стал слушать.

Такой весёлой компанией мы ввалились в здание Управления. Сонный Захар Матвеевич встретил нас на входе. Очевидно, его подняли с постели и заставили примчаться на работу. Семёнов умеет убеждать, что тут скажешь.

В первую очередь ведун осмотрел девушку из клуба, которая буянила, требовала адвоката и права на звонок. В фильмах, что ли, насмотрелась? Ей не предоставили ни адвоката, ни телефона, зато выдали чашку свежесваренного кофе, который она, присмирившая после отрезвляющих манипуляций ведуна, пила маленькими глотками, стыдливо пряча глаза. Злодей не обманул. Его несостоявшаяся жертва действительно не пострадала. После того как кофе был выпит, ведун вызвал такси и отправил девушку домой.

Потом он ушёл. Семёнов тоже. В комнате для отдыха я осталась одна. Присела на диван. Потом прилегла. А затем и вовсе уснула...

– Ариша, Арина, – кто-то тряс меня за плечо, вырывая из мира прекрасных сновидений, где Семёнов, стоя на одном колене, протягивал мне маленький квадратный футляр. – Афанасьева! Просыпайся давай! – я возмущённо мыкнула, отчаянно желая досмотреть сон.

Но меня продолжали настойчиво трясти. Сон растаял, явив напоследок змеиную морду. Морда скалилась и глядела на меня жуткими красными глазами. Странно, я раньше считала, что у змей глаза жёлтые. Змея подмигнула мне глазом неправильного цвета, и я окончательно проснулась.

– Семёнов! Такой сон испортил! – возмутилась я, отталкивая руки айтишника. – Один вред от тебя! Вот зачем ты меня разбудил?

– Чтобы домой отвезти, где ты сможешь досмотреть свои сны с комфортом.

– Уже не получится, – тяжело вздохнула я, позволяя поставить себя на ноги. – А жаль!

Действительно, жаль! В реальности такого точно не случится.

Сев в автомобиль, я окончательно проснулась и потребовала ответов.

– Кто это был?

– Арахнид, – односложно ответил напарник.

– Спасибо, теперь мне всё понятно, – съязвила я.

– Человек-паук, – внёс ясность Семёнов. – Так лучше?

– О да! Намного! Человек-паук на стороне добра вроде как. А этот людей травит. Наркотой и ядом. Ты можешь объяснить по-человечески?

– Ну, арахнид. Нечисть такая паукообразная. Что непонятного-то? Шла бы ты учиться, Афанасьева. Просто невозможно общаться с малограмотным человеком.

– Сам ты малограмотный! Приём на учёбу только в следующем году. Осенью. Так что придётся терпеть. А зачем этот урод на девчонок пауков своих науськивал?

– Такова его природа, – решил пофилософствовать Семёнов.

Может, стукнуть его?

– А можно поконкретнее про природу? Мне же интересно. Я вообще-то тоже в этом участвовала.

– Отдыхает он так. Расслабляется. Многочисленное потомство выгуливает. Приучает к жизни в социуме.

– Насколько многочисленное? – содрогнулась я, представив, что в каждом ночном клубе пасётся несколько подобных тварей, выгуливающих своих паучат.

– Не считал. До пары десятков.

Не сдержала крика.

– Да успокойся ты! – поморщился парень. – Из выводка только малая часть выживает. Ты, кстати, угробила одного из арахнидов. Арахнёнка. Маленького такого, беспомощного. Он только жить начал. Не жалко тебе его?

– Ни капельки! На фига они людей кусают?

– Ну так от страха. Темно, громко, люди руками машут. Тут кто угодно испугается.

– А на фига папашка детей по ночным клубам таскает? Они же несовершеннолетние ещё.

– Так социализация нужна.

Замкнутый круг какой-то!

– А в другом месте никак? На детской площадке, например?

– Афанасьева, ты в своём уме?

– Нет, блин, в чужом. У меня от многообразия этого мира голова кругом. И много таких тварей в городе?

– Не особенно. Говорю же, выживаемость низкая. Да и смертность от их укусов практически нулевая.

– А что вы тогда переполошились? – задала я резонный вопрос.

– Так не знали же, с чем имеем дело. Реакция пострадавших, по сути, – обычная аллергия на укус. Многие из тех, кто был в клубе, и не заметили ничего. Ну, почесалась рука или нога там. Плюс небольшая эйфория от наркотического вещества, выделяемого при укусе. И всё. Тут как с ядом осы. Кто-то просто ойкнет от боли, а у кого-то анафилактический шок, кома и здравствуй, апостол Пётр. Но это, скорее, исключение.

– Ну, знаешь, приятного мало. Приходишь отдохнуть, а тебя ядовитые пауки кусают. Что теперь будет с этим горе-родителем?

– Исправительные работы, скорее всего. За то, что подвергал жизнь потомства и окружающих опасности. Ну всё, приехали. Иди, досматривай свои сны.

Семёнов подрулил к дому, дождался, пока я войду в подъезд. Я уснула, едва голова коснулась подушки. Но снов больше не видела.

Вторник. Вчера с большим трудом и небольшой истерикой с взыванием к своему тяжёлому материальному положению, что было неправдой в свете свалившейся премии и страхового возмещения, удалось закрыть больничный. Я радостно толкалась в метро, предвкушая первый рабочий день после вынужденного безделья.

С напарником мы встретились в проверенном месте – в курилке. Улыбаясь, он протянул мне твёрдый продолговатый футляр, обитый экокожей (это сейчас так дерматин принято называть). Почти как в недавнем сне. Только коробка больше, и на колено он не встал.

– Что это? – поинтересовалась я, удивившись первому приличному подарку от некогда желанного мужчины.

Удивиться-то удивилась, но и напряглась немного. Я ж Семёнова не первый день знаю. Наверняка там очередная пакость. Муляж паука, например, в напоминание, так сказать, о недавнем приключении, или

ядовитой змеи. Не зря же она мне снилась. Хотя с него станется и живого скорпиона запихнуть в подарочную упаковку. Как-то он преподнёс мне пирожное, по внешнему виду неотличимое от человеческого глаза. Гадость редкостная. На вид. По вкусу ничего так оказалось.

– Всё как ты хотела. Усовершенствованная версия магических очков. В дизайнерской оправе. Оправа – моя задумка. Так что цени.

– Непременно, – ответила я, открывая футляр.

В коробке действительно обнаружились очки. Никаких змей, пауков и скорпионов. Теряешь хватку, Семёнов! Мог хотя бы таракана подсунуть. Живого.

– Ну как тебе? – поинтересовалась я, водрузив на нос солнцезащитные очки в пол-лица.

– Ты знаешь, как-то странно.

– Да? А я думала, мне идёт, – расстроено протянула я. – Что именно странно?

– Хм. Выглядишь, как жертва домашнего насилия.

– Это ещё почему?

– А для чего носить тёмные очки в помещении? Пририсуй фингал для достоверности, что ли. Как будто тебя побили.

– Меня некому бить, Семёнов. Я не замужем.

Айтишник хмыкнул, а я задумалась над его словами. Вообще-то он прав. Но кроме побитых женщин, тёмные очки носят селебрити, чтобы глаза не болели от фотовспышек. А это идея!

– Не переживай за достоверность, – успокоила я коллегу. – Совру, что у меня появилась чувствительность к свету и мне рекомендовали ходить в солнцезащитных очках.

Я выдала эту версию слегка приофигевшей от моего эксцентричного вида Катерине. Списала на побочные действия лекарств. Интересно, как долго она будет мириться с моими странностями? За последний месяц я превзошла себя. И что-то подсказывало, это ещё не предел.

Осмотр кабинета принес первые плоды. Весьма неожиданные. Оказалось, скромный и забытый полуэльф Кирюша выдает неслабое фиолетовое свечение. Удивил и Семёнов, сообщив на мой эмоциональный смс, что о Кирюшиных способностях в курсе не только Управление, но и Кирюшина семья. Родители моего коллеги –

широко известные в узких кругах московской нечисти ведуны. Так что свои способности он унаследовал от них.

Пара кабинетных девчат лучились голубоватыми переливами. Девушки, как выяснилось, уже состояли на учёте и не представляли опасности для окружающих. Копытин – курирующий мой отдел вице-президент – оказался ведуном. Тем самым, следить за которым приставлен Семёнов. Один из поваров в столовой был домовым, о чём также знал вездесущий айтишник. Ещё несколько подозрительных личностей оказались законопослушной нечистью.

Я несколько дней подряд бродила по конторе в солнцезащитных очках, ловя недоумённые или сочувственные взгляды. Но моя жертва оказалась напрасной. Выявить пиявку не удалось. Но и новых нападений пока не было. Что обнадеживало.

Глава 4

Маленькие злобные карлики

В одно рядовое рабочее утро произошло совершенно неординарное событие: меня вызвали в кабинет господина Копытина. К счастью, я успела подкрепиться кофе из аппарата, поэтому была готова к любому развитию ситуации. Катя, обеспокоенно глядя на меня, изобразила в воздухе крестное знамение. Да уж, не помешает. С чего бы это вице-президенту вызывать на ковер простого сотрудника? Неужели мне сегодня вручат уведомление о сокращении? Было бы обидно, учитывая мою преданность конторе и готовность работать сутки напролёт.

Пару слов о вице-президенте. Господин Копытин имеет степень мастера делового администрирования, Эм-Би-Эй, если выражаться яснее, что в наше время не является редким явлением. В конторе он занимается развитием перспективных направлений, оптимизацией бизнес-процессов и совершенствованием организационной структуры. Непонятно чем, одним словом. Внешность его не слишком примечательна. Он привлекательный ухоженный, загорелый мужчина тридцати пяти – сорока лет, обожающий дорогие костюмы. Живое воплощение цитаты Эриха Фромма: «Сытый, хорошо одетый и сексуально удовлетворенный индивид, лишенный ощущения своего Я». Весь такой гладкий и блестящий, словно манекен из магазина брендовой мужской одежды. Когда смотришь на господина Копытина, кажется, будто его только что сняли с конвейера, запрограммировали, облачили в костюм, надушили и отправили в мир нести корпоративную культуру в массы. Этаким типичный руководитель среднего звена.

Но это лишь на первый взгляд. Такая своеобразная защита. Морок. Стоит присмотреться повнимательней – и мурашки по коже от глубокого, пронизывающего взгляда, постигающего всю твою суть, причём самое в ней непривлекательное. Не знаю, как у остальных, но лично у меня сложилось впечатление, что господин Копытин видит нас насквозь, причём не с лучшей стороны. В его присутствии я чётко осознавала все свои пороки и тёмные стороны. И по этой причине

всячески старалась избегать его общества. Что было нетрудно. Не того я поля ягода, чтобы постоянно отсвечивать перед вице-президентом.

И вот теперь этот жуткий человек жаждет встречи с рядовым менеджером по сопровождению клиентов. С Ариной Афанасьевой. Со мной то есть. Страшненько!

В просторном кабинете вице-президента меня ожидали кружка поданного нежными руками Ларочки кофе и Захар Матвеевич собственной персоной. Следом за мной в помещение проник Семёнов. Его тоже одарили кофе, только сделали это куда как приветливей. Когда прекрасная фея покинула кабинет начальства, Копытин начертал в воздухе странные знаки. Я собственными глазами видела, как повисли в пространстве, а затем растаяли сияющие письма.

– Теперь нас никто не услышит, – пояснил свои действия вице-президент.

– Благодарю вас, – с достоинством произнёс Захар Матвеевич. – Коллеги, я попросил Сергея Владимировича оказать содействие Управлению. На несколько дней вас полностью освободят от текущих обязанностей. Официально вы будете числиться в командировке.

– А неофициально? – поинтересовался Семёнов.

– А неофициально – выполнять долг перед отечеством.

Лихо он завернул, однако! Надеюсь, нас не отправят в горячую точку? От меня там будет мало толку. Всё, что я смогу, – погибнуть геройской смертью. Вот только какой в этом прок?

– А именно? – прозвучал мой робкий вопрос.

– Я всё сейчас объясню, коллеги. У нас чрезвычайная ситуация. В городе пропадают дети весьма состоятельных людей. Для их поисков мобилизованы все силы сотрудников полиции, но этого недостаточно. В одном из домов обнаружился след потусторонней сущности. Следовательно, дело теперь находится в компетенции Управления. Мы собираем все имеющиеся в нашем распоряжении ресурсы. Алексей, Арина, ваша задача – поиск пропавших. Параллельно с вами будет работать несколько оперативных групп. Опросите родителей, прислугу, соседей. Может, они заметили что-то подозрительное. Вот список.

Захар Матвеевич выдал нам распечатки с адресами и фамилиями пострадавших. Порядка пятнадцати семей. Неслабо!

Катя сильно удивилась, узнав о моей так называемой командировке. И ладно бы только удивилась. Ей, похоже, не по нраву пришлось, что господин Копытин своевольно распоряжается её сотрудниками, ставя непосредственного руководителя перед фактом. Своим распоряжением он нарушил незыблемый корпоративный постулат: «Вассал моего вассала не мой вассал». Катерина недобро косилась в мою сторону, подозревая в самом страшном из грехов – желании подсидеть начальника. К сожалению, у меня не нашлось ни времени, ни аргументов, чтобы разубедить её. Господину Копытину, на мой взгляд, следовало поступать тоньше. Но какое вице-президенту дело до мнения рядовых специалистов, поголовье которых, скованное разветвлённой управленческой сетью, переваливало за две сотни. Сомневаюсь, что он знает всех своих подчиненных в лицо. И уж тем более его не беспокоят метания какого-то чрезмерно мнительного начальника отдела. Спустя час я покинула родной кабинет, терзаемая чувством вины, хотя уж моей-то вины в происходящем точно не было.

Семёнов гнал автомобиль в сторону Рублёво-Успенского шоссе, а это значило, что у меня появилась возможность собственными глазами посмотреть на уклад современного российского дворянства и купечества.

Загородный дом, где жила семья первых пострадавших, больше напоминал средневековый замок из детских сказок. Огромный особняк с башенками причудливой расцветки и формы, ухоженная парковая зона с мраморными статуями, отдельно стоящий банный комплекс с бассейном. Граждане привыкли жить с размахом. Интерьер был под стать экстерьеру. Сплошь лепнина и позолота, винтовые лестницы с фигурными балясинами, ковры, картины, зеркала в широких золочёных рамах, дорогая мебель, тоже зачем-то позолоченная.

Нас встретил круглый, с какой стороны ни посмотри, мужчина с надменным лицом и хамоватыми, развязными манерами. Такому пошёл бы малиновый пиджак, толстая золотая цепь и здоровенная мобила с антенной. Типичный пережиток лихих девяностых. На вид ему было чуть больше пятидесяти. Мужчина задержал на мне липкий взгляд. Не удивлюсь, если выяснится, что он шалит с секретаршами и горничными, наставляя рога законной супруге.

К слову о супруге. Она крутилась поблизости. Изможденная постоянными диетами и регулярными тренировками крашенная

блондинка с силиконовой грудью внушительных размеров, неестественно тонким носом и раздутыми губами. Лицо – застывшая под действием ботулотоксина истерично-брезгливая гримаса. Неужели мужчинам нравится такое? Судя по реакции хозяина дома на мою скромную персону, ему по вкусу живые женщины, а не резиновые куклы. Тогда зачем он довел жену до состояния мумии? По виду и поведению она ему в дочери годится.

Семёнов назвался, предъявил служебное удостоверение. Я стояла поодаль, предоставив ему право общаться с непростой клиентурой.

Аркадий Петрович Рябинин и его супруга Жанна Степановна удивились нашему появлению.

– Нас уже дважды опрашивали. Показания зафиксированы в протоколах. Читать не умеете? – агрессивно поинтересовался хозяин поместья.

– Предпочитаем живое общение, – в тон ему ответил Семёнов.

– Аркашенька, не злись, – заскулила госпожа Рябинина, пытаюсь разрядить обстановку. – Мальчик пытается нам помочь.

Мальчик, который был старше хозяйки дома, натянуто улыбнулся.

– Идём, – махнул головой господин Рябинин.

Мы послушно проследовали за ним в гостиную – помещение размером с футбольное поле, декорированное различными картинами. Мои глаза загорелись. Соберись, Афанасьева! Не в музей пришла. Ты при исполнении как-никак. Но взгляд против воли замирал на разного рода полотнах. Вот бы разглядеть их вблизи. Наверняка же оригиналы.

Нам указали на диван. Сами хозяева разместились в креслах напротив.

– Анюта пропала два дня назад, – будничным тоном принялся излагать хозяин дома. – Из собственной спальни. Из дома она не выходила. Это зафиксировали бы камеры видеонаблюдения. В доме её тоже нет. Мы обследовали всё, от чердака до подвала. Мистика какая-то! Ребёнок пропал из собственной комнаты.

– Кто-нибудь входил в дом или выходил из него? Может, прислуга выносила какие-то подозрительные свёртки?

– Ничего такого. Всё проверялось.

– Можно взглянуть на записи с камер? – поинтересовался Семёнов.

– Можно. Можете у нас посмотреть. Можете у себя. Мы отдали копии вашим коллегам. Если бы вы не поленились изучить материалы дела, не задавали бы сейчас глупых вопросов. Не понимаю, кого вообще в полицию набирают. Дебил на дебиле.

Семёнов стерпел хамский выпад и даже не поморщился. Можно было бы списать подобное поведение родителей девочки на шок от пережитого и страх за жизнь ребёнка, но они не выглядели особо удрученными. Господин Рябинин больше бесился от необходимости тратить время на пустые разговоры, а его супруга внимательно изучала свой маникюр. Лицо матери было безмятежно. Она сидела со скучающим видом, как во время ужина с деловыми партнерами мужа. Ни слёз, ни дрожащих рук, ни просьб найти и спасти чадо. Ей что, плевать на свою дочь? Видимо, да. Гораздо сильнее её тревожит состояние дорогого Аркаши. Ему же нельзя нервничать.

– Можно пообщаться с няней вашей дочери?

Хозяин дома, не скрывая раздражения, кивнул и отправился за прислугой. Я же воспользовалась паузой и решила побродить по гостиной, рассмотреть картины. Супруга Аркадия Петровича вместо того, чтобы кокетничать с Семёновым, предпочла составить компанию мне, время от времени отпуская комментарии относительно сюжетов картин и их создателей.

Я замерла возле одного из полотен, на котором была изображена античная девушка.

– Это действительно Альма-Тадема? – изумилась я, увидев подпись художника.

– Что, простите? – не поняла блондинка. – Ааа. Вы о картине. Нет, что вы. Никакой это не тандем. Это портрет.

– Понятно... Оригинал или копия?

– Конечно, оригинал! – возмутилась хозяйка картины.

– Невероятно! Такая красота.

– Разве? По-моему, ширпотреб. Колхозное лицо. И нос широковат. А уж подбородок! Аркаша купил по совету одного знакомого. Тот говорит, живопись – хороший инвестиционный инструмент, – с умным видом изрекла дама, не до конца понимая, как в одной фразе могут сочетаться финансы и балалайка.

– Вы, похоже, разбираетесь в живописи, – не удержавшись, съязвила я.

– О да! Вы верно подметили, – госпожа Рябинина не заметила сарказма. – Идёмте, покажу вам свою любимую картину. К сожалению, это копия. Оригинал утерян.

Я проследовала за хозяйкой дома и оказалась напротив огромного гобелена в золочёной раме, являвшего взору утомленного жизнью кастрированного льва с грудастой египтянкой возле мохнатого бока. Довольно растиражированное изображение. Видела его как-то в одном из придорожных кафе, где обычно останавливаются дальнобойщики. Не ожидала, правда, увидеть в этом доме. Что ж, о вкусах, как говорится, не спорят. Но сравнивать Альма-Тадему и это? Сдается мне, если бы не Аркашин знакомый, загородный особняк семьи Рябининых был бы увешан изображающей оленей и лебедей мануфактурой. В золотых рамах, естественно.

– Как вам? – поинтересовалась дама.

– Удивительно, – призналась я. Причину моего удивления ей знать не стоило.

Через несколько минут господин Рябинин привел запуганную женщину средних лет. На наши вопросы она отвечала невнятно и скованно. Понимая, что в присутствии хозяев от няни ничего не добиться, Семёнов попросил её показать комнату пропавшей девочки.

Дизайнер пощадил детскую. Здесь не было ни лепнины, ни позолоты. На стенах милые обои с бежевыми плюшевыми медведями и воздушными шарами. Белая мебель. Кровать с разноцветными подушками. На полках детские книги и игрушки.

В отсутствие хозяев няня расслабилась и разговорилась.

– Вы знаете, Анюта довольно неприятный ребёнок. Хоть о детях так говорить не следует. Но это правда. Очень избалованная и злая девочка.

– Сколько ей лет? – поинтересовалась я.

– Шесть недавно исполнилось. Но отчитывает меня как взрослая. А ещё угрожает, манипулирует.

– Как именно?

– Ну, например, последний случай. Она ни в какую не хотела учить английский. Требовала, чтобы я включила мультики. Я, естественно, не отреагировала. И как вы думаете, что сделала эта дря... Извините... Эта девочка. В гостиной стояла ваза с цветами. Мы зашли туда перед прогулкой. Анечка настояла. Так вот, она, глядя мне в

глаза, смахнула вазу со стола. А родителям сказала, что это я её разбила. Я возражала. Но они, естественно, поверили дочери. Из моей зарплаты вычли стоимость злополучной вазы, которая равна половине моего заработка. К слову, это не первый такой случай. Я уже начала подыскивать новую работу, так как не справляюсь с ребёнком, но тут вдруг такое горе. Поймите меня правильно, я не желаю Анечке зла. Всё-таки она ещё маленькая и не осознает последствий своих поступков.

– Вы не заметили ничего подозрительного в день пропажи или накануне? – спросил Семёнов.

– Нет. Всё как всегда. Ничего необычного. Уложила Анечку спать и ушла к себе. Я живу здесь, в доме. Таково условие найма.

– А Жанна Степановна много времени проводит с дочерью? – с интересом спросила я.

– Ни минуты, – последовал ответ. – Ребёнком она не занимается. Анечка была для неё средством на пути к цели. Аркадий Петрович женился на Жанне Степановне, когда та была в положении. Плохое поведение Анечки во многом продиктовано желанием привлечь внимание родителей. Я всё понимаю, конечно, но мне от этого не легче.

– Понятно. А у Аркадия Петровича есть ещё дети, кроме Ани?

– Да, трое. Младший сын – ровесник Жанны Степановны.

Семёнов понимающе хмыкнул. Ребёнок был не особо нужен родителям.

Осмотр детской ничего не дал. Мы попрощались с няней и хозяевами дома.

На выходе Аркадий Петрович всунул мне визитку, удерживая мои пальцы в своих потных ладонях и сопровождая этот жест долгим прочувствованным взглядом.

– Семёнов, дави на газ! – выдохнула я, когда мы оказались в машине.

Айтишник рассмеялся.

– Афанасьева, ты бежишь от своего счастья. Неужели не хочешь стать следующей мадам Рябининой? Нынешняя – седьмая по счету. Восьмой будешь. Господин Рябинин – честный человек. Предпочитает жениться.

– Ну нафиг! Валим отсюда!

Следующий дом находился в десяти минутах езды от особняка господ Рябининых. На этот раз никакого подражания роскошному средневековью. Сдержанные лаконичные линии, панорамные окна, спокойные светлые тона в отделке и интерьере.

В доме нас ожидала женщина неопределенного возраста. Строгая одежда классического кроя, идеальное каре, волевое лицо со снайперским прищуром глаз и тонкими поджатыми губами. Глядя на неё, можно было сделать безошибочный вывод, что она собственными зубами прогрызла тоннель до вершины Олимпа.

Хозяйка дома встретила нас холодным кивком, говорила приказным тоном, короткими, рублеными фразами. Вылитая Кондолиза Райс. Наверное, подчиненные вытягиваются по стойке смирно в её присутствии и маршируют по одной половице.

Нас провели в кабинет хозяйки. Мы разместились на стульях перед длинным столом для посетителей. Похоже, дама привыкла брать работу на дом.

– Миша хороший мальчик, – очень мягко сказала женщина. И эта мягкость вкупе с дрогнувшим голосом сломала образ железобетонной леди. Ребёнка любили. За него переживали. Кондолиза Райс вдруг обрела человеческое лицо и стала мне симпатична. – Очень ласковый. Я надеюсь, что он найдётся, – женщина всхлипнула, но тут же задавила неуместные, на её взгляд, эмоции. – Тот, кто его отыщет, получит достойное вознаграждение.

Здесь нас тоже не ждало ничего нового. Как и Анечка, пятилетний Миша вечером отправился спать, выслушав на ночь сказку, которую традиционно читала мама, а не приходящая няня. Утром ребёнок в комнате не обнаружился. Равно как и в доме или на придомовой территории.

– Камеры видеонаблюдения... – начал было Семёнов.

– Естественно, – тут же перебила его дама. – Первым же делом.

– Что-то необычное накануне или после исчезновения сына? – поинтересовалась я.

– Ничего, – последовал ёмкий и лаконичный ответ.

Во время нашей беседы в комнате присутствовал кудрявый золотоволосый юноша со спортивной фигурой и смазливый лицом. Я поначалу предположила, что это старший сын потерпевшей мадам. Но довольно быстро переменила мнение. Юноша стоял за спинкой

хозяйского кресла и с чрезмерной, нарочитой нежностью и заботой обнимал мать пропавшего Миши за плечи. Мне было неловко от столь наигранных и показных эмоций. Кроме того, юноша, не прерывая объятий, гипнотизировал жадным взглядом моего коллегу, отчего Семёнов краснел, бледнел и путал слова.

Не найдя ни одной зацепки, мы попрощались. Золотоволосый юноша вызвался нас проводить. Айтишник попытался отбояриться от почётного эскорта, но безуспешно. Я искренне веселилась. И часа не прошло, как Семёнова настигло возмездие за неуместную иронию относительно повышенного интереса ко мне со стороны предыдущего потерпевшего.

– Говнюк этот Миша, – выдал юноша непонятной ориентации, едва мы ступили за порог дома. – Мерзкий капризный пакостник. Света без ума от него. Но это понятно. Поздний, долгожданный ребёнок. Она долго не могла забеременеть. Несколько операций, поездки по святым местам и ко всяким там бабкам и шаманам. И вот наконец-то добилась результата. Мать из неё, скажу я вам, та ещё. Настоящая насадка. Во всём потакает капризам сына. Он ни в чем не знает отказа. Ужасно избалован. Она ради него на всё готова.

– А по ней так сразу и не скажешь, – удивилась я.

– Да это она только с виду ледяная. На самом деле тётка – огонь.

Я смущенно закашлялась. Совсем не хотелось выслушивать подробности чужой личной жизни. Тем более из уст молодого любовника состоятельной дамы.

– Вы Мишин отец?

– Нет, что вы. Я в том процессе не участвовал. Кто отец, мне неизвестно. Сдается, и сам папаша не в курсе, что у него где-то сын растёт. Света – личность весьма своеобразная.

– Давно вы встречаетесь?

– Полгода. Хотя знакомы несколько лет. Я был её личным тренером по фитнесу.

Проводив нас за ворота, инструктор по фитнесу попрощался. Со мной – равнодушным кивком, с Семёновым – долгим и трепетным рукопожатием.

– Семёнов, тебе личный тренер не нужен? – ехидно поинтересовалась я, застегивая ремень безопасности.

– Ха-ха, очень смешно, – желчно ответил раздражённый напарник, заводя машину.

Ещё четыре дома мы посетили с тем же результатом. Все пропавшие – дети пяти-шести лет. Исчезли из собственных комнат. В домах, под завязку набитых прислугой, охраной и средствами видеонаблюдения.

– Что у этих семей общего, кроме достатка? – вслух размышляла я. – К слову, ни одного требования выкупа.

– У всех детей отвратный характер, – подвел итог наблюдательный айтишник. – На этом, пожалуй, сходство заканчивается.

– Не совсем. Все они, за исключением Миши, совершенно не нужны собственным родителям. Предоставлены заботам няnek и гувернанток. Пытаются капризами и жестокими выходками привлечь внимание мамы с папой, но безуспешно. Знаешь, мне их искренне жаль.

Семёнов задумался. А я тем временем вспомнила кое-что, некогда прочитанное, засевшее в памяти намертво и подходящее к нашей ситуации.

Дети уходят из города
к чёртовой матери.

Дети уходят из города каждый март.

Бросив дома с компьютерами, кроватями,
в ранцы закинув Диккенсов и Дюма^[7].

– Похоже на наш случай. А ты, оказывается, поэт, Афанасьева. Не знал, – уважительно прокомментировал моё выступление Семёнов.

– Неа. Это не моё. Давно как-то прочитала. Зацепило.

– И чем закончилась эта душераздирающая история?

Взрослые
дорожат бетонными сотами,
бредят дедлайнами, спят, считают рубли.

Дети уходят из города.

В марте.

Сотнями.

Ни одного сбежавшего
не нашли.

– Не слишком-то жизнеутверждающе.

– Хочется верить, что мы их найдем. Всех до единого.

Семёнов подвёз меня до дома. Перед тем как войти в подъезд, я обратила внимание на странную фигуру, маячившую возле угла и наблюдавшую за тем, как отъезжает «лексус». В осенних сумерках высокий сутулый силуэт показался мне до крайности зловещим. Вздрагивая от смутного и недоброго предчувствия, я с третьей попытки открыла дверь подъезда, бросилась вверх по лестнице, опасаясь, что напугавший меня незнакомец двинется следом и мне придётся ехать с ним в одном лифте. Вбежав в квартиру, прижалась спиной к запертой на три оборота замка двери, с трудом переводя дыхание. Причину своего страха я понять не могла. Ну стоит какой-то мужик возле дома. Что в этом такого? Может, встречает кого-то из знакомых или ожидает такси. Рядовое явление. Однако тело не желало прислушиваться к доводам рассудка, при воспоминании о незнакомце сдавливало грудь и тряслись руки.

Утро приветствовало меня шумом льющейся воды и ароматами еды. С недоумением оторвала голову от подушки, пытаюсь понять, кто я и где я. По всему выходило, что я – Арина Афанасьева. Нахожусь в своей, точнее, не совсем своей, а арендованной, квартире. Вчера легла спать в полном одиночестве и утром никого не ожидала. Может, я проснулась в параллельной реальности, где живу не одна? А с кем? Сейчас выясним.

Не успела я встать с кровати, как услышала короткий вскрик, звон разбитой посуды и тихие ругательства. Затем в комнате возник Семёнов.

Он что, решил ко мне переехать?

– Афанасьева, что за ужас у тебя в кухонном шкафу? – с истеричными нотками в голосе поинтересовался незваный гость.

А что у меня в кухонном шкафу такого, что могло напугать повидавшего на своем веку всякой нечисти оперативного работника Управления? Ну, кроме творческого беспорядка? Ах, да! Творчество! Я же на днях выпросила у знакомой художницы череп. Не настоящий, естественно. Пластмассовый. Который служит пособием для рисования. И запихнула его в один из кухонных шкафов, чтобы не сломать и не испачкать. Видимо, Семёнов познакомился с бедным Йориком. Жаль, я не смогла присутствовать при их судьбоносной

встрече. Хотелось видеть лицо напарника в тот момент, когда он открывает шкаф, а на него оттуда чёрными провалами пустых глазниц смотрит сама Смерть.

– Семёнов, ты слепой, что ли? Это череп.

– Я вижу. Зачем ты его в шкафу держишь?

– А где мне его держать? В холодильнике?

– Хорошо. Сформулирую вопрос по-другому. Зачем тебе череп, Афанасьева? Чтобы довести меня до инфаркта?

– Очень надо! Между прочим, тебя сюда никто не звал. И по шкафам лазить не просил. А череп мне нужен.

– В качестве мотивации для диеты? Так для этого лучше скелет в прихожей поставить. Заодно вешалкой для одежды поработает.

– Череп мне нужен для рисования. Учусь рисовать лицо человека. И только. Никаких диет. От диет у меня характер портится.

– Куда ещё больше портиться-то? А ты полна сюрпризов, Афанасьева. Кто бы мог подумать, что ты у нас художник. Может, ты ещё книги пишешь? О несчастной любви.

– Может, и пишу, – буркнула я, мысленно делая зарубку в памяти найти и уничтожить альбом, в котором хранился компромат на меня – наброски, посвящённые Семёнову.

– Кстати, кошмарно выглядишь, Афанасьева. Пострашнее черепа.

– Иди ты к чёрту!

– Повременю, пожалуй. Поднимайся, завтрак готов. У нас мало времени.

Мы выехали через полчаса. В этот раз направились не на Рублевку, а в сторону так называемой Золотой мили – городского заповедника для невероятно состоятельных и весьма уважаемых людей, частенько становящихся героями громких антикоррупционных скандалов.

– Семёнов, верни мне ключи, – потребовала я, когда мы развивали скорость, вырвавшись из очередной пробки.

– Хорошо, – неожиданно покладисто сказал айтишник, вытащил из кармана небольшую связку и протянул её мне на раскрытой ладони.

Я собиралась было забрать своё имущество, как вдруг машина резко вильнула, рука парня дрогнула, и ключи упали под водительское сиденье.

– Ты специально это сделал? – возмущенно взвизгнула я.

– Ничего подобного. Все произошло абсолютно случайно. Не верещи, щас я их найду.

С этими словами Семёнов, не сбавляя скорости, нырнул под приборную панель. Я в полном шоке наблюдала за тем, как автомобиль без водителя мчится навстречу гибели. Впереди показался зад какой-то машины, мы стремительно приближались к нему.

– Семёнов! Вылезай немедленно! Иначе мы убьёмся и других покалечим!

Напарник вынырнул из-под руля, плавно сбавил скорость, принаравливаясь к движению в общем потоке.

– А как же ключи? – ехидно поинтересовался он.

– К чёрту их, – махнула я рукой. – Потом отдашь.

Семёнов кивнул с серьёзным видом. И почему меня не покидает ощущение, что он намеренно их уронил?

В просторных и безумно дорогих квартирах очередных потерпевших нас не ждало ничего нового. Картина дня сегодняшнего полностью совпадала со вчерашней. Роскошная обстановка, высокомерное поведение хозяев. И никакой информации, которая помогла бы распутать это безнадёжное дело. Ближе к вечеру позвонил ведун, чтобы сообщить о новых пропажах. Семёнов записал адреса.

– Оставим на завтра. У меня уже язык заплетается и мысли путаются, – пожаловался парень.

Я кивнула, чувствуя то же самое.

Есть хотелось неимоверно. Живот больше не урчал. Просто смирился со своей печальной участью и переключился в спящий режим. От голода слегка покачивало. Ни в одном из богатых домов нам и стакана воды не предложили, что уж говорить о низменном бутерброде с колбасой. Но мы не жаловались. Мы же при исполнении.

Семёнов, то ли догадавшись о моём состоянии, то ли сам будучи на последнем издыхании от голода, направил автомобиль в сторону японского ресторана. Мы уминали еду, попутно обсуждая детали расследования. По всему выходило, что до разгадки нам ещё ой как далеко. А дети тем временем продолжают пропадать. Из запертых домов, из собственных постелей.

– Наверное, стоит посмотреть записи с видеокамер, – сказала я и замолчала, так как возле нашего стола возникла девичья фигурка. Не следует обсуждать детали операции при посторонних.

Должно быть, сменился официант. До этого нас обслуживал молоденький паренёк. Но моё предположение оказалось неверным. Стоило поднять глаза, чтобы убедиться: нас решила почтить присутствием звезда нашей конторы – Ларочка, которую охотничий инстинкт, не иначе, привёл в одно с Семёновым заведение.

Девушка похлопала пушистыми (однозначно наращёнными) ресницами и приветливо улыбнулась. Семёнову, не мне. Меня она предпочитала не замечать.

– Алёша, привет, – нежно пропела секретарша. – Рада тебя видеть. Позволишь присоединиться?

– Лариса, какая неожиданная и приятная встреча!

Хм, я бы так не сказала. Встреча, безусловно, неожиданная, а вот насчёт того, что она приятная... Пожалуй, Семёнов поторопился с выводами.

Напарник рассыпался в галантных приветствиях и комплиментах, убеждая Ларочку, что будет счастлив лицезреть её в своём обществе. Моё мнение никого не интересовало. Вдруг стало обидно, до жжения в глазах. Со мной он так никогда не общался. Я была для него своего рода приятелем, другом, в разговоре с которым можно не стесняться в выражениях, обсуждать всё подряд и не церемониться.

Ларочка радостно чирикала на свободные темы, я тихо бесилась от её очевидной, отнюдь не наигранной, глупости и ещё по какой-то неведомой причине. Семёнов вежливо поддерживал беседу, изображая искренний интерес и бросая время от времени внимательные взгляды в мою сторону. Боюсь, моя реакция на Ларочку от него не укрылась.

– Лариса, тебя подвезти? – поинтересовался Семёнов, когда ужин подошёл к концу и он щедро расплатился, проигнорировав мои попытки внести свою лепту. Ларочка даже не притронулась к сумочке в щекотливый момент получения счёта.

– Лара, – томно прошептала секретарша, наклонилась к айтишнику и погладила его кисть наманикюренными коготочками. – Друзья зовут меня Ларой.

Семёнов прокашлялся.

– Так как насчет подвезти?

– Буду крайне признательна. Я живу недалеко, – последнее прозвучало со скрытым смыслом.

Хотя о чём это я? Какой скрытый смысл? Всё предельно ясно. Сейчас Семёнов распрощается со мной и повезёт девушку домой, чтобы задержаться у неё до утра. А «друган» будет добираться до своей норы на общественном транспорте. Надо поинтересоваться у официанта, где тут ближайшая станция метро.

Семёнов и Ларочка поднялись. Я же осталась на месте. Пусть идут. Не буду им мешать, создавая неловкие ситуации.

– Арина, идём, – скомандовал Семёнов. – У нас ещё дела. Надеюсь, ты не забыла?

Это было неожиданно. Это было приятно. Несмотря на командирский тон. Он вспомнил обо мне. И, более того, похоже, не собирался посещать гостеприимное гнёздышко Ларочки. По крайней мере, сегодня.

«Недалеко» оказалось в другом конце Москвы. Но Семёнов у нас джентльмен. Он не бросит даму в беде, даже если дама в состоянии вызвать такси.

– Извините, девушка, – Ларочка втиснулась между мной и услужливо распахнутой Семёновым дверцей. Я тихо прыснула. Интересно, она знает, что мы коллеги? Должна, по идее. Хотя маловероятно, что запомнила столь незначительную персону. – На переднем сиденье поеду я.

Я не стала устраивать сцен и разместилась сзади. Семёнов хитро подмигнул мне в зеркале. Похоже, происходящее его забавляло. А я что? Мне не жалко. То есть жалко, конечно, но зачем ему об этом знать?

Ларочка уютно устроилась на моём законном месте, пощёлкала магнитолой, выбирая приятную ей одной волну. Кабину затопило попсовое треньканье, такое же пустое и навязчивое, как сама Ларочка. Секретарша Копытина не умолкала ни на секунду. Семёнов вежливо кивал, притворяясь, что внимательно слушает, сам же мониторил моё состояние, беззастенчиво разглядывая меня в зеркале заднего вида и делая вид, что смотрит на дорогу.

В какой-то момент, после очередного перекрёстка, Ларочка потянулась к магнитоле, словно невзначай прикоснулась рукой к ладони Семёнова, а затем прибавила звук. Я готова была выпрыгнуть из машины. Музыкальное сопровождение стало невыносимо громким, а ситуация – предельно неприятной.

Кстати, Семёнов точно не дорогу в зеркале рассматривал. Иначе бы заметил, что за нами уже довольно долго следует автомобиль ГИБДД. Его заметила я.

Автомобиль иступленно мигал фарами.

– Сзади едет машина ГИБДД, – сказала я парню. – По-моему, они нам сигналият.

– Наверное, познакомиться хотят, – с деланным манерным утомлением заявила наша звезда.

Действительно, чего им ещё хотеть? Заметили фотомодель в машине и решили догнать, чтобы взять автограф и сделать снимок на память. Я поймала весёлый взгляд Семёнова в зеркале. Он откровенно забавлялся.

Айтишник притормозил. Через несколько секунд возле его окна появился сотрудник ГИБДД.

– В чём дело? – поинтересовался парень, опустив стекло и протягивая документы.

– Стандартная проверка. Почему не остановились по первому требованию?

– Не заметил вас.

– Мы сигналили.

– Извините, не слышал. Музыка играла.

Семёнов хотел ещё что-то добавить, но ему помешали.

Ларочка выдвинулась вперёд так, чтобы её мог видеть сотрудник автоинспекции. Во всей её неземной красе.

– Простите, уважаемый, – лицо уважаемого заметно перекосило от подобного обращения, – это моя вина. Когда мы проезжали территорию кладбища, мне стало некомфортно, и я прибавила звук. Поэтому мы вас не слышали.

– Какого кладбища? – поинтересовались мы с Семёновым одновременно.

– Да. Какого кладбища? – удивленно спросил гаишник. – Здесь нет ни одного кладбища.

– Ну как же! – возмутилась Ларочка. – Был знак.

Оп-па! Ларочке был знак! «Осторожно, покойник!»

– Был знак, – убежденно тряхнула она ухоженной головкой.

– И какой же это знак, позвольте поинтересоваться? – с трудом сдерживая смех, спросил мужчина.

– Как какой? Вы что, правила дорожного движения не знаете? Обычный знак. Черный крест на белом фоне. Крест означает кладбище. Вы не в курсе?

Сказано это было безапелляционным тоном хорошо разбирающегося в вопросе человека.

Гаишник сполз на капот, сотрясаясь от хохота. Семёнов рыдал, лежа на руле. Похоже, мне одной было страшно. Страшно оттого, что такие люди среди нас. А вдруг это заразно?

Ларочка не поняла, для чего гаишник привёл своего коллегу и попросил повторить рассказ, а затем записал его в толстый ежедневник. Ребята оказались с юмором. У них был судовой журнал, в который заносились забавные истории, поведанные «клиентами».

Мы, наконец, добрались до Ларочкиного дома. Выходя, она бросила призывный взгляд на Семёнова. Но тот не поддался.

Нет! Ну до чего наглая девица! Она же видит, что мужчина не один, и тем не менее не ослабляет натиск. А вдруг я девушка Семёнова (можно же помечтать немного)? Но её это не останавливает. Настырная, беспринципная дрянь! Прокляну, честное слово! Да так, что полысеет и прыщами покроется. И плевать на последствия.

– Перебирайся ко мне, – предложил напарник, когда Ларочка скрылась в подъезде.

Я помотала головой. Вот ещё! Ты расставил приоритеты, Семёнов. Теперь сиди и мучайся.

Но Семёнов не стал мучиться. Вышел из машины, открыл мою дверцу, схватил меня за воротник куртки и вытащил на улицу. Затем проконвоировал до переднего сиденья и зафиксировал ремнём безопасности.

– Хам ты, Семёнов! – рыкнула я.

– За это ты меня и любишь, – парировал он.

– Вот ещё, – фыркнула я, выражая своё мнение о неудачной шутке.

До Управления мы добрались через сорок минут. Пока Семёнов парковал машину, я смотрела по сторонам и случайно наткнулась взглядом на сутулую фигуру, скупое освещённую льющим из окон домов светом. Мне казалось, я где-то уже видела этого человека. Только не могла вспомнить, где именно. Прячущийся от фонарей мужчина вызывал нервный озноб. Я вцепилась в рукав напарника.

– Что случилось? – поинтересовался парень. – Я задел чью-то машину? Вроде не должен.

– Нет. Извини. Испугалась.

– Чего?

– Ничего. Так, глупости.

Похоже, у меня развивается паранойя. На пустом месте. Но айтишнику об этом знать не следует, ещё начнет изводить насмешками. Так, Афанасьева, успокойся. Кому ты нужна, в конце концов?

Несколько часов мы потратили на изучение записей с камер. Ничего нового и интересного. Дети из домов не выходили. На придомовой территории замечены не были. В дома и квартиры посторонние не проникали, никто ничего не вносил и не выносил. Всё было именно так, как рассказывали родители пропавших детей и прислуга. Просмотры дел также не внесли ясности в ситуацию. В комнатах детей не обнаружилось нужных нам отпечатков пальцев. Точнее, там было всё так заляпано самыми разными отпечатками, половина из которых наверняка принадлежала представителям правоохранительных органов, что пойдй найди среди них нужный. Протоколы содержали ровно ту информацию, какую мы получили в ходе опросов. Да уж. Мистика и только. И как прикажете работать в таких условиях? Никакая дедукция не поможет.

Часы показывали половину двенадцатого, на улице была непроглядная тьма. Спать хотелось невероятно. Глаза закрывались сами собой и категорически отказывались фиксировать реальность. Я мечтала о подушке и одеяле. Семёнов, похоже, разделял мои желания. Он тёр ладонями лицо и зевал не стесняясь.

Мечты о сне так и остались мечтами. Это мы поняли, едва увидели в дверном проёме Захара Матвеевича.

– Коллеги, добрый вечер. Хорошо, что застал вас на работе. Это сэкономит нам время.

– Что-то случилось? – поинтересовался Семёнов.

– К сожалению. У нас новый труп. Судя по всему, жертва нашего неуловимого демона. Собирайтесь, выезжаем на место.

– Далеко ехать? – спросила я.

– Да нет. Рядом. Возле вашей конторы, – удивил ведун. – Сейчас там работает группа. Мы тоже осмотримся. Едем?

Семёнов стремительно взбодрился, вскочил, готовый следовать на место преступления. Мне же хотелось прояснить один момент.

– А как же дети?

– Не волнуйся, Афанасьева, дети у нас ещё будут, – сдохмил напарник, вызвав улыбку у начальства. Но не у меня.

Не знаю, как сотрудники Управления, но я по ночам привыкла спать, а не шляться по тёмным подворотням, где убивают людей. К тому же завтра утром нам продолжать поиск пропавших детей. Судя по реакции начальства, отоспаться за бессонную ночь нам никто не даст.

На месте происшествия работали две оперативно-следственные группы. Одна – обычная, от отделения полиции, другая – наша. Первая тепло прощалась с последней, с нескрываемой радостью передавая дело Управлению.

Эксперт-криминалист и судмедэксперт осматривали тело. Над ними возвышался ещё один мужчина, который старательно записывал в айпаде то, что озвучивали его коллеги. Я предположила, что это следователь. Мне казалось, протокол должен вестись на бумаге, но в Управлении, похоже, другие порядки.

Следователь кивнул Захару Матвеевичу, из чего я сделала вывод, что нам можно подойти к труп.

– Не переживайте, тут уже изрядно натоптано, – подбодрил меня мужчина, заметив моё замешательство и расценив его как опасение помешать исследованию следов.

Натоптали как свои, так и посторонние. Место было торное. Смерть настигла жертву возле мусорных баков, в нескольких метрах от которых находилась наша офисная курилка.

Захар Матвеевич и Семёнов обменялись со следователем рукопожатиями. Судмедэксперт и криминалист кивнули нам и вернулись к осмотру тела.

– Смерть наступила предположительно три часа назад, – начал вводить нас в курс дела мужчина. – Характер смерти – насильственный. Как и в других аналогичных случаях, телесных повреждений нет. Думаю, вскрытие покажет сердечный приступ или что-то вроде этого. Тело обнаружили около полутора часов назад. Житель дома, – следователь махнул рукой в сторону стоящей

неподалёку многоэтажки, – вышел мусор выносить. Позвонил в «скорую» и полицию.

– Как поняли, что смерть насильственная, а клиент наш? – поинтересовался напарник.

– Михал Степаныч увидел. Мы для порядка приехали, когда узнали, откуда вызов. Он с первого взгляда определил.

Михал Степаныч, не отвлекаясь от работы, кивнул, подтверждая слова коллеги.

– Точный ответ будет после экспертизы. Но Михал Степаныч на моей памяти ещё ни разу не ошибся.

Михал Степаныч снова кивнул, давая понять, что авторитет он заработал не на пустом месте и его слову можно верить.

Мне не терпелось посмотреть на новую жертву и убедиться, что это не один из работников моей конторы. Пока вокруг трупа мельтешили эксперты, я не могла нормально разглядеть погибшего.

Зато хорошо разглядела следователя. Сорокалетний мужчина был в отличной форме. Высок, подтянут, ухожен, хорошо одет, приятен лицом. Вот только что-то свербело у меня внутри, когда я встречалась с ним взглядом. Что-то в его облике вызывало стойкую неприязнь. Желание отойти подальше и вообще больше никогда с этим человеком не встречаться.

Бледная кожа, бескровные губы, синеватые тени под глазами и скулами. Всё это можно списать на драматическое освещение. Всё, кроме красивых отблесков лазури, которые я вдруг начала видеть. Мой кривоватый дар решил проявить себя именно сейчас.

– Господи боже! Да это же упырь! – взвизгнула я и отпрыгнула в сторону.

Семёнов и Захар Матвеевич вместо того, чтобы скрутить кровопийцу, посмотрели на меня с осуждением. Эксперты тоже отвлеклись от работы и одарили недоумёнными взглядами.

– Новенькая? – спокойно поинтересовался упырь-следователь у Захара Матвеевича.

Тот кивнул.

– Егор, вы простите Арину, – начал оправдывать меня начальник. – Она в Управлении недавно. Ещё не успела освоиться. Но уже пострадала по вине ваших соплеменников. Думаю, это должно объяснить её неоднозначную реакцию.

– Можно подумать, люди не совершают преступлений. Только упыри. Я, конечно, всё понимаю, но вы инструктируйте подчинённых, будьте любезны, на предмет того, с кем они могут неожиданно столкнуться в Управлении. Не хотелось бы в следующий раз получить заклинанием в лоб.

– Уверен, до такого не дойдёт.

– Я, может быть, тоже ведьм боюсь, но не кричу же об этом при встрече с ними.

Мужчины посмеялись.

– Афанасьева, извинись перед дяденькой, – не смог остаться в стороне Семёнов.

– Сссссемёнов, – прошипела я.

А после того как прикусила язык, дабы случайно не наслать на напарника проклятье, повернулась к следователю.

– Извините, пожалуйста, – моё раскаяние было неподдельным. Я сгорала от стыда за свою реакцию. – Я не хотела вас обидеть!

– Да я не в обиде, – пожал плечами упырь и уткнулся в айпад, давая понять, что инцидент исчерпан.

Я стояла и обтекала. По-другому не скажешь.

По-хорошему, тот же Захар Матвеевич или, на худой конец, Семёнов, должны были меня предупредить, что в Управлении работает всякая опасная для окружающих нечисть. Тем более упыри, первое знакомство с которыми не прибавило мне здоровья. О том, что Арина Афанасьева – такая же опасная для окружающих нечисть, я в тот момент не думала, по привычке воспринимая себя обычным человеком.

Мои внутренние терзания прекратил судебный эксперт.

– Мы тут закончили. Можете осмотреть тело, пока не увезли.

Мы обступили труп.

– Так-так-так. Афанасьева, ты чего это? – Семёнов среагировал первым, подхватив меня под локоть, когда я начала плавно оседать на землю. – Давай-ка отойдём, подышим. Давай вместе. Вдооооох, выдох. Вдооооох, выдох. Хорошо. Теперь сама. Вот так, молодец. Дыши, Афанасьева, дыши. Напугала ты меня.

Прямо как на курсах для будущих мам и пап.

– Ты что, первый раз труп видишь?

И правда, что это вдруг со мной? Убитых упырей с раскуроченными грудными клетками видела. Пауков видела. Всякую прочую жуткую нечисть тоже.

Переутомилась, не иначе.

Ко мне подошёл Захар Матвеевич. Взял за руку, принялся отсчитывать пульс. Или вливать энергию. Я в ведьмовских делах пока мало смыслю. Но в результате его манипуляций в голове прояснилось, и на ногах я теперь стояла вполне уверенно.

– Вы знали эту женщину?

Кивнула, смаргивая влагу, мешавшую видеть окружающих.

– Вот кому она дорогу перешла? За что с ней так? Неужели та тварь не могла найти кого покрепче?

– Это мы и должны выяснить, Арина. Вы вместе работали?

– Нет, конечно. Она же старенькая совсем. Я её часто видела, когда курить выходила. Иногда разговаривала с ней. Точнее, она говорила, а я слушала. Она одна жила. Вон там, – мотнула я головой в сторону ближайшего жилого дома. – Ей и пообщаться-то было не с кем. Сын с семьёй переехал за границу. Куда именно, не знаю. Она много про него рассказывала. Но я не запомнила. Я и слушала-то ее вполуха. Просто давала человеку возможность высказаться.

– Видимо, она мусор выбрасывала, когда встретилась с убийцей, – предположил ведун.

Я пожала плечами.

– Возможно. Но скорее всего кошек кормила или голубей. Она постоянно в сумке носила кошачий корм и хлеб.

– Какая добрая тётя. Кормила голубей хлебом, а кошек голубями.

Ну конечно! Славный опер Ринат. Заплечных дел мастер местного разлива. Тот, кто знает, как нужно бить, чтобы следов не оставалось.

– Тебя-то нам как раз и не хватало, – огрызнулась я в ответ. – Ты что здесь забыл?

– Я, к сведению одной злобной ведьмы, тут работаю. В составе группы. Сегодня моё дежурство. Вообще-то это участок Лёхи, но он у нас на особо важном задании. Вот, отдуваюсь за него.

– Ринат, не вернуться ли тебе к работе? – настойчиво порекомендовал ведун.

– Да мы уже закончили тут, Захар Матвеевич. Вас ждём. Долго ещё планируете осматриваться?

Начальник окинул задумчивым взглядом мусорные баки, лежащее возле них тело, нас с Семёновым и Ринатом, потом дом, в котором жила убитая старушка. Затем его взгляд вернулся ко мне. Ведун снял очки, и, протирая их салфеткой, поинтересовался:

– Арина, как там ваше некстати проснувшееся видение? Сможет поработать на следственные органы?

Пожала плечами.

– Я попробую, конечно. А вы, Захар Матвеевич, что-то видите?

– Да вроде бы ничего необычного. Но у нас с вами разные методы работы, – это он мне, конечно, польстил, – и то, на что я смотрю изнутри, вы видите со стороны. У вас свежий взгляд. Ещё не привычный ко всему этому, – ведун мотнул головой в сторону лежащего на асфальте тела. – Дерзайте, Арина.

– Ага, ведьма, давай, удиви нас.

Думаю, вы поняли, чья была реплика.

Не знаю, чего именно ждал от меня Захар Матвеевич. Похоже, с его стороны это была чистой воды импровизация.

Я подошла к телу погибшей старушки. Она была в хорошо знакомом мне пальто, новом, добротном, в элегантных полусапожках на небольшом каблучке. Вязаный беретик, составляющий комплект с шарфиком, лежал рядом. Наверное, слетел во время падения. Одной рукой она сжимала ридикюль с бесценным кошачьим кормом и размоченными горбушками. На ридикюль никто не позарился, хотя вещь была явно недешёвая. Старушка вообще производила очень приятное впечатление. Чистенькая, аккуратненькая, интеллигентная. Видно было, что не бедствует. Некстати вспомнилось, что сын регулярно высылал ей деньги. Хотя в них она и так особо не нуждалась. Нуждалась она в семейном тепле и близких людях, с которыми хочется поговорить холодными осенними вечерами. Так уж вышло, что она осталась совсем одна в огромном городе, где люди бесконечно бегут куда-то без оглядки на окружающих.

Я вытащила из кармана сигарету и на автомате двинулась в сторону офисной курилки, краем глаза отметив, как Захар Матвеевич жестом останавливает недовольного Рината и взволнованного Семёнова. Села на скамейку, затянулась, выдохнула дым, наблюдая за

тем, как причудливо извиваются его белые ленты, постепенно растворяясь в московских сумерках.

Докурила, поднялась и пошла к многоквартирному дому, где жила знакомая старушка. Меня отчётливо тянуло в сторону подвала, который был у торца здания.

– Ого! Тут же не было ничего! Просто стена! – раздался за спиной голос Рината.

– Может, ты не заметил? – это начальник.

– Обижаете, Захар Матвеевич! Лёха, ты видел подвал? Или в сторону дома не смотрел?

– Смотрел. И не раз. Я тут каждый день во время перекура прохаживался. Подвала не было.

На плечо опустилась чья-то рука, выдёргивая из состояния транса. Семёнов.

– Афанасьева, ты раньше этот подвал видела?

– Точно нет, – помотала головой, постепенно возвращаясь в реальность. – Я мимо этого дома каждый день хожу. Иногда через двор срезаю. Здесь всегда клумба была. Где она, кстати?

Клумбы не было.

– Морок, – подытожил начальник.

– Посмотрим, что там? – не дожидаясь ответа, Ринат рванул вниз по ступенькам.

Меня аккуратно подвинули в сторону.

– Афанасьева, ты это, не суйся туда пока, договорились? – Семёнов, на ходу доставая пистолет, двинулся за опером.

Я послушно стояла на верхней ступени лестницы в компании Захара Матвеевича, который не торопился собирать паутину. В свете фонарей мы хорошо видели, что замка на двери нет, в проушины была вставлена щепка, чтобы дверь не открывалась сама собой.

Парни исчезли в проёме. Через минуту оттуда вынырнула голова Семёнова.

– Никого. Но вам стоит это увидеть.

Света в подвале не оказалось, однако фонарики трёх телефонов прекрасно освещали затхлое помещение.

В углу из сваленных в кучу замызганных одеял и обрывков газет было сооружено гнездо, рядом с которым валялись истрёпанные книги в мягких обложках. В основном детективы и любовные романы. Такие

часто выносят в подъезды жильцы, чтобы соседи также могли приобщиться к прекрасному. Этаким локальный буккроссинг.

Больше никаких предметов, свидетельствующих о пребывании в этом логове живого существа, не наблюдалось. Ни одежды, ни личных мелочей, вроде зубной щетки или бритвы, ни посуды или остатков трапезы, завернутых в газету. Никакой мебели или вариаций на ее тему в виде перевёрнутых ящиков или сколоченных из подручных средств столов и табуретов. Складывалось впечатление, что хозяин гнезда приходил сюда поздней ночью, не раздеваясь и не разуваясь падал в постель, а с первыми лучами солнца покидал своё убежище. Возможно, так оно и было. Но зачем тогда ему книги?

– Интересная подборка литературы, – сказал Ринат, осмотрев местную библиотеку. – Похоже, наш злодей – баба.

– Это ещё почему? – поинтересовалась я, предчувствуя, что ответ мне не понравится.

– Какой мужик такую лабуду читать будет? Про то, как он гонялся за ней сжимая в кулаке своё копьё, а она билась в оргазме каждый раз, как он едва касался её сокровенного? Однозначно баба.

– Скажи-ка мне, мужик, откуда у тебя такое знание предмета? – не сдерживая бешенства, поинтересовалась я. – Почитываешь тайком во время дежурств?

По углам ринга нас развёл Захар Матвеевич.

– Так, Ринат, ты всё снял? Тогда идём отсюда. Ничего здесь не трогайте. Всё должно остаться на своих местах.

– Экспертов вызывать будем?

– Нет. Поставим наблюдение. Если повезёт, поймаем его. Или её. Тогда и поделишься с хозяином апартаментов своим мнением о литературе и тем, как выбор жанра коррелирует с половой принадлежностью читателя. Арина, Алексей, поезжайте домой. Завтра у вас много работы.

К тому моменту, когда мы выбрались из подвала, тело старушки уже увезли и ничего не напоминало о происшедшем.

Забираясь в машину к Семёнову, я краем глаза уловила сутулый силуэт. Он маячил за мусорными баками, на границе света, отбрасываемого фонарём. Я медленно обернулась, чувствуя, как холод бежит по позвоночнику. Под фонарём никого не оказалось.

Надо больше спать и меньше нервничать, Афанасьева.

Семёнов доставил меня до дома. Выбираться из автомобиля было страшно. Вдруг возле подъезда поджидает таинственный маньяк?

– Лёша, не уезжай, пока я не войду в подъезд. Хорошо? – я старалась, чтобы голос звучал спокойно, но, полагаю, мне это не особо удалось.

Семёнов не стал интересоваться причинами моей мнительности. Вышел вместе со мной из машины и проводил до квартиры. Внутрь я его, понятно, приглашать не стала. Да он и не напрашивался.

– Ладно, Афанасьева. Спокойной ночи. До завтра.

Спать оставалось четыре часа.

Утро. Кто-то бродит по кухне, передвигает стулья и гремит посудой. Интересно, что у нас на завтрак? Пахнет кофе с корицей и чем-то жареным.

По пути в ванную заглянула на кухню.

– Доброе утро, – вежливо поздоровалась я.

Семёнов отсалютовал мне лопаткой и принялся переворачивать оладьи.

Странно, я больше не злюсь на его вторжение. Даже рада, если быть откровенной. Не стану забирать ключи. Пусть приезжает и готовит завтраки. Раз уж ему заняться больше нечем.

Мы посетили два новых адреса. Последней была квартира в одной из башен Москва-Сити. После опроса родителей и няни решили побеседовать со старшим братом пропавшего мальчика. Дмитрию исполнилось двенадцать. Он входил в трудный возраст и уже научился довольно умело врать и увиливать от ответов на неприятные вопросы. Няня по секрету сообщила, что Дмитрий регулярно посещает именитого психолога. Но пока, к сожалению, без особого результата. Интересно, какого результата ожидают родители? Дальше будет только хуже. С психологом или без него. Лет так до тридцати. К тому времени он отлепится от родителей и начнёт со вкусом трепать нервы несчастным женщинам.

– Вы ведь не найдете Гордея. Это только в кино полиция спасает людей. В жизни всё совсем иначе, – с умудрённым видом пожившего человека заявил отрок.

– Жизнь и кино разные вещи, – согласилась я. – Но мы очень хотим найти Гордея, – ну и имечко! Что за странная нынче мода как

можно чуднее называть детей? Им же потом с этим жить! – Может, ты заметил что-нибудь необычное? Такое, что не укладывается в привычные рамки? Нам пригодилась бы любая информация.

– Да вроде ничего, – пожал плечами мальчик. – И меня вчера весь день дома не было. Вначале был в школе, потом у репетитора, потом в бассейне.

– А вечером?

– А вечером мы с Игорем ходили в кино. Я вернулся поздно. Поужинал и лег спать.

– Игорь – это твой друг?

– Да, друг. Мне его родители купили.

– В каком смысле купили? – удивилась я. Может, мальчик говорит про собаку? Но в кинотеатр с собаками не пускают вроде бы. – Игорь – это домашнее животное?

Мальчик засмеялся.

– Нет. Игорь – человек. Мой ровесник. Родители ему платят за то, что он проводит со мной время. Мы вместе делаем уроки, играем после школы, болтаем о всякой ерунде. Дружим, в общем.

Странные нынче времена. Любовь за деньги – старо как мир. Но дружба за деньги? Что-то новенькое. И как спокойно мальчик говорит об этом! Как о чём-то само собой разумеющемся.

Мы получили контакты Игоря и договорились с ним о встрече.

– Дикость какая! – выпалила я уже в машине. – Друг за деньги!

– Что поделать, Афанасьева, в такое время живём. Всё покупается, всё продаётся, – глубокомысленно изрёк Семёнов. – Поэтому нужно поднапрячься и вскарабкаться если не на верхушку пищевой цепи, то хотя бы поближе к ней.

– Ага. А потом покупать любовь и дружбу. Паршивые перспективы, не находишь? Пожалуй, останусь там, где есть.

Я живо представила себе, как в интернете появляются объявления: «Друг на час. Недорого». А затем, как грибы после дождя, растут и множатся разного рода агентства, предлагающие услуги проверенных друзей с хорошими рекомендациями. Жуть! Озвучила посетившие меня мысли. Семёнов посмеялся надо мной.

– Пещерный ты человек, Афанасьева. Всё это уже имеется. Не веришь, погугли и убедишься.

Не поверила. Погуглила. Убедилась.

– Этот мир сошел с ума!

– И довольно давно. По неподтвержденным данным, где-то в момент Большого взрыва или около того. Остается смириться и приспособливаться.

– А если я не хочу приспособливаться?

– Значит, вырешь, как многие представители флоры и фауны, разделявшие твои взгляды на жизнь.

– Ты же это не всерьёз? – поинтересовалась я с нескрываемой надеждой.

– Странный вопрос. Конечно, не всерьёз. Я не стремлюсь жить в продезинфицированном мире, где у друзей и любимых есть гарантия от производителя и установленный срок службы. И уж тем более мне не хотелось бы общаться с людьми, которым я интересен не как личность, а как сумма на банковском счёте. Я хочу, чтобы меня искренне любили и так же искренне ненавидели.

– Со вторым пунктом, думаю, сложностей не возникнет, – хмыкнула я.

Игорь жил в обычном панельном доме, в двухкомнатной квартире, вместе с мамой – преподавателем одного из московских вузов. Следов присутствия взрослого мужчины на территории не обнаружилось. Мама Игоря оказалась женщиной с внушительными формами и вызывающей трепет родословной. Она была дочерью профессора, внучкой профессора, правнучкой профессора. О нанимателях сына отзывалась снисходительно и небрежно.

– Зачем вашему сыну такая работа? – поинтересовался Семёнов.

– Пусть учится жить в реальном мире, – последовал прохладный ответ. – В будущем ему не раз пригодятся навыки общения с людьми из разных социальных слоев.

– С детьми из неблагополучных семей он тоже дружит? С местными хулиганами, например?

– Мне непонятна ваша ирония. Мы живем в хорошем районе. Здесь нет молодёжных банд. И я не ограничиваю сына в выборе друзей. Если они ему соответствуют, конечно.

Игорь, несмотря на наличие деспотичной матери, оказался довольно живым и непосредственным ребёнком. Перед нашим приходом он делал уроки, которые тут же отложил, едва узнал, в чём дело.

– А вы, что ли, из этих? – с восторженным любопытством поинтересовался подросток.

– Что вы имеете в виду? – Семёнов выжидательно покосился на собеседника, готовясь услышать какое-нибудь непотребство.

– Ну, типа тех, что в «Секретных материалах».

Я тихо фыркнула. Семёнов же приосанился.

– А вы очень догадливы, юноша. Но это должно остаться между нами.

– Само собой! Я тоже туда пойду работать, когда вырасту. Только маме не говорите, она не одобрит.

Семёнов торжественно поклялся сохранить полученную информацию в тайне. Игорь засыпал новоявленного Фокса Малдера каверзными вопросами. Напарник отбрехивался как мог.

Я тем временем осмотрела книжные полки. Научно-популярные тома по физике и астрономии перемежались с трудами античных и средневековых философов. На столе лежала «Божественная комедия» с закладкой на середине книги. Неужели мальчик всё это читает? А как же детская, ну хорошо, пусть не детская, но приключенческая литература? Фантастика? Хайнлайн, Брэдбери, Желязны, Толкиен в конце концов? Или что сейчас в моде у подростков.

– Эти книги мама купила, – заметил мой интерес Игорь.

– И как? Нравится?

– Не особенно, – вздохнул мальчик, – Ну, там, про астрономию и физику интересно, а всё остальное жуть как скучно. Только вы...

– Не скажем, – хором ответили мы с Семёновым.

– А вообще, мне фантастика нравится. Космическая, ну и про эльфов тоже. Мы с Димой даже играем в героев Толкиена и Сапковского. У Димы есть настоящий меч. Представляете? А ещё мы в «Варкрафт» рубимся. Дома нельзя, а Диме родители разрешают.

– Здорово! – сказала я. К счастью, Игорь оказался нормальным подростком, пусть и будущим профессором. Но даже у профессора должно быть детство. С битвами на мечях и страшными тайнами. – Маме не скажем, не переживай. В играх ты кем любишь быть?

– Я – ночной эльф. Но вы, наверное, не это хотели обсудить.

– Не это, – согласилась я. – У Димы вчера пропал брат. Гордей. – Игорь кивнул, давая понять, что уже в курсе постигшего семью

нанимателя горя. – Может, ты видел незнакомых людей в квартире Димы или поблизости?

– Нет, ничего такого.

– Никаких странностей накануне?

– Ну, были странности. Но они обычные. Ничего особенного.

– А именно? – заинтересовался Семёнов.

– На прошлой неделе мы рубились в «Варкрафт», и вдруг интернет вылетел. Если бы это случилось у нас дома, я бы не удивился. У нас очень дешёвый инет, с минимальным трафиком. С таким не поиграешь. У Димы же самый крутой. Всё оборудование на уровне, недавно какую-то новую штуку монтировали. Я ещё удивился, что случился сбой.

– А Дима?

– А Дима разозлился. Позвонил в компанию, которая отвечает за интернет. Ругался с ними, как взрослый. Они сразу же прислали своего человека. Тот всё исправил, и мы продолжили игру.

– То есть сотрудник компании приходил домой к Диме?

– Да. Сказал, с роутером какая-то фигня. Но он его за пару секунд починил. Поводил руками, не вскрывая. И всё заработало. Я ещё смеялся, что интернетом теперь маги занимаются.

– А Гордея рядом не было?

– Был. Он как раз с няней скандалил. Не хотел идти гулять.

Мы с Семёновым переглянулись.

– Сильно скандалил? – уточнил айтишник.

– Вы себе не представляете! Такое шоу закатил! Бомбическое! Орал, ругался, потом повалился на пол и принялся лупить по нему ногами и руками. В общем, жуть!

– И часто он так себя ведёт?

– Да почти каждый день. Дима говорит, чтобы я не обращал внимания. Что это проблемы няни. Но на такое сложно внимания не обращать. Даже дядька из интернет-компании напугался.

– А когда случились проблемы с интернетом?

– В субботу.

Семёнов внимательно посмотрел на меня. Я кивнула, от нетерпения начиная притопывать на месте. Это оно! Точно оно! Ягодичными мышцами чую.

– Сможешь описать того человека из интернет-компании? – спросил напарник у мальчика.

Внешне Семёнов был спокоен, но я слышала звенящие нотки в голосе и видела блеск в глазах.

– Обычный дядька в синей форме с надписью на спине. Бородатый. Старый. Старше вас.

Старым Игорю мог показаться и тридцатилетний мужчина. Тем более если он был обладателем бороды, которая нынче в моде. Каких-либо других особых примет Игорь не вспомнил.

Через некоторое время в комнату заглянула крупногабаритная мать ночного эльфа, всем своим видом намекая, что нам пора и честь знать, а сыну необходимо продолжить самосовершенствоваться. Но мы и не планировали больше задерживаться. Нас толкала вперёд незримая сила под названием азарт.

– Едем смотреть записи? – на всякий случай уточнила я, хотя и так всё было понятно.

Мы направлялись в сторону машины.

– Само собой! – ответил Семёнов и вдруг резко дёрнул меня назад, прижимая к себе.

Я онемела от неожиданности, а через секунду перед нами на бешеной скорости пронёсся автомобиль. Если бы не реакция Семёнова, меня пришлось бы отскребать от асфальта. Летальный исход был бы неизбежен.

– Разве можно с такой скоростью по дворам гонять? – возмутилась я, глядя на айтишника в надежде, что тот разделит моё негодование.

Семёнов был бледен и зол. Страшно зол. И явно не на нарушителя скоростного режима.

– Афанасьева! – заорал он на меня, хоть я и не была виновата в том, что какой-то придурок цинично игнорирует правила дорожного движения и попирает основы безопасности пешеходов. – Тебя по сторонам не учили смотреть? Ты что, до сегодняшнего дня жила в деревне, где по дорогам только коровы бегают?!

– Лёша, не кричи, – еле слышно сказала я. До меня постепенно доходил весь драматизм ситуации. Я вообще медленно реагирую на раздражители. – Лёша, ты мне жизнь спас! Спасибо!

– Не за что, – моментально успокоился парень. – Арина, очень тебя прошу, будь внимательней. Как ты вообще дожила до своих лет?

– Видимо, случайно.

Примчавшись в Управление, мы кратко отчитались перед начальством и втроём засели за повторный просмотр видеозаписей. Точнее, мы с Захаром Матвеевичем сидели перед его рабочим монитором, уткнувшись в него носами, а Семёнов нависал над нами парящим соколом.

Начали с дома пропавшего Гордея. Отмотали до нужной даты и увидели, как в подъезде появляется мужчина, подходящий под описание. Изучили записи с других объектов. Та же картина. Загадочный субъект побывал в каждом доме за несколько дней до исчезновения детей.

– Это не совпадение, – сделала вывод я.

– Поддерживаю, – согласился Семёнов. – Захар Матвеевич, я отправлю ориентировки на этого гражданина?

– Давай. Заодно сделай запрос в компанию, где он работает.

– Это я мигом!

Интернет-компания отказалась предоставить какую-либо информацию о своих сотрудниках по телефону. Айтишник убеждал невидимых собеседников и так и этак. То угрожал, то уговаривал. Но они проявили твёрдость. Пришлось отправиться в центральный офис.

Семёнов не щадил «лексус». Гнал, втопив педаль газа в пол. Ни разу не видела, чтобы он так вёл себя за рулём. Железный конь буквально визжал и высекал искры на поворотах. От резких толчков мутило и темнело в глазах, но я нисколько не возражала. Жми, Семёнов! Жми, родненький!

Мы лихо притормозили перед офисным зданием и побежали внутрь. Вихрем пронеслись по ступеням и коридорам. Перед нужной дверью напарник замер так резко, что я впечаталась в его спину. Семёнов немного отдышался, приосанился. Провёл по взлохмаченной шевелюре рукой и, подмигнув мне, толкнул дверь.

До конца рабочего дня оставалось еще несколько часов, но наше появление заставило дам разных возрастных категорий позабыть о делах насущных. Семёнов был в ударе. Никогда не видела, чтобы он настолько лучился очарованием и рассыпался в комплиментах, по большей части незаслуженных. Его поведение даже у меня, привыкшей к этим выходкам, вызвало бурный всплеск эстрогена.

Естественно, нам тут же выдали всю нужную информацию. Сообщили паспортные данные подозреваемого, последнее известное место жительства, адрес отделения, в котором он работал, куда мы тут же направились.

Получив вожаемые сведения, айтишник немного расслабился и уже не гнал так стремительно.

– Что-то ты подозрительно молчаливая, Ариша, – вкрадчиво произнёс он, пока мы рулили по каким-то задворкам, дабы избежать пробок.

Семёнов ещё не перезагрузился после атаки на дам из интернет-компаний, поэтому от его мягких и проникновенных интонаций я судорожно вздохнула, поёрзала в кресле и плотно сцепила пальцы в замок.

– Арииишаааа.

Я в тоске и отчаянии обзревала окрестные виды, с нетерпением ожидая, когда с коллеги спадет инкубистый настрой. Вот кто настоящий волокита! Семёнов, никак не Павел. Семёнов, миленький, возвращайся уже к привычной наглой ипостаси. Иначе пожалеешь о своём недалёковидном поведении. Или я пожалею, как знать. Но силы мои уже на исходе. Вдох-выдох. Деревце. Убогое, скособоченное. Вдох-выдох. Медленнооо. Вот так, хорошо. Обшарпанная штукатурка одного из домов. Весьма художественно обнажившаяся кирпичная кладка. Ой, не надо про обнажившееся! Снова глубокий вдох и медленный, плавный выдох. Как на йоге учили. Вот так, Афанасьева, правильно. И даже не смотри в его сторону, иначе вся медитация псу под хвост.

– Афанасьева! Ты ещё долго собираешься меня игнорировать?! – возмущенный возглас без каких-либо намёков на неуставные отношения. Ну наконец-то! С возвращением, дорогой товарищ!

– Извини, задумалась.

– И о чём же? Обо мне, надеюсь?

– Перетопчешься! О предстоящей поимке особо опасного преступника.

– Эээх! Жаль, – протянул парень без малейшего намека на сожаление. – А я-то размечтался...

– Ничего, переживёшь. Надеюсь, мы оба переживём сегодняшний день. Семёнов, учти, я за бандитами гоняться не приучена.

– Учту. Ты, главное, не высовывайся. И не геройствуй.

– Не имею ни малейшего намерения. Я вообще согласна подождать тебя в машине.

– Афанасьева, ты это брось! С таким настроем мы из тебя никогда не сделаем боевую ведьму.

– И не надо. Предпочитаю оставаться собой. Лично меня всё устраивает.

– Это ты зря!

Семёнов ещё какое-то время порассуждал о боевых ведьмах, их амуниции и обмундировании. На последней теме он задержался надолго, поражая моё воображение яркими описаниями бронированного белья, чулок и прочих необходимых каждой уважающей себя ведьме деталей гардероба. По всему выходило, что на задание несчастная боевая ведьма, чьим мнением никто не поинтересовался, должна выдвигаться, облачившись в корсет, кружевные стринги, чулки и сапоги на тонкой высокой шпильке и держа в одной руке хлыст, а в другой – реактивную метлу.

– Поддай рационализаторское предложение руководству. Оно непременно оценит твоё служебное рвение. Могу помочь с эскизами, – связвила я.

– Обсудим на досуге, – с серьёзным видом кивнул айтишник.

Тем временем мы добрались до отделения интернет-компаний, где нас встретили довольно прохладно. Возможно из-за того, что персонал здесь подобрался преимущественно мужского пола и обаяние Семёнова тут никак не действовало. Я же не была столь искусна в тактике обольщения, поэтому пришлось настроиться на деловой лад.

– Гражданин Васильев Пётр Петрович на месте? – поинтересовался напарник, предъявляя удостоверение первому попавшемуся сотруднику.

– Вроде здесь был. А вот и он, – ответил немолодой мужчина, повернувшись к одному из неприметных парней в синей униформе. – Петрович, тут тебя полиция спрашивает.

Петрович – едва переваливший тридцатилетний рубеж своей жизни обладатель не слишком ухоженной короткой бороды и угрюмого помятого лица человека, привыкшего снимать стресс любой степени тяжести крепким алкоголем, – дёрнулся, а затем рванул к двери.

Семёнов бросился за ним, крикнув мне на бегу:

– Жди здесь!

Ага, сейчас! И пропустить такое увлекательное мероприятие? Я как-то слишком быстро позабыла свои страхи и стремление держаться подальше от опасности. В общем, мчалась следом за Семёновым и гражданином Васильевым, развивая неслабую скорость.

– Стой, придурок! Стрелять буду! – кричал айтишник вслед удиравшей от него синей спине сотрудника интернет-компании, не предпринимая, однако, попытки вытащить пистолет.

Гражданин Васильев предсказуемо попытался уйти дворами. Но от Семёнова так просто не уйдёшь. Не такой он человек. Резвый подозреваемый перемахнул через кованое ограждение одного из дворов, Семёнов повторил его манёвр с гораздо большим изяществом. Я же дёрнула калитку, после чего она тут же открылась. Почему мужчины всегда выбирают сложные пути, когда рядом имеется услужливо распахнутая дверь? Входи – не хочу. Загадка века.

Семёнов гонял бедолагу по двору, я же стояла возле калитки. Мне даже отсюда отлично было видно, что из двора есть только один выход, он же вход. Но ни Семёнов, ни Петрович этого, похоже, не замечали. Они были молоды, полны сил и энтузиазма и, вероятно, поэтому решили поиграть в догонялки. Марафон грозил затянуться надолго. Я огляделась в поисках подручных средств. Обнаружила проигнорированную дворниками толстую ветку, дождалась, когда на очередном круге преследуемый Семёновым подозреваемый окажется на расстоянии выстрела и метнула снаряд, целя по ногам. В яблочко! Петрович рухнул на землю, сопровождая падение обречённым матом. Семёнов склонился над ним, уперев руки в колени и тяжело дыша.

– Отличный бросок, Афанасьева!

Я отсалютовала ему.

Семёнов зафиксировал резвого Петровича наручниками, скрутив ему руки за спиной. Доволок в таком виде до машины и, не особо церемонясь, швырнул на заднее сиденье. Мы заняли свои места, после чего айтишник вручил мне пистолет, предварительно сняв с предохранителя.

– Дёрнется, стреляй. Только постарайся не убить, он нам пока живой нужен.

Петрович жалобно завыл, лаская наш слух различными лингвистическими конструкциями и оборотами, из которых самым

пристойным было «менты поганые» и «волки позорные».

– Слышь, ты, укурок! – не выдержал Семёнов. – Утухни! Ещё одно слово – и, клянусь, башку отстрелю. Фильтруй базар, короче. Здесь дама как-никак.

Петрович окинул даму презрительным взглядом, но сдержал поток красноречия, разумно опасаясь, что любое его слово может стать последним. Так и ехали. Семёнов смотрел на дорогу, я – на Петровича, держа в руках пистолет с занемевшим пальцем на спусковом крючке.

Возле Управления нас встречала делегация из оперативных сотрудников с Захаром Матвеевичем во главе. Повизгивающего Петровича утянули куда-то вглубь коридоров. Я собиралась последовать за всеми, но ведун остановил меня, мягко ухватив за локоть.

– Вам не стоит присутствовать при этом, Арина.

– Вы что, пытаться его собираетесь? – со священным ужасом в голосе спросила я.

Захар Матвеевич поспешно отвёл взгляд.

– Нет, блин, чаем его будем поить. Ромашковым, – раздалось сбоку. – После чего он проникнется к нам симпатией и расскажет, где сопляков держит.

Я повернула голову и скривилась. Ринат. Ценитель жанровой литературы и знаток женской психологии. Куда ж мы без него.

– Чё ты куксишься, ведьма? – окрысился невыспавшийся опер. – Если не устраивают наши методы, поищи себе другую работу. И другую компанию. Благопристойную.

– Захар Матвеевич, где вы откопали этот пережиток опричнины? – поинтересовалась я у ведуна, который поморщился от выпада своего подчиненного.

– Вот что, Ринат. Шёл бы ты к остальным. Проследил, чтобы всё было в рамках правовых норм.

Опер понятиливо хмыкнул и удалился. Я прожигала его спину неприязненным взглядом. Так и подмывало проклятьем припечатать. Но нельзя. Даже в шутку. А жаль.

Ведун отвел меня в комнату отдыха.

– Располагайтесь, Арина. И не переживайте, наш подозреваемый не пострадает. Физически, по крайней мере. Засим позвольте откланяться. Нехорошо заставлять клиента ждать.

– Захар Матвеевич... – робко начала я, но меня прервали.

– У него дети, Арина. Дети. Маленькие, беспомощные, напуганные. Хочется верить, что живые.

– А если он ни при чём? Если он убегал, потому что, скажем, кошелёк у кого-то подрезал или сумку выхватил?

– Для этого я здесь и работаю.

Я прождала чуть больше часа. Заварила чай, который получился хуже, чем у Семёнова, но меня это не особо расстроило. Похрустела печеньем, заела его конфетами, конфеты – бутербродом с докторской колбасой. Бутерброд – печеньем. Печенье – конфетами. И только на третьем круге поняла, что нужно прекратить этот всплеск неврастенического жора. Естественно, я переживала. Естественно, за детей. Если окажется, что Петрович не причастен к их исчезновению, мы снова вернемся к исходной точке. К полному тупику. А дети тем временем... Нет, лучше об этом не думать. Лучше скушать конфетку.

– Афанасьева, ты все наши припасы изничтожила? – поинтересовался возникший в дверях Семёнов. За его спиной маячил малопривлекательный опер.

– Нет, – честно ответила я. В вазе ещё оставались пара конфет и одна поломанная печенюшка.

– Поехали.

– Куда?

– Куда надо. Будем избавлять тебя от излишков человеколюбия.

Ехали мы с почетным эскортом. К машинам Управления присоединились полицейские фургоны и несколько карет «скорой помощи». Ехали красиво, с мигалками, игнорируя красные сигналы светофоров. Я впервые почувствовала себя значительной персоной. Внушительный кортеж остановился возле одной из многоэтажек-муравейников спального района.

Волна мужчин в чёрной форме хлынула в подъезд. Мы с Семёновым топали по лестнице позади всех. Я услышала, как где-то высоко, этажей через пять, грохнула, падая на пол, входная дверь. Добравшись до нужной квартиры и прошагав по лежащей в пыли и штукатурке металлической двери, мы с Семёновым с трудом протолкались сквозь забитый людьми узкий коридор.

Небольшая двухкомнатная квартира была заставлена двухъярусными кроватями, в каждой комнате по пять штук. На

кроватях, укрытые одеялами по самые подбородки, уставив бледные лица в потолок, лежали дети пяти-шести лет. Лежали недвижимо, словно куклы, и никак не реагировали на наше шумное вторжение.

Это больше походило на склад игрушек или запасники музея восковых фигур. У меня чуть не остановилось сердце от боли. Настолько страшной оказалась правда.

Вокруг кроватей рассредоточились медики.

– Неужели они... – я не смогла произнести это слово.

– Нет, дети живы, – успокоил меня один из медиков. – Судя по дыханию и сердечному ритму, спят. Глубоким сном. Очень глубоким.

– Они зачарованы, – со знанием дела произнёс Захар Матвеевич. – Молодые люди, выносите детей. Только аккуратно. Размещайте в машинах и везите в ведомственную больницу. С их состоянием будем разбираться на месте.

Полицейские и оперативные сотрудники Управления бережно вынимали детей из постелей и выносили из квартиры. Я наблюдала за процессом, зажав рот ладонью, а по щекам ручьём текли слёзы.

Семёнов неслышно подошёл со спины, обнял меня. Я развернулась, прижалась к нему всем телом, уткнулась лицом в куртку, сдавленно всхлипывая. Семёнов крепко держал меня в своих руках. Он ничего не говорил, лишь гладил по голове. И его молчание, его поддержка были дороже любых слов.

– Ариш, нам пора, – тихий голос с мягкими, непривычно нежными интонациями напомнил, что мы на работе.

Я встряхнулась, осторожно высвободилась из уютных объятий, вытерла щёки. После чего попыталась ладонями оттереть влажное пятно на груди Семёнова от отпечатков пудры и туши. Но безрезультатно. Похоже, я должна ему химчистку.

– Афанасьева, отцепись уже от моей куртки!

– Не могу. Кажется, я качественно её загадила. Теперь пытаюсь исправить ситуацию.

– По-моему, ты только хуже делаешь. Не волнуйся, я как-нибудь её ототру. Афанасьева! Заканчивай, говорю, с этим эротическим массажем. Я же не каменный. Возбудиться могу.

– Ой! – шарахнулась я от напарника, а затем поймала его насмешливый взгляд. – Тьфу на тебя, Семёнов!

Мы собрались в кабинете, который делили Захар Матвеевич, Семёнов и Ринат. Сотрудники Управления расположились на своих рабочих местах. Внештатный консультант Арина Афанасьева скромно притулилась на стульчике возле стола ведуна.

– Поздравляю вас, дорогие коллеги! Искренне, от всей души! Арина, Алексей, вы молодцы! Отлично справились с заданием.

После того как отзвучала торжественная благодарственная речь и затихли её отголоски, я робко поинтересовалась:

– Захар Матвеевич, а этот Петрович, кто он? И зачем ему были нужны дети?

– Хороший вопрос, Арина. Вы, как сотрудник Управления, пусть и внештатный, имеете право знать правду. Васильев Пётр Петрович не совсем человек. Точнее, вовсе даже не человек. Он типичный представитель нечисти, относится к довольно редкому, исчезающему виду хапунов. У особой его вида на инстинктивном уровне заложено стремление похищать вздорных и капризных детей.

– Зачем они ему? Вздорные и капризные?

– Для того чтобы вырастить достойную смену. Видите ли, хапунами не рождаются, в них превращаются. В зоне риска находятся дети от четырёх до семи лет. После того как они попадают в жилище нечисти, их подвергают довольно жёстким, ломающим психику методам воспитания. Пары лет в обществе хапуна достаточно, чтобы ребёнок переродился. Детская психика подвижна, неустойчива и весьма подвержена влиянию. Маленькие дети вообще являются объектом повышенного интереса со стороны практически всех видов нечисти. Из них легко лепить себе подобных и таким образом продлевать род. До принятия христианства на Руси существовала устоявшаяся веками система заговоров и оберегов для малолетних детей. Весьма действенная, к слову. Затем на смену языческим ритуалам пришло таинство крещения. Что характерно, все дети, попавшие в руки гражданина Васильева, были некрещёными. К счастью, хапуны в наше время практически перевелись. Встреча с ними большая редкость.

– А как же представители других религий? У которых нет крещения?

– Практически в каждой религии существуют свои ритуалы и таинства, призванные оградить невинную душу от посягательств

нечисти.

– Как он умудрялся похищать детей и оставаться при этом незамеченным?

– Хапуны пробираются в жилище по печным трубам. И тем же путем покидают его.

– Как Санта-Клаус, – фыркнула я. – Но в домах и квартирах, где живут дети, вроде бы не печное отопление.

– Не печное, – согласился ведун. – Васильев проникал внутрь через камин. Вы, наверное, заметили, что в каждом доме были камин.

– Нет. Не обратила внимания, если честно. Вроде бы со схемой похищения всё понятно. Непонятно другое. Петрович давно уже не юноша. И не первый год живет в Москве. Почему же всплеск похищений случился именно сейчас?

– Он вошел в пору гнездования, если объяснять доступным языком. То бишь у него появилась непреодолимая потребность создавать себе подобных. До нынешнего года он и сам не подозревал о своей уникальности. Жил себе потихоньку, никого не трогал. В этом же году у него проявились некоторые странности, которые он, не разобравшись в ситуации, списал на склонность к педофилии. Боролся с пагубным и противозаконным пристрастием как мог, то есть с помощью другого пагубного пристрастия, зелёного змия, что лишь все усугубило. В какой-то момент он уже был не в состоянии себя контролировать.

– Он что-то делал с детьми? – испуганно спросила я. – Что-то нехорошее?

– Нет, Арина. Желания хапуна не имеют никакого отношения к противоестественным наклонностям. То есть они, конечно, не являются естественными, но не содержат в себе сексуальной подоплёки. Это такая извращённая форма продления рода. К счастью, гражданин Васильев не имел ни малейшего понятия, как поступать с похищенными детьми. Всё, на что хватило его разума, – усыпить их силой своих чар. О наличии у себя каких-либо способностей он тоже не подозревал. Думал, что дети, попадая к нему, от страха впадают в кому.

– Но как такое могло случиться? Почему он ничего не знал о себе?

– Тут довольно запутанная история. О существовании Петровича узнали, когда ему исполнилось восемь лет. Примерный возраст установили врачи, после того как безнадзорного и не вполне адекватного ребёнка обнаружили на одном из московских вокзалов. Он ничего не помнил о себе: ни имени, ни родителей, ни адреса. Его определили в один из детских домов и довольно быстро отдали на усыновление немолодой семейной паре. Они и воспитали его как могли. Несколько лет назад родители Петровича один за другим отошли в мир иной.

– Петрович постарался?

– Вовсе нет. Он был неплохим сыном, к его чести. Заботился о престарелых усыновителях как мог. Они умерли по вполне естественным причинам, оставив ему в наследство квартиру.

– Что с ним теперь будет? Тюрьма?

– Это не мне решать, – развёл руками ведун. – Но не думаю. Учитывая обстоятельства и свойства личности, вероятно, его обяжут пройти курс реабилитации, после чего, возможно, постараются трудоустроить в одно из поднадзорных Управлению детских учреждений. Станет, например, воспитателем в детском доме. Главное, правильно применить его наклонности и развить нужные способности.

После обстоятельного рассказа Захар Матвеевич отправил нас по домам. Нам с Семёновым на следующий день надлежало вернуться к своим обязанностям в родной конторе. Командировка подошла к концу.

На часах было девять. На улице тьма и холод. Семёнов снова довез меня до дома. Проводил до самого порога. Мы остановились перед дверью квартиры. Я всерьёз раздумывала над тем, чтобы пригласить напарника внутрь. После невероятных событий прошедшего дня, после ошеломительного успеха в поиске пропавших детей и озвученной благодарности руководства в крови бурлил адреналин. Бурлил и настойчиво искал выхода.

Семёнов буравил меня магнетическим взглядом. Потом шагнул ко мне, сжал мои плечи. Я с нескрываемой надеждой встретила с ним глазами. Мы несколько долгих секунд смотрели друг на друга. Сердце сбоило: то ухало в глубокую пропасть, то бешено долбило по рёбрам. Кажется, я на время перестала дышать. От нехватки кислорода кружило голову.

Семёнов постоял какое-то время, держась за меня, словно боялся упасть, затем медленно, нехотя отстранился.

— Спокойной ночи, Афанасьева. До завтра, — хриплым срывающимся голосом произнёс он. А после развернулся и ушёл.

Я стояла, прислонившись к стене, и слушала, как постепенно удаляется звук его шагов, до последнего надеясь, что они вот-вот замрут, а затем застучат дробью, всё ускоряясь и усиливаясь. Но нет. Шаги затихали. Раздался стук подъездной двери. Я вошла в свою квартиру и плавно сползла по стене на пол.

Глава 5

Хьюстон, у нас проблемы

В семь утра раздался сигнал будильника. Я отключила телефон, малодушно размышляя над тем, насколько уместным будет опоздание на работу. Вставать не хотелось. Полночи я проревела в подушку, а посему совершенно не выспалась. Обычно осознание того, что убиваться по поводу несчастной любви нецелесообразно и бесперспективно, наступает именно утром, когда голова гудит от недосыпа, а лицо распухло от нескончаемых потоков слёз. Когда же ты повзрослеешь, Афанасьева? И поумнеешь? Как же хочется спать! И шоколадку.

Но чувство долга возобладало над малодушием. Я со стоном скатилась с дивана. По дороге в ванную боковым зрением уловила движение на кухне. Мать моя! А Семёнов-то что здесь делает? Все совместные мероприятия у нас закончились. Или ему так понравилось прикармливать меня, что он теперь не в силах остановиться? Как вчерашний хапун. Засела новая программа в голове, и никак её не выбить. Я тоже хороша, даже не обратила внимания на уютный аромат свежеприготовленного кофе и очередного кулинарного шедевра. Привыкла к бесцеремонным вторжениям на свою территорию.

– Семёнов, ты что здесь делаешь? – вместо приветствия выдала я. – Мы же сегодня на работу выходим.

– И тебе доброе утро, Афанасьева, – жизнерадостно поприветствовал меня айтишник. – Работа откладывается. Командировка продляется. У нас новое задание. Личная просьба руководства.

– Захара Матвеевича?

– Бери выше. Сам глава Управления, господин генерал-майор, просит. Новый клиент, видишь ли, очень непростой. Мы с тобой проявили себя в полной мере во время последнего задания. На свою голову. Поэтому задание нынешнее тоже доверили вести нам.

– А господин Копытин не возражал?

– Ни секунды. Господин вице-президент выразил полную готовность оказывать всяческое содействие господину генералу.

Господа договорились между собой на высочайшем уровне. Всё в ажуре.

– Ну, раз так, я не имею возражений.

– А твоим мнением никто не интересовался. Равно как и моим. Кстати, вид у тебя как у свежеподнятого зомби. Знаешь, Афанасьева, мои девушки никогда не позволяли себе предстать пред моим светлым взором в таком устрашающем виде.

– Я не твоя девушка, – обозначила я очевидное.

– Какое облегчение!

– Семёнов-Семёнов, – покачала я головой, – ни грамма галантности. Совсем не меняешься.

– Должно же быть хоть что-то стабильное в нашем непостоянном мире.

– Безусловно, – согласилась я и пошлёпала в ванную, чтобы затем предстать пред светлые очи великого и ужасного в том виде, который не оскорбит его тонкого вкуса.

К слову о вкусе. Завтрак был умопомрачительно вкусным. Как и всегда.

– Куда едем? – поинтересовалась я уже в машине.

– Сюрприз, – загадочно улыбнулся айтишник.

– Ненавижу сюрпризы! Достаточно того, что ты каждое утро заявляешься ко мне.

– Но это же приятный сюрприз.

– Приятный, – согласилась я, немного подумав. – Но с такими сюрпризами пора заканчивать.

– Не руби с плеча, Афанасьева. Пожалеешь потом. После того как заработаешь гастрит или язву. Прими мою заботу с благодарностью. Тем более что взамен от тебя ничего не требуют. Пока, по крайней мере.

– Мне надо насторожиться?

– Повремени. Я предупрежу, когда следует настораживаться.

– Договорились.

Какое-то время ехали в тишине. Я даже успела пригреться и задремать. Из приятной полудрёмы вывел телефонный звонок. Семёнов достал смартфон. Звонил Захар Матвеевич. Мой напарник внимательно его выслушал. По мере общения, во время которого парень говорил только «да», «понял», «постараюсь», лицо его

мрачнело и вытягивалось. Когда он отключил телефон, вид у него был совсем потерянным и печальным.

– Случилось что-то? – участливо поинтересовалась я.

– Не твоё дело. И вообще, закрой рот и не открывай без веской причины. Всё равно оттуда ничего разумного не вылетает, – раздражённо и пренебрежительно кинул Семёнов. Так, словно я была человеком второго сорта, опустившейся и порицаемой обществом маргинальной личностью. В общем, сложно подобрать правильные слова, чтобы описать его интонации и довольно специфическое выражение лица.

Это было что-то новенькое! Я, конечно, всяким его видала. И злым, и язвительным. Но до такого откровенного хамства он ещё ни разу не опускался. Подобного обращения я не заслуживаю. Его вообще никто не заслуживает. Кровь закипела от вполне обоснованной ярости.

– Останови машину!

– Успокойся, Афанасьева, – сквозь сжатые зубы буркнул айтишник, не отрывая взгляда от дороги.

– Я сказала, останови машину! – перешла на крик.

Автомобиль резко затормозил и замер на обочине. Перед тем как выйти, повернулась к Семёнову.

– Я поеду в Управление. Объясню Захару Матвеевичу, что ставить меня в пару с тобой было большой ошибкой. После – на работу. Ты поступай как знаешь. Только учти, что с этого момента мы совершенно посторонние люди.

И от души шарахнула дверью, ставя таким образом точку в разговоре.

«Лексус» с визгом сорвался с места, удаляясь по трассе. Я проводила его злобным взглядом. Всего хорошего, Семёнов. Приятного тебе дня. Мой день ты умудрился основательно изгадить. Одной лишь фразой.

Я перешла на другую сторону дороги и вскинула руку, голосуя. Движение было довольно интенсивным, но все спешили по своим делам, никто не хотел брать попутчика. Эээх! Если бы дело было вечером, из желающих подвезти одинокую, попавшую в беду девушку пробка образовалась бы. Но сейчас утро, и обозленные на жизнь опаздывающие на работу автовладельцы не склонны к сентиментальным авантюрам.

Попробовала вызвать такси, но никто не торопился принять вызов. Вероятно, это было связано с тем, что поблизости не имелось ни одного строения, не то что жилого дома. Я пожала плечами и побрела вдоль трассы по направлению к городу. Авось, сжалится кто и подберет.

Вскоре позади меня притормозила машина. Я с надеждой обернулась и узнала недавно покинутый «лексус». Помотала головой и продолжила неспешную прогулку вдоль обочины. Машина плавно катила рядом. Стекло с моей стороны опустилось, и Семёнов, изогнувшись так, словно был резиновым, обратился ко мне:

– Девушка, а девушка? Можно вас подвезти?

– Отстань. Мы всё друг другу уже сказали.

– Арина, ну не злись. Я был неправ. И готов принести свои извинения.

– Засунь их себе сам знаешь куда!

– Даже не догадываюсь. Ну, Аринааа.

Пока мы вели милую светскую беседу, позади семёновского «лексуса» образовался нешуточный затор. Водители в бешенстве сигналили, но вредный айтишник даже не подумал прибавить скорость. Нервы одного из наблюдавших за нашей перепалкой не выдержали. Из машины, что плелась следом за «лексусом», вылетел грузный мужчина с перекошенным лицом. Он подскочил к автомобилю Семёнова и долбанул по капоту.

– Ты совсем ох. л! – заорал мужчина, багровея лицом и брызгая слюной. Мне такие типажи не особо приятны, если честно. Но к этому человеку я неожиданно прониклась симпатией и сочувствием. – Ты слепой или тупой? Не видишь, людям ехать надо? Козёл! Отвали от этой овцы и освободи дорогу!

Семёнов остановил «лексус», с изящной ленцой хищного зверя выбрался наружу. Его рука потянулась под куртку, к тому боку, где обычно болтался пистолет. Я не на шутку испугалась за жизнь мужика. Бросилась наперерез, закрывая его собой и раскидывая руки, как статуя Христа Искупителя, что возвышается над Рио-де-Жанейро.

– Семёнов! Ты больной на всю голову социопат! Не вздумай вытаскивать пушку и угрожать ни в чем не повинным людям!

– Он меня козлом назвал! – попытался вызвать у меня жалость парень, доставая пистолет.

– Ты удивишься, но я с ним солидарна. Что, и меня пристрелишь?

– Не сегодня, – успокоил коллега. – И вообще, он тебя тоже обозвал. Овцой.

– Очень ёмкая и верная характеристика, в полной мере отражающая мои умственные способности. Только овца могла согласиться стать твоим напарником. Убери пистолет, Семёнов! Немедленно!

Мужчина, в полной мере осознав более чем реальные перспективы предстать пред судом Божьим, что не входило в его планы на текущий день, бросился бежать к своей машине, пригибаясь на ходу. Семёнов провожал его кровожадным взглядом.

– Уберу, но только после того, как ты сядешь в машину, – решил на шантаж парень.

– Псих! Полный придурок! Конченный выродок! Долбанутый, шизанутый, невменяемый кретин! – вполголоса шипела я, усаживаясь на своё место.

После этого Семёнов спрятал оружие, забрался в автомобиль и ударил по газам, да так, что меня вжало в спинку кресла.

Он вёл машину, бросая время от времени в мою сторону задумчивые взгляды. Я нахохлилась и отвернулась к окну, любясь угнетающим психику осенним пейзажем. После пережитого немного потряхивало. Я, конечно, догадывалась, что мой коллега не вполне вменяем, но не настолько же!

– Злишься? – спустя какое-то время осторожно поинтересовался Семёнов.

– Нет. Боюсь, – призналась я.

– Не стоит. Я не причиню тебе вреда. Честное слово.

Я не ответила.

– Афанасьева, давай мириться, – не сдавался парень.

– Иди ты к чёрту! Ты угрожал мне пистолетом!

– Вообще-то это неправда. Не надо искажать факты. Я угрожал тому хаму, а не тебе.

– Это ничего не меняет.

– Ещё как меняет! Афанасьева, заканчивай дуться! Что мне сделать, чтобы ты меня простила?

– Застрелись.

– Не могу. Жить очень хочется. Ну как? Мир?

– Вынужденное перемирие.

Наконец мы подъехали к дому потерпевшего.

После посещения Рублёвки загородная резиденция нового клиента удивления не вызвала. Относительное уединение. Лес кругом, правда, изрядно прореженный, окультуренный. И свежий воздух. Воздух этот вместо птичьих трелей разрывал мощный женский голос. Даже у ворот было слышно, что в доме музицируют. Это ж надо, надрываться в такую рань. Я-то всегда считала, что богема раньше обеда с кровати не поднимается.

– Кто это так голосит?

– Нравится? – поинтересовался Семёнов.

– Не особенно. Не люблю оперу. Увы.

– Это ты зря! – со знанием дела произнёс парень.

Хозяйкой дома оказалась солистка оперной труппы Большого театра Алина Коносова – обладательница, по мнению знатоков, нежного, но сильного сопрано. Просветил меня Семёнов, который причислял себя к числу тех самых знатоков. И как только от этой нежности стёкла трещинами не пошли? Наверное, бронированные.

– Лёшенька, доброе утро, дорогой, – кинулась к моему напарнику оперная прима, как только мы пересекли порог её дома. – Очень рада тебя видеть!

Немолодая, но привлекательная и ухоженная полноватая дама беззастенчиво тискала Семёнова, ничуть не стесняясь моего присутствия. Она поглаживала парня по всем доступным ей местам. Даже упругий зад не обошла своим вниманием. Я демонстративно поморщилась и покашляла, чтобы обозначить собственное присутствие. Чувствую, ещё немного, и Семёнов начнет отвечать на ласки, полезет под шёлковый расписной халат примы.

– Лёшенька, кто эта забавная девочка?

– Алина Рудольфовна, позвольте представить мою коллегу Арину Афанасьеву. Она внештатный консультант Управления. Молодой, подающий большие надежды специалист. Будущая ведьма.

– Прелэээстно, – снисходительно пропела Алина Рудольфовна, окидывая меня цепким взглядом.

Видимо, мой затрапезный вид доставил ей немалое удовольствие. Она с нескрываемым торжеством перевела взгляд с меня на Семёнова, демонстрируя всем своим видом, что я ей не конкурент. Должно быть,

молодая Эвис Крайтон чувствовала себя в присутствии блистательной Джулии Лэмберт примерно так же, как чувствовала себя я сейчас^[8]. Полным ничтожеством и убожеством, замахнувшимся на самый ценный реквизит театральной примы. Есть, правда, небольшое различие в наших с Эвис историях. Семёнову моя скромная персона совершенно безразлична. Так что очаровательная хозяйка дома может не беспокоиться на мой счёт и не подстраивать мне виртуозные пакости.

– Алина Рудольфовна, расскажите, какие неприятности вас постигли? – поинтересовался Семёнов, перехватывая и целуя шаловливую ручку, унизанную массивными перстнями.

– Ах, дорогой, это настоящая трагедия! Но что же мы стоим на пороге? Как невежливо с моей стороны. Прости меня, зайчик, это всё от расстройства. Идём в гостиную.

Прима величественно поплыла по широкому коридору, украшенному фресками и зеркалами. Зайчик попрыгал за ней. Я плелась следом.

Просторная гостиная была настоящим раем для сибаритов. Повсюду мягкие диваны и кресла, в которые так и тянуло погрузиться. В углу комнаты на подиуме возвышался рояль «Steinway», который стоил как небольшая квартира в Москве. На стенах висели картины и профессиональные чёрно-белые фотографии, изображавшие одного человека в разных ракурсах – оперную диву Алину Коностову.

Семёнов и Алина Рудольфовна разместились на диване. Парень порывался было усесться в пустующее кресло, но его попытки отмежеваться пресекли в зародыше. В кресло опустилась я. Прима обнимала айтишника за талию и поглаживала по бугристуому квадрицепсу. Я сопровождала её жест завистливым взглядом и отвела глаза в сторону. Ну сколько можно? Поняла уже, что вас связывают узы давней дружбы. Стоит ли так часто демонстрировать это?

В гостиной появилась немолодая тётка с простым рабоче-крестьянским лицом, в выражении которого не было ни малейшего намека на уважение к хозяйке дома и её гостям. С таким видом в метро хамят, а не в богатых домах прислуживают. Всё в точности как у Моэма.

Женщина катила тележку с чайным сервизом и яствами. Алина Рудольфовна не доверила помощнице сервировку стола. Отпустила её

легким взмахом белой руки и сама расставила приборы, наполнила кружки чаем.

– Не томите, Алина Рудольфовна, – попросил Семёнов, когда кружки опустели и первые пирожные были съедены. – Что всё-таки случилось? Захар Матвеевич сказал, всю необходимую информацию я получу от вас.

– Страшная трагедия, Алёшенька! – голосом, полным наигранного отчаяния и театрального драматизма, произнесла прима Большого театра. – Случай вопиющий и беспрецедентный в своём ужасающем цинизме.

– А конкретнее?

– У меня украли рубиновый гарнитур. Тот самый, что достался мне от прабабки – знаменитой оперной примы Императорского театра. В нем я исполняю партию Флории Тоски. Я подавлена и уничтожена!

– В полицию заявили?

– Естественно. В тот же день, как обнаружила факт пропажи, вчера то есть, я позвонила своему знакомому – Николаю Владимировичу.

Семёнов многозначительно хмыкнул. Николай Владимирович Зеленин был тем самым генералом, который возглавлял Управление.

– Коленька пообещал во всём разобраться. Сказал, что пришлёт самых толковых ребят.

– Надо же! Какое признание со стороны высокого начальства! Обычно он зовет нас дебилами. И это самый ласковый комплимент из тех, которыми господин генерал награждает сотрудников на оперативках. Алина Рудольфовна, придётся всё-таки составить заявление. Дань бюрократии, ничего не поделаешь. Я сам подготовлю бумаги, вам лишь останется их подписать.

– Хорошо, дружок, – покорно ответила оперная прима.

– У вас есть снимки гарнитура? – я решила вмешаться в разговор, чтобы ускорить процесс расследования.

– Естественно! Вы полагаете, я дура? – прима одарила меня негодующим взглядом и поднялась, пренебрежительно поджав густо накрашенные и качественно обколотые филлерами губы. – Я скоро вернусь, зайчик, – уже более ласково Семёнову. – Не скучай.

Алина Рудольфовна величественной походкой королевы в изгнании покинула комнату.

– Семёнов, – шёпотом обратилась я к напарнику, – у тебя с ней что-то было?

– Афанасьева, – недобро прищурился айтишник, – а не кажется ли тебе, что задавать подобные вопросы бестактно? Личная жизнь для того и называется личной, чтобы в неё не совали любопытный нос всякие пронырливые девицы.

– Надо же! Какие мы скрытные. Помнится, раньше ты не особенно стеснялся. И вываливал одной пронырливой девице грязные подробности своих кобелиных походов, не интересуясь, желает ли она выслушивать все это. А сейчас вдруг засмутился.

– Не злись, Афанасьева. Тебе не идет. Становишься похожей на хорька.

– Ну, знаешь ли!

Я много чего ещё собиралась сказать двуличному и лицемерному напарнику, чувствуя, как от справедливой ярости закипает кровь и темнеет в глазах, но сдержалась. И не потому, что не хотела портить отношения с Семёновым, который вёл себя сегодня так, словно в него Ринат вселился, а из-за того, что моё внимание привлекли странные звуки.

В коридоре раздавался то ли скрежет, то ли цокот. Шум постепенно нарастал. Возникло ощущение, что в сторону гостиной направляется крупный зверь с огромными и острыми когтями, от которых пока страдает паркет, но скоро пострадаем мы с айтишником. Фантазия почему-то подкинула образ аллигатора. Эксцентричная мадам Коностова вполне могла завести в доме такого питомца и дать ему кличку Зайчик, например. И сейчас этот Зайчик выбрался из незапертого по небрежности вольера, сожрал хозяйку и ее домработницу и направляется в гостиную, дабы распробовать десерт. Кажется, я где-то читала, что у этих тварей в мозге отсутствует сигнал насыщения, то есть жрать оно будет до тех пор, пока не кончится еда или пока его не разорвёт.

Пропорционально нарастанию звука нарастал страх, трансформируясь в животный ужас.

Возле двери когти притормозили и паркет выдал жалобное: «Цвиирк». Я тихо охнула и вжалась в кресло.

И вот на пороге гостиной появилось это. Оно оказалось довольно здоровым, размером с двух крупных мужчин, если их поставить

вплотную друг к другу. По виду напоминало индюшку-мутанта, только перья имело разноцветные и сияющие. Я машинально отметила, что цветовая гамма довольно приятна. Жёлтые птичьи лапы бройлера-мутанта были похожи на те, которыми иллюстраторы наделяют избушку на курьих ножках, и заканчивались внушительными когтями. Эти курьи ножки с отвратительным скрежетом перемещали в нашу сторону хорошо откормленное птичье тело, которое венчала человеческая голова со знакомым мне лицом оперной дивы. За мутантом, наподобие шлейфа, волочился хвост, чем-то отдалённо напоминающий павлиний. В целом чудище выглядело вполне органично. Словно таким и родилось. В обычных женских руках оно держало книгу.

– Что это? – потрясённо просипела я, едва ко мне вернулась возможность издавать членораздельные звуки.

– Она меня видит? – с удивлением в голосе спросила Семёнова птица.

Тот кивнул.

– Я же говорил, она ведьма. Необученная, правда. Но не без способностей. Арина, закрой рот, пожалуйста. И прекрати таращиться. Ты смущаешь Алину Рудольфовну.

– Ой, ну что ты, Алёшенька. Девочка нисколько меня не смущает. Я привыкла к повышенному интересу и давно перестала его замечать. Деточка, я Алконост. Слышала когда-нибудь о таком?

Я кивнула. Читала в детстве сказки, увлекалась творчеством Васнецова. Но никак не ожидала встретить мифическое существо вживую. Алина Коностова оказалась райской птицей, наделенной чарующим голосом. Воистину неисповедимы пути твои, Господи!

Но Васнецов, конечно, в размер не попал. Тут был полноценный икс-икс-икс-эль.

Оперная дива подошла к дивану. Интересно, как она будет устраиваться на нём? Взгромоздится на спинку и та с треском и грохотом разломится? Очень хочу посмотреть на эту картину. Но Алина Рудольфовна не доставила мне такой радости. Птичье тело пошло рябью, и через несколько секунд к Семёнову подседа обычная земная женщина в шелковом халате. Разместившись поудобнее, она протянула мне книгу.

– Это каталог одного очень известного ювелирного дома. На первой странице фотография моего гарнитура. Он послужил источником вдохновения для создания серии ювелирных украшений.

Я посмотрела на обложку каталога. Действительно, очень известный ювелирный дом. Приобрести его изделия могут позволить себе лишь весьма состоятельные люди. Да и сам каталог, должно быть, недешевая вещь. Толстая глянцевая бумага и снимки отличного качества. Все украшения на них выглядят удивительно реалистичными. Кажется, достаточно протянуть руку, чтобы ощутить кончиками пальцев холод благородного металла.

На первой странице снимок с изображением кольца и серег-подвесок. Многочисленные рубиновые капли окружены чистейшими бриллиантами, тонкие золотые нити, соединяющие рубины в единый ансамбль, также усыпаны бриллиантами. Филигранная работа. И невероятно дорогая. Я с интересом полистала каталог, акцентируя внимание на заоблачных ценах, выраженных в евро. На первой странице стоимость указана не была. Что и понятно.

– В какую сумму оценивается кольцо? – поинтересовалась я у хозяйки этого великолепия.

– В баснословную, – уклончиво ответила она. – Ценность гарнитура не только в камнях и работе. Это очень старая и редкая вещь. И она дорога мне не столько как украшение. Это память моего рода. Семейная реликвия.

– Где вы обычно хранили её?

– В сейфе, естественно.

– Кто имел к нему доступ?

– Только я.

– Кто знал код?

– Никто, кроме меня.

– Из сейфа ещё что-нибудь пропало? Деньги, другие украшения?

– Нет, только гарнитур. Всё остальное на месте.

– Похоже на заказ, – подвел итог нашему диалогу Семёнов. – Алина Рудольфовна, я сделаю звонок в Управление. Пусть пришлют ребят для снятия отпечатков. Хотя сомневаюсь, что вор наследил.

– Конечно, зайчик. Поступай, как считаешь нужным. Только попроси их управиться до вечера. У меня репетиция в шесть, и я бы не

хотела, чтобы в моё отсутствие по дому бродили посторонние лица, пусть и сотрудники вашего замечательного ведомства.

– Всё будет в лучшем виде, – пообещал Семёнов и скрылся из комнаты, чтобы не оскорблять тонкий слух хозяйки дома просторечными беседами с криминалистами.

Я листала каталог, стараясь избежать разговора с примой. Но у неё, по всей видимости, были другие планы.

– Деточка, как давно вы с Алёшей встречаетесь?

Я поперхнулась и закашлялась.

– Мы не встречаемся. Просто работаем вместе, – внесла ясность, едва восстановила дыхание. – И, пожалуйста, обращайтесь ко мне по имени. Деточкой меня только бабушка в детстве называла.

Это было неправдой. Никто до этого самого дня не называл меня деточкой, и пренебрежительное обращение дамы утомило. Да и уязвить её очень хотелось, уж не знаю почему.

Теперь настала очередь примы закашлять.

– Договорились, Арина, – отдышавшись, сказала хозяйка дома и посмотрела на меня куда как уважительней. – Не встречаетесь? Странно. А мне показалось... Я, видите ли, неплохо разбираюсь в людях.

– Не хочу расстраивать, но в этот раз вы ошиблись. А вы? Давно встречаетесь с Семёновым?

– Я бы не сказала, что мы встречаемся или встречались. Так, мимолётное увлечение давно минувших дней.

Интересно, насколько давно минувших? Она совратила Семёнова, когда тот в школу при детском доме ходил? Или планировала усыновить, но потом передумала и употребила будущего опера в ином качестве? Куда как более прозаичном? Ох, и шалунья же вы, мадам Коносова! Но вкус у вас неплохой.

Через несколько минут вернулся Семёнов, и разговор плавно перетёк в более конструктивное русло.

– Алина Рудольфовна, кто имел доступ в ваш дом?

– Так, полагаю, Танюшу мы не будем тревожить необоснованными подозрениями?

Семёнов кивнул, подтверждая, что абсолютно уверен в непричастности помощницы госпожи Коносовой к краже. Интересно,

откуда такая убежденность в её невинности? По мне так Танюша первый кандидат.

– Арина, – обратился ко мне парень, – Татьяна много лет работает у Алины Рудольфовны и ни разу не дала повода заподозрить себя в неблагоприятных поступках.

– Это так, – подтвердила прима. – Танюша, можно сказать, досталась мне в наследство от матушки.

Ага, шла в комплекте с пропавшим гарнитуром.

– Она много лет честно и преданно служит мне и искусству, – закончила дама.

Я слабо представляла, как именно суровый пролетарий Танюша могла служить искусству. Но госпоже Коностовой видней. Она Танюшу лучше знает.

– Однако нам, тем не менее, следует пообщаться с ней, – с нажимом произнесла я, посмотрев на Семёнова. – Она могла видеть или слышать что-то, что поможет разобраться в ситуации. Иногда самая незначительная, на первый взгляд, деталь оказывается ключом к разгадке.

– Ну хорошо, – утомлённо ответила прима. – Можете поговорить с ней. Только, пожалуйста, без этих ваших штучек.

– Каких штучек? – не поняла я.

– Ваших игр в плохого и хорошего полицейского.

– Мы будем очень хорошими полицейскими, – заверил Семёнов. – Танюша ни в коей степени не пострадает. Ей даже понравится. Обещаю. А кто-нибудь был у вас в гостях в последнее время?

– Естественно. Я всё-таки известная личность. Мне часто наносят визиты. Но это люди исключительного благородства и честности.

– А можно список тех лиц, что бывают у вас?

Алина Коностова принялась перечислять имена и фамилии своих гостей, коих оказалось немало. Она регулярно устраивала небольшие приёмы, которые посещали не только коллеги по сцене, но и довольно известные и состоятельные граждане, входившие в круг поклонников певицы. Едва ли они опустились бы до кражи гарнитура. Ибо не бедствуют. Семёнов строчил заметки в телефоне, стараясь ничего не пропустить.

– Так, с этим вроде бы разобрались. Ещё один вопрос, Алина Рудольфовна. Простите, но он будет бестактным.

– Кажется, я понимаю, о чем ты, Алёшенька. Постараюсь упростить тебе задачу. Я сейчас встречаюсь с одним милым мальчиком.

– Имя, адрес, место работы? – деловым тоном спросил Семёнов. – У него есть ключи от вашего дома?

– Эдуард Аристархов. Живет в центре. Я пару раз подвозила его и бывала в гостях.

Прима назвала адрес, который Семёнов тут же записал.

– Где работает, к сожалению, не знаю. По-моему, он экономист. Или юрист. Не уверена. Это такие скучные материи. Ключей от дома я ему не давала. Не так долго мы вместе для подобного доверия.

Что ж, разумно. Но это ещё ни о чём не говорит. Я Семёнову тоже ключи не давала, он их сам отжал и теперь шастает ко мне в квартиру, когда ему заблагорассудится, как к себе домой.

– Ваш друг мог сделать дубликаты, – считал мои мысли айтишник.

– Маловероятно. Да и зачем ему это? Я готова принять его в любой момент.

Да затем, чтобы гарнитур спереть! Как можно быть такой наивной? Или это самоуверенность?

– Кто ещё, кроме Эдуарда и Танюши, регулярно приходит в дом? Для того чтобы прибраться или приготовить, например?

– Готовит Танюша. А уборкой занимается клининговая компания. Пару раз в неделю. Но это происходит под бдительным Танюшиным присмотром.

– Вы вчера отлучались из дома?

– Естественно. Вчера давали «Травиату». Я исполняла заглавную партию.

– А Танюша?

– Ездила со мной. Я без неё как без рук.

– В доме кто-то оставался?

– Нет. И не смотри на меня так. Мы включили сигнализацию и отбыли.

– Камеры в доме есть?

– Нет, конечно! Для чего мне камеры? Здесь же не военный объект.

– Жаль.

Мы покинули хозяйку и отправились на поиски Танюши. В доме примы Семёнов ориентировался свободно. Видимо, часто здесь бывал. Танюша обнаружилась на кухне. Грозная тётка сидела за кухонным столом с большой кружкой в одной руке и сигаретой в другой. Мы решили составить ей компанию.

– Ну, здравствуй, Алексей, – сказала тётка, выпуская облачко дыма. – Давненько не виделись. Вырос, возмужал. Человеком стал, говорят.

– Добрый день, Татьяна Владимировна. Да какой там человек, – махнул рукой Семёнов. – Так, обыкновенный мент.

– Как живёшь-то хоть?

– Да как все. Потихоньку. Дом, работа, кино по телевизору.

– Не женился? Деток не завел?

– Да как-то всё не до этого.

– Подружка есть?

Я насторожилась. Интересно же, кто нынешняя фаворитка Семёнова. Но айтишник меня разочаровал. Тайны не выдал. Помотал головой.

– Чё так? Ты у нас парень видный. Девки, наверное, за тобой бегают.

– Да где там, – соврал и не поморщился.

– Бегают, – встряла я. – Табунами. Работать ему мешают.

– А ты у нас кто такая бойкая? Одна из этих? Которые табунами бегают?

– Нет. Я пас. Хромаю на обе ноги. Мне за таким мустангом по пампасам не угнаться.

Танюша засмеялась.

– А она ничего, – выдала умозаключение помощница примы.

– Временами, – согласился Семёнов. – Жаль только, моменты просветления наступают редко и длятся недолго. Но я не об этом хотел поговорить. Татьяна Владимировна, расскажите нам, пожалуйста, про последнее увлечение Алины Рудольфовны.

– А чё про него рассказывать-то? Дитё малолетнее. Алинке в сыновья годится. Ты её вкусы знаешь. Млеет она от таких вот, как ты, молоденьких да нахальных.

– Ну, я, допустим, уже не в её вкусе. Староват стал.

Женщина снова засмеялась.

– Так сколько лет этому Эдуарду?

– Точно не скажу. На вид года двадцать два – двадцать три. Может, меньше, может, больше. Вот только на тебя он не сильно похож. Типаж тот же. В этом Алинка себе не изменяет. Что до остального... Слизняк. Скользкий и мерзкий. К ней ластится, а глазки так и бегают по сторонам. По картинам, по цацкам. А в глазках этих калькулятор. Он побрякушку увёл, я даже не сомневаюсь. Алинка его полностью содержит. Подарками заваливает. Оплачивает квартиру и учёбу.

– Он же юрист. Или экономист. То есть образование у него уже есть.

– Алинка сказала? Врёт. Щенок он подзаборный. Она его на какой-то помойке подобрала. Отмыла, откормила, теперь вот в люди пытается вывести. А он вытянет из неё всё, что сможет, и поминай как звали.

– Как он мог попасть в квартиру? Алина Рудольфовна говорит, что не давала ему ключей.

– Не давала. Только трудно ли запасные спереть и дубликат сделать?

Я красноречиво поглядела на Семёнова. Он притворился, что ничего не заметил, кивнул Танюше.

– И давно этот Эдик у вас завёлся?

– Второй год пошёл, – хмыкнула она.

Мы попрощались с Танюшей с твердым намерением навестить Эдуарда Аристархова. Алина Рудольфовна проводила нас до дверей. На выходе облобызала Семёнова, тот в ответ галантно приложился к ручке.

Наконец, мы загрузились в «лексус», и я могла больше не сдерживаться.

– Семёнов! Ты спал с птицей! Обалдеть!

– Афанасьева, – поморщился парень, стирая с лица отпечатки помады, – помолчи, пожалуйста.

– Или что?

– Отомщу!

Хм. Аргумент. Мстить Семёнов умел. И делал это со вкусом.

– Семёнов, миленький, пощади! Я же лопну от любопытства.

– Не имею привычки обсуждать своих женщин с кем бы то ни было.

– Ой, да ладно! Можно подумать, это правда.
– Я тебе врал, – неожиданно признался айтишник.
– Не поняла.
– На работе, в курилке. Все мои рассказы – вымысел.
– Вымысел или художественное преувеличение?
– Вымысел. Ни слова правды. Одно враньё. Сплошное гонимо. Так понятно? Я не треплюсь о своих отношениях.

– Но зачем?
– За надом, – попытался поставить точку в странном диалоге Семёнов.

Было видно, что он злится. Только непонятно из-за чего. Видимо, утреннее общение по телефону с Захаром Матвеевичем как-то повлияло на его настроение, выбило из колеи. Потом ещё возмутительный инцидент на трассе. Таким Семёнова я до сегодняшнего дня не видела. Он открывался с новой стороны. Не самой привлекательной.

– И с Машей из бухгалтерии? – не унималась я.
– Афанасьева, ты глухая или умственно отсталая?
– Но она же сама всем рассказывала! – возмутилась и обиделась я.
– Дура она. Дура с неуёмной фантазией. И только. А мне нравятся женщины с интеллектом. И не смотри так призывно. Не трепещи ресницами. С интеллектом, а не его зачатками.

Я чуть не плюнула ему в лицо. Сдержалась в последний момент. У него же пистолет есть.

– Ты охамел? Больно ты мне нужен! Останови машину. Я выйду. Иначе решишь, что пытаюсь тебя охмурить. Останови, кому сказала! Сама до Управления доберусь.

– Афанасьева, угомонись. Извини, был не прав. Не хотел обидеть. Точнее, хотел. Но ты сама виновата. Незачем было провоцировать. В общем, прости. Постараюсь исправиться.

– Извинения приняты, – холодно ответила я. – Но чтобы...
– Не повторится. Мамой клянусь.
– Ты же сирота, Семёнов!!!
– Сирота, – немного подумав, подтвердил парень. – По привычке вырвалось.

– Ага. Маму не жалко. Которой нет. Всё с тобой ясно. Жук ты, Семёнов!

– Не без этого. Тяжело с тобой, Афанасьева, – вздохнул айтишник. – Но ничего, я придумаю, как это исправить.

– Не надо ничего во мне исправлять. Лично меня всё устраивает, – категорически не согласилась я с прожектами Семёнова. – Над собой лучше поработай.

Эдуард Аристархов действительно жил в центре, в квартире, которую снимала для него благотельница. По дороге к нему мы увязли в пробке. Пока стояли в ней, разругались в пух и прах.

В качестве иллюстрации к неадекватному поведению коллеги приведу один из наших диалогов.

– Афанасьева, чем это от тебя воняет? Дышать невозможно!

Я задохнулась, как будто меня ударили под дых. Вскоре, впрочем, совладала с дыханием.

– В каком смысле «воняет»? – уточнила я с едва сдерживаемым бешенством.

– В прямом. Новые духи, что ли? Купила в переходе? Пахнут как освежитель воздуха. Мой тебе дружеский совет: выброси их к чёртовой матери. И на будущее, не злоупотребляй ароматизаторами.

Это были абсолютно беспочвенные претензии. Я никогда не злоупотребляла парфюмом, предпочитая содержать в чистоте тело и одежду. Духи же выбирала с ненавязчивым ароматом, без резких нот и удушающих оттенков. По утрам наносила немного на шею и запястья. За Ларочкой, например, всегда тянулся «вонючий» шлейф. В приёмной вице-президента постоянно висело тяжёлое облако селективного парфюма, и ничего, Семёнов этого как будто и не замечал вовсе. Крутился там постоянно.

Выпад напарника был не только не обоснован, но и оскорбителен. Разве можно говорить подобное женщине? Да ещё в таких выражениях и таким тоном? Если у него вдруг разыгралась мигрень, от чего он болезненно реагирует на запахи, мог бы вежливо сообщить об этом. Я бы одарила его обезболивающим из своих запасов. Сейчас же даже цитрамона не предложу. Пусть мучается.

В общем, Семёнов был в ударе. Язвил и хамил без остановки. В конце концов, я не выдержала, сорвалась и наорала на него. Он на меня. Потом долго извинялись друг перед другом. Нам ещё работать вместе как-никак. Ненавижу пробки! Семёнова тоже ненавижу!

Правда, помимо ругани, мы успели выяснить, что вчера вечером в двадцать пять минут девятого кто-то снял дом Алины Коностовой с охраны, а в двадцать один ноль две поставил обратно. Кроме того, прибывшие в дом оперной певицы криминалисты умудрились обнаружить на сейфе отпечатки пальцев. Как выяснилось, вор особо не таился, весь сейф заляпал. Как внутри, так и снаружи. Это нам только на руку.

К дому молодого альфонса мы подъехали, натянуто переговариваясь на рабочие темы. До нужной двери добрались в гнетущем молчании.

– Эдуард? – поинтересовался Семёнов у открывшего дверь парня.

Тот кивнул, после чего айтишник помахал корочками перед его лицом.

– Можно войти?

– Проходите, – без особого энтузиазма ответил Эдуард и повёл нас на кухню.

Там по-хозяйски расположилась какая-то девица в обтягивающей майке и микрошортах. На вид ровесница Эдуарда.

– Котя, это кто? – поинтересовалась девица.

– Это из полиции. Иди в комнату, Настя. Мне нужно пообщаться с представителями закона.

Девица послушно поднялась и исчезла в комнате, бросив по пути заинтересованный взгляд на моего напарника. Я ещё сильнее обозлилась на Семёнова (Этот своего нигде не упустит! И что они все в нём находят? Он же хам психованный!) и развернулась к Эдуарду. Наш подозреваемый действительно чем-то походил на айтишника. Рядом они смотрелись как родные братья. Один типаж. Тёмные волосы, высокий рост, развитая мускулатура. Только у Семёнова лицо было мужественным, а у Эдика просто смазливym. И ещё, он оказался очень молод. Прямо-таки неприлично молод.

– Сколько вам лет? – не сдержала я интереса.

– Двадцать два. А что, это имеет какое-то отношение к тому делу, по которому вы хотите пообщаться? – настороженно спросил парень.

– Самое непосредственное, – прокомментировал Семёнов. – Скажи-ка нам, Эдуард, где ты был вчера вечером в половине девятого?

– Дома, – уверенно ответил парень. – А что?

– Кто-то может это подтвердить?

– Конечно. Настя. Мы вчера после универа поехали ко мне. И больше не выходили.

– Уроки учили? – съязвил Семёнов.

– А вам-то какое дело, чем мы занимались?

– А вот какое, гражданин Аристархов. Я только что принял заявление от некой гражданки Коностовой. Знаешь такую? Она твою учёбу оплачивает, которую ты сегодня прогуливаешь самым бесстыдным образом. Нехорошо.

– Не говорите ей про Настю, – поник гражданин Аристархов. – Пожалуйста!

– Я сам как-нибудь решу, что и кому говорить. Продолжим. Вчера вечером из дома известной тебе дамы пропала очень редкая и дорогая вещь.

– Я ничего у Алины не брал! – взволнованно перебил Семёнова парень. – Кроме того, что она сама дарила. И меня там вчера не было. Не верите мне, спросите у Насти.

– Я не верю тебе, не верю Насте, я верю криминалистам и результатам экспертизы. Дактилоскопической. Скоро эксперты присоединятся к нам и возьмут у тебя отпечатки пальцев. Надеюсь, ты не будешь возражать и препятствовать следствию?

– Не буду, – буркнул парень. – Берите.

Мы остались дожидаться экспертов и охранять подозреваемого, чтобы он не надумал скрыться. Хоть Эдик и пытался нас убедить, что ему некуда идти. Он сам предложил осмотреть квартиру, и Семёнов не поленился облазить все шкафы и пыльные углы однушки, после чего в расстроенных чувствах вернулся на кухню.

– Это ещё ни о чем не говорит, – не сдавался напарник.

Я кивнула, а затем обратилась к Эдуарду:

– Как вы познакомились с Алиной Рудольфовной?

А что? Мне же интересно!

– Случайно. Сидели в баре с друзьями. Отмечали двойное событие. Колян вернулся из армии, а Толик из тюрьмы вышел. Ну и тут Алина нагрянула с компанией. Шумные, весёлые, пьяные. И бабы все как на подбор. Староваты, конечно. Но красивые. Яркие, холёные – дорогие, в общем. Я до того дня таких тёток только издали видел. В навороченных тачках, возле крутых магазинов. А тут довелось вблизи рассмотреть. Ну и паялился на них как дурак.

– Что её занесло в тот бар? Вряд ли вы в дорогом ресторане торжество отмечали.

– Не в дорогом ресторане. Но и не в занюханном кабаке. Нормальное место, приличное. Танцы, караоке, все дела. Вы бы слышали, как она поёт! Это что-то нереальное! Ну, я принял для храбрости и пригласил её на танец. И закрутилось. Утром проснулся у неё дома. А дальше всё как-то само получилось. Помогла в универ поступить. Квартиру сняла, чтобы я от предков съехал. Ну, чтобы они глупые вопросы не задавали: где я и с кем. Вот, как-то так.

В конце рассказа Семёнову позвонили. Напарник поговорил по телефону, после чего сообщил:

– Эксперты отказались ехать. Пробка. Так что собирайся, гражданин Аристархов. Проедешь в отделение. Там и снимем отпечатки.

Парень не стал возражать. Оперативно собрался. Быстро и довольно прохладно выпроводил подружку и разместился на заднем сиденье «лексуса».

– Хорошо живет полиция, – не удержался от комментария Эдуард. Зря он так. Семёнов сегодня бешеный.

– Полиция живет по-разному, – ответил напарник. – А лично я живу хорошо. Не жалуюсь. Но на жизнь зарабатываю головой, а не другими частями тела.

Парень сконфуженно замолчал и до конца поездки не предпринимал попыток завязать разговор.

Пробка, к счастью, была только в одну сторону. До Управления мы добрались довольно быстро. Гражданина Аристархова обработали по полной программе. Сняли отпечатки, взяли показания и подпись о невыезде, после чего отправили восвояси.

Пока Семёнов возился с подозреваемым и готовил заявление о краже от имени оперной певицы, я пила чай с конфетами в комнате отдыха и читала книжку в телефоне.

– Афанасьева, от такого количества сладкого у тебя жопу разнесёт и лицо прыщами покроется.

Ну конечно. Наш великий и ужасный.

– Ты достал уже, Семёнов! Что тебе от меня надо?

– Лично мне от тебя ничего не надо, Афанасьева. Нас начальство желает видеть. Соизволишь пройти? Можешь кулёк с конфетами с

собой прихватить.

Я вылетела из комнаты, шарахнув дверью. На глазах вскипали злые слёзы. Господи, когда уже закончится это дурацкое задание и я смогу вернуться на работу, где с Семёновым даже здороваться не стану?

В кабинет оперов ворвалась злющая, как ведьма. Хотя я и есть ведьма. Только малость недоделанная. Захар Матвеевич встретил меня взглядом, полным сожаления и печали. Видимо, был хорошо знаком с характером своего подчинённого и от всей души сочувствовал мне.

Семёнов нарисовался следом. Ведун протянул ему какие-то распечатки.

– Вот, результаты экспертизы. И данные нового подозреваемого. Проходил недавно по делу о пьяном дебоше. Скатайтесь-ка к нему. Если я прав, дело закроем уже сегодня.

Вот радость-то! И я наконец избавлюсь от общества ужаленного в зад айтишника.

Парень принял бумаги из рук начальства. Пробежал глазами.

– Что ж ей так не везет с мужчинами-то? – раздражённо выдал Семёнов. – Хорошая женщина, а мужики через одного козлы или того хуже.

– Кто он? – заинтересовалась я трудной судьбой чудо-птицы.

– Муж. Бывший, правда. Предпоследний. Последний тоже тот ещё гад был. Хорошо, что сам помер, а то у меня руки чесались помочь. Вероятно, поэтому она на мальчиков и переключилась. Посчитала, что так безопаснее. Играет с ними, как со щенками. А потом отпускает во взрослую жизнь с отступным. Ладно, поехали, Афанасьева. Пора заканчивать этот балаган.

Я тяжело вздохнула и пошла за напарником, вспоминая всё хорошее, что было в моей жизни, чтобы случайно не залепить в него проклятьем.

Наш новый подозреваемый поселился в области. К счастью, недалеко от МКАДа. Жил бы дальше, мы бы до него не добрались. Поубивали бы друг друга по дороге. Я была близка к тому, чтобы отобрать у Семёнова пистолет и выпустить в него всю обойму. К концу поездки нервные клетки закончились. Я сидела в машине с прямой спиной, трясущимися побелевшими губами и сцепленными в замок

руками. Руки сцепила лишь для того, чтобы не зарядить Семёнову в челюсть.

Но вернёмся к подозреваемому. Он жил в однушке, купленной на средства бывшей жены. В квартире царило полное запустение. Она не знала ремонта, пожалуй, с советских времен. Древние бумажные обои потемнели и местами отошли от стен. Кое-где были оторваны клоками, и на нас глядела тоскливого вида жёлтая побелка. Крашеный деревянный пол имел совершенно невообразимый цвет. Похоже, он лет этак десять не встречался не то что с водой и тряпкой, но даже с веником. Подошвы ботинок прилипали к доскам и отрывались с мерзким чавкающим звуком. Хозяин сего жилища выглядел, нет, не как бомж, как опустившийся человек, знававший лучшие времена. В квартире было тепло, поэтому он встретил нас в заношенных семейных трусах и стоптанных тапках.

Узнав, кто мы и по какому делу, мужчина махнул рукой, приглашая следовать за собой. Мы с Семёновым осторожно крались мимо завалов, стихийно образовавшихся из пакетов с мусором и пустых бутылок. На кухне, куда нас привел радушный хозяин, также всё оказалось захламлено мусором, грязной посудой, обрывками газет и чем-то, в чём с немалым трудом опознавались остатки пищи, засохшей или заплесневелой.

Я, позабыв прошлые обиды, жалась к Семёнову. Он, в свою очередь, жался ко мне. И дело вовсе не во внезапно нахлынувших чувствах, которые охватили всё наше естество и заставили позабыть об окружающем мире. Отнюдь. Просто мы стояли на единственном относительно чистом островке среди помойки, и весь окружающий мир грозил обрушиться на нас и погрести под своей тяжестью и зловонием. Тут и одному человеку места мало. А нас двое. Не считая хозяина «пещеры сокровищ», который вольготно разместился на табурете за захламлённым столом и наполнил немытую рюмку какой-то мутной белесой жижей из трехлитровой банки. Мы с Семёновым обняли друг друга, как, должно быть, обнимались одиннадцать принцев-лебедей и Элиза, стоя на крошечном острове в бушующем океане тёмной ночью.

– Семёнов, я так больше не могу! Меня сейчас стошнит!

– Я понял, Арина. Иди на улицу.

– А ты? – Семёнова было жалко, но себя я жалела больше.

– Я тоже не собираюсь здесь задерживаться. Иван Сергеевич, собирайтесь. Поедете с нами. И захватите рубиновый гарнитур и паспорт. Даю вам десять минут. Пожалуй, подожду на лестничной площадке.

Я не бросила Семёнова в беде и осталась с ним возле входной двери, ожидая, пока оденется и выйдет бывший муж оперной примы. Мужчина собрался быстрее того времени, которое отмерил ему напарник. Теперь он выглядел немного пристойнее. Мятые заляпанные брюки, старое пальто неопределяемой расцветки и стоптанные, не по погоде лёгкие туфли. В одной руке он держал обшитую чёрным бархатом плоскую коробку, в другой сжимал кепку. Семёнов забрал коробку.

– Паспорт?

Мужчина продемонстрировал документ, удостоверяющий личность.

– Не отдам! – воспротивился он попыткам забрать паспорт. – Ещё неизвестно, кто вы такие и куда меня везёте. Вдруг продать надумаете.

– Ага, на органы. Интересно, найдется хоть один здоровый в этом изношенном организме?

– Я вас попрошу, молодой человек, – высокомерно возмутился хозяин квартиры. – Имейте уважение к людям старше вас.

Семёнов окинул мужчину тяжёлым взглядом.

– Что же вы встали, молодые люди? Ведите меня. Сдавайте властям.

Всю дорогу до Управления бывший муж Алины Коностовой нёс пьяный бред. Жаловался на жестокую жизнь, громко вздыхал и артистично всхлипывал. Когда стало совсем немоготу, Семёнов включил магнитола, прибавил звук. Мужчина продолжал что-то бубнить, но за басами и ударными до нас не доносилось ни звука.

В кабинете Семёнов занял свой рабочий стол, запустил компьютер и приготовился записывать признательные показания. Мужчина сотрудничать не согласился. Потребовал водки и женщин. Меня он за женщину не считал. Но я ни капли не расстроилась.

– Захар Матвеевич, сделайте что-нибудь! – взмолился парень. – Или у нас будет труп. Не мой, сразу предупреждаю.

– Успокойся, Алексей. Сейчас мы приведем Ивана Сергеевича в чувство.

– Нет, я не дамся! – закричал тот, нелепо размахивая руками. – Я не позволю! У меня есть честь, достоинство, права, Конституция! Это произвол! Не подходите ко мне! Не приближайтесь! Я вас боюсь!

Ведун, игнорируя вопли, подошёл к мужчине, который сжался на стуле, предполагая, видимо, что его сейчас будут бить. Лично я бы ему двинула, честное слово! Достал уже! Но Захар Матвеевич поступил гораздо гуманнее. Просто поводил ладонями над головой подозреваемого, от чего взгляд последнего приобрёл осмысленное выражение.

– Кхм... Мне бы водички, если можно, – хриплым трагичным голосом подло оклеветанного друзьями и близкими и незаслуженно гонимого человека произнёс мужчина.

Я налила воды из графина, протянула стакан. Мужчина жадно глотал воду, дёргая кадыком и роняя капли на худую, заросшую щетиной шею с синей обвислой кожей.

– Благодарю вас.

– Ещё?

Робкое:

– Если можно.

Когда он утолил жажду, Семёнов приступил к допросу. С полом и возрастом всё было понятно.

– Род занятий.

– Артист.

– Это мы уже поняли. А конкретнее?

– Я известный оперный певец. Солист Большого театра Муромов Иван Сергеевич.

– То, что вы Муромов Иван Сергеевич, нам известно. А вот насчет Большого театра – это, безусловно, новость, – съязвил коллега.

– Алексей, Иван Сергеевич действительно когда-то выступал в Большом театре, – вступился за мужчину ведун. – В оперной труппе. Баритон, если не ошибаюсь?

– Всё верно, – с достоинством кивнул бывший солист. – Серебряный голос России.

– А почему не золотой? – с прежней насмешкой поинтересовался Семёнов.

– Потому что золотой голос – это известная всем нам Коностова Алина Рудольфовна. Моя супруга. Бывшая, правда.

– И зачем же вы у бывшей супруги гарнитур увели?

– По личным мотивам.

– Планировали продать?

– Ни в коем случае! Какая пошлость! Как вы могли подумать! Я не такой! Я замыслил мечь. Страшную, коварную. Я хотел, чтобы она страдала, изводилась, мучилась. Подозревала всех. В том числе близких. Нет, близких в первую очередь! Чтобы она погрузилась в беспросветное отчаяние. Потом бы я вернул рубины, а она исполнилась благодарности.

– Бред какой-то! – прокомментировал Семёнов.

– Протестую!

– Что вам сделала супруга? Бывшая. Она же вас жильём обеспечила, помогает материально. За что ей мстить?

– За растрченную молодость! За загубленный гений! Вот за что.

– Белая горячка.

– Вы ничего не смыслите в жизни, юноша! Будь вы постарше, поняли бы меня. Проживи вы мою жизнь... Эх, да что там! Куда вам! Кому я объясняю!

– Вы не горячитесь. Объясните спокойно. Думаю, я смогу вас понять.

– Всегда на вторых ролях! Всю жизнь в тени! В тени блистательной, сиятельной и прочая. Тьфу! А ведь когда-то ради меня люди из Европы и Штатов приезжали. Пока Алина в Большой не пришла. После её появления меня перестали замечать, перестали ценить. Начали игнорировать, насмехаться, презирать. Но за что? За что, я вас спрашиваю?! Мерзкие людишки, гадкие, подлые завистники. Вокруг меня всегда были враги. И главный враг – она!

– И вы решили на ней жениться. Чтобы отомстить.

– О! Нет! Вы заблуждаетесь! Вы страшно заблуждаетесь! Никто и никогда не любил и не полюбит Алину так, как любил её я. Я боготворил её, поклонялся ей. Но она не ценила. Все эти бесконечные поклонники, любовники, покровители. Все эти овации и всеобщее восхищение. И всё ей одной. Как будто меня не существовало. И мне это смертельно надоело. Я устал. Я пропал. Я умер. Меня больше нет.

– Понятно... Часто вы у неё бываете?

– Случается. Не так чтобы часто. Но захоживаю время от времени. Она подает мне рублик на чарочку. А я что? Я беру. Это же из-за неё я

таким стал. Так что пусть платит. Компенсирует, так сказать.

Семёнов хмыкнул.

– Как достали ключи?

– Ничего я не доставал! Не надо грязных инсинуаций! Это мои ключи. Ключи от моего дома. Они всегда были у меня.

– Понятно. Код от сигнализации вы тоже знали?

– Конечно.

– А от сейфа?

– И от сейфа. Алина всегда отличалась рассеянностью и не думала о таких мелочах, как смена кода.

– Мда. За что и поплатилась.

– Что со мной будет? Каторга?

– Как суд решит. Может, каторга, а может, и плаха.

– Снова вы издеваетесь. Над больным человеком.

– Ну да, действительно. Алкоголизм – это болезнь. Как-то не подумал. Приношу свои извинения.

Иван Сергеевич тяжело, со всхлипом, вздохнул. Семёнов воспользовался паузой и принялся долбить по клавиатуре.

– Алексей, – обратился к нему ведун, – повремени с признательными показаниями. Позвони пострадавшей. В данных обстоятельствах многое зависит от её решения. Может, и не потребуется дело заводить.

Семёнов вышел в коридор. Отсутствовал он несколько минут, за которые бывший артист попытался добиться сочувствия к своей тяжелой доле. Я в очередной раз поразила терпению Захара Матвеевича. Он внимательно слушал опустившуюся звезду, кивал и временами даже вставлял что-то ободряюще-обнадёживающее.

Открылась дверь. Семёнов, стоя на пороге, обратился к мужчине:

– Вы свободны. Ваша бывшая супруга отзывает своё заявление.

Затем перевёл взгляд на ведуна.

– Захар Матвеевич, я выйду. Покурю.

Ведун кивнул.

Бывший певец тем временем засуетился, собираясь.

– Какое благородство! Какой подвиг души! Святая женщина!

Наконец этот неприятный человек убрался восвояси.

– Захар Матвеевич, вы же могли его вылечить?

– Мог.

– Но не стали.

– Но не стал. Не потому что не захотел. Не в этом дело. Иногда лучше не вмешиваться в судьбы людей. Вы, должно быть, полагаете, он проспится, осознает, в какой яме оказался, и постарается исправить ситуацию в лучшую сторону? К сожалению, вы заблуждаетесь, Арина. Да, проспится. Да, осознает. А после ужаснётся тому, что сотворил своими же руками, и я не про кражу сейчас говорю. Ужаснётся и полезет в петлю.

– Понятно. Безднадёжно оно всё как-то, – вздохнула я.

– Что поделаешь. Мы сами выбираем свою судьбу. И образ жизни. Но уже поздно для философских рассуждений, Арина. Вам пора домой.

Я посмотрела на настенные часы. Стрелка приближалась к десяти.

– Завтра на работу, – вздохнула я.

– Не завтра. В понедельник. Завтра у вас выходной. Более чем заслуженный. Спасибо, Арина. Вы нам очень помогли.

Я попрощалась и вышла на улицу. Семёнов стоял неподалёку. Курил. Судя по количеству окурков возле его ног, далеко не первую сигарету. Я подошла к нему, и он выбросил сигарету.

– Захар Матвеевич на завтра выходной дал. Вот. Я домой. На метро. Хочу немного пройтись. Пока, Лёша. До понедельника.

– Арина, подожди!

Семёнов схватил меня за руку. Потом отпустил, словно одумался.

– Арин, ты извини. Я вёл себя сегодня как... Ну, ты сама подберешь подходящую метафору и нужные эпитеты, я думаю. Я должен... Эх... Не могу... Ладно, проехали. Давай постоим пару минут в тишине.

Глава 6

Мой персональный ад

Не знаю, зачем я это сделала. То ли искреннее раскаяние Семёнова так повлияло на меня. То ли потому, что очень давно хотела, но никак не могла решиться. И вот, наконец, представилась возможность. Зря я это сделала, конечно. Видимо, опыт дня сегодняшнего ничему меня не научил.

Семёнов стоял практически вплотную ко мне. За время совместной работы я понемногу привыкла к его бесцеремонной манере вторгаться в личное пространство. И выражение лица у него в тот момент было какое-то возвышенное, одухотворённое, неземное. Как у влюбленного поэта. В общем, я совершила непоправимое. Качнулась к нему, встала на цыпочки и поцеловала в уголок губ. Надеюсь, что он перехватит инициативу. Но этого не случилось. Семёнов зажмурился, затем крепко стиснул мои плечи и отодвинул от себя, ещё и отступил на безопасное расстояние. А после посмотрел насмешливо и высокомерно. И этим своим взглядом словно вынес мне приговор.

– Знаешь, Афанасьева, а ты забавная, – усмехнулся Семёнов. И улыбочка у него вышла такая премерзкая. Было в ней и торжество победителя, и снисхождение к наивной дурочке, невесть почему возомнившей себе, что он – мечта всех женщин детородного возраста – выделил её из толпы обожательниц.

Меня как кипятком облили. Лицо и уши полыхали так, что могли освещать целый район. Земля закачалась под ногами. Мне никогда ещё не было так стыдно, как в ту минуту. Полный провал!

– Семёнов, ты не подумай только... Не знаю, что на меня нашло. Я не хотела...

Я что-то сбивчиво бормотала. Несла какой-то жалкий бред про выплеск адреналина, про то, что неправильно истолковала его поведение, ну и прочую ерунду в том же духе.

– Афанасьева, умолкни уже! – досадливо поморщился айтишник. – Понял я, понял, что на тебя помрачение нашло. Поэтому тактично сделаю вид, что ничего не было.

– Ничего и не было, – буркнула я, мечтая о том, чтобы в асфальте образовалась зияющая яма и поглотила меня в своем чреве или метеорит на меня упал, что ли. Но земля не торопилась разверзаться под ногами, а в тёмном небе не было ни единого блуждающего небесного тела. Что ж, придётся жить с несмываемым пятном на репутации.

– Так и я о том же. Ничего не было. И не будет. Я же говорил, ты не в моем вкусе. Отринь надежду и смирись уже.

Отринула и смирилась. Ну и гад же ты, Семёнов! Тактичный, ага!

– Ладно, я пойду, – пролепетала, еле ворочая языком. Во рту появился отвратительный привкус, будто я сжевала что-то тухлое. Усилиями воли сдержала непреодолимое желание сплюнуть на дорогостоящие ботинки Семёнова.

– Иди, – равнодушно откликнулся парень. – Подвезти не могу. Дела, сама понимаешь.

Кивнула, развернулась и пошагала на тяжёлых, налитых свинцом ногах куда глаза глядят. Лишь бы подальше от Семёнова и места своего грандиозного фиаско. Хотела уйти достойно, гордо и величаво, но пару раз споткнулась, едва не растянувшись на мокром тротуаре. Только этого сейчас не хватало. Трагикомедия моей жизни.

Я неторопливо брела от станции метро в сторону дома. В голове крутился диалог с Семёновым. Я с каким-то остервенелым мазохизмом по несколько раз воспроизводила особо неприятные моменты, акцентируя внимание на казавшихся важными деталях. Вот он презрительно прищурился, окидывая меня красноречивым взглядом с головы до ног, по которому несложно сделать вывод о том, что Семёнов на самом деле думает обо мне. Вот кусает губы, чтобы сдержать оскорбительный смех, пока я пытаюсь оправдаться за свой нелепый порыв.

И с чего я решила, будто что-то значу для него? Что нравлюсь ему? Ошибочно приняла его грубоватую заботу за нечто большее. Подумала, раз он является ко мне по утрам, кормит завтраками, постоянно сокращает дистанцию, как физическую, так и эмоциональную, значит, проявляет интерес. Иллюзии, всего лишь иллюзии. Это стиль поведения, а не заинтересованность твоими сомнительными женскими прелестями. Ты жалкое ничтожество, Афанасьева. Нелепая карикатура на женщину. Смирись и забудь.

Живи, как жила до Семёнова. Восстанови страницу в Тиндере. Ходи на бесконечные свидания, чтобы забить тоску от бессмысленности бытия, глотай литрами дешёвый кофе с прогорклым привкусом робусты в сетевых кофейнях, болтай ни о чём, смейся натянутым неумелым шуткам собеседника. В общем, будь как все.

Грудь теснило от нехватки кислорода. Я вдыхала холодный сырой воздух и никак не могла надышаться. Впору заподозрить заболевание лёгких. Глаза нещадно пекло, но слёз, как назло, не было. Прореветься бы сейчас, однозначно стало бы легче.

Краем глаза заметила злобещий сутулый силуэт, который преследовал меня несколько дней. Я развернулась, настороженно оглядываясь, но в тёмных переулках никого не было. Показалось, наверное. Чего только ни примерещится от переутомления и разочарования в жизни. Так действительно недолго параноиком стать. Приду домой и сразу лягу спать. Отосплюсь за всю неделю. Решено.

На подходе к дому меня остановила незнакомая девушка. Красивая, ухоженная, дорого и стильно одетая. Семёнову именно такие и нравятся. Глянцевые.

– Извините, вы мне не поможете? – обратилась она ко мне. – Я, похоже, заблудилась. Не подскажете, где Электролитный проезд?

– Сейчас, одну минуту. Посмотрю в карте, – ответила, несколько не удивившись просьбе. Я и сама не особо разбиралась в хитросплетениях улиц и переулков района, где обитала с недавних пор.

Девушка вместе со мной склонилась над светящимся в уличном сумраке смартфоном. Я не поняла, как у моего лица оказалась воняющая какой-то химической дрянью тряпка. А потом колени резко ослабели, и я рухнула в чёрный провал.

– Давай, открывай глаза, сука! – первое, что услышала, приходя в себя. – Я же вижу, ты очухалась.

Незнакомец сопровождал прочувствованную речь хлёстким ударом по щеке. Моей щеке. Лицо горело. Видимо, пощёчина была далеко не первой. Главное, чтобы она стала последней. Но нет. Мужчина посчитал, что реанимационные мероприятия следует продолжить, и отвесил мне ещё одну звонкую оплеуху.

– Хватит, – прохрипела я и попыталась поднять руки, чтобы защитить лицо от ударов. Но тело не желало слушаться. Я смогла лишь

слегка пошевелить пальцами.

– Ага! – торжественно изрёк мой мучитель. – Вик, она очнулась.

– Вижу, – раздался незнакомый хриплый голос. – Оставь нас, Серый. Я хочу побеседовать с гостьей наедине.

Серый послушно вышел. Громко хлопнула тяжёлая дверь.

Я осмотрелась. Заброшенное помещение, явно нежилое, скорее техническое, что-то вроде служебной комнатухи при производственном цехе, скудно освещала единственная лампа дневного света. Она постоянно мигала, издавая раздражающие визгливые щелчки. Вдоль выщербленных стен располагались остовы крашенных деревянных шкафов с выбитыми дверцами, валялись грязные тряпки и металлические детали неведомых механизмов.

Моё тело покоилось на грязном матрасе, брошенном на пыльный бетонный пол. Обзор интерьера закончился, когда взгляд упёрся в незнакомое мужчину. Он возвышался надо мной, мрачный и беспощадный, как всадник апокалипсиса. Я сразу узнала массивный сутулый силуэт. Именно этот человек преследовал меня последние дни. Выходит, моя паранойя не была беспочвенной.

– Что вам от меня нужно?

– От тебя? Ровным счетом ничего, – последовал равнодушный ответ.

– Тогда зачем... – хотела задать волнующий меня вопрос, но оборвала его на половине.

Понятно же зачем, Арина. Он маньяк-психопат. Поступки подобных ему людей не поддаются логике. Что ими движет? Звериные инстинкты? Наслаждение от вида чужих мучений? Своеобразное представление о чистоте человеческой породы, за которую следует бороться, избавляя землю от тебе подобных? Кто знает. Может, ты похожа на его мать, к которой у этого странного индивида длинный перечень претензий. Или на школьную учительницу, поставившую незаслуженную двойку. Или на первую любовь, которая предпочла другого. Так или иначе, отдуваться тебе. Так что не имеет смысла ждать адекватного ответа. Скорее всего, он замучает тебя до смерти, после чего порежет на куски, а затем раскидает фрагменты тела по всему городу, которые оттают по весне. «И между пальцами проклюнется трава, ты будешь счастлива, а посему – мертва»^[9]. Не бойся, милая. Ага.

– Зачем? Хороший вопрос, – задумчиво произнёс мужчина. – Мне нравится, что ты не закатываешь истерик. Понимаешь, что отсюда тебе не выбраться, и держишься, надо сказать, неплохо.

– Подождите немного. Вот приду в себя, ужаснусь от открывающихся перспектив и закачу такую истерику, мало не покажется.

Мужчина рассмеялся и присел на корточки, склоняясь надо мной, благодаря чему я смогла рассмотреть его лицо. Неестественно бледное, скорее даже серое, с тонкими бескровными губами и глубоко посаженными глазами, которые светились мрачным желтоватым светом. Если бы на мне сейчас были чудо-очки для выявления нежити, не сомневаюсь, увидела бы, как маньяка окружает голубое сияние с проблесками лазури. Передо мной был самый настоящий упырь.

– Милая малышка, – упырь провел большим пальцем по моим губам, и меня передёрнуло от отвращения. – Что, не нравлюсь?

– Вы же не собираетесь... Вот только не надо этого! Предупреждаю сразу, вам не понравится. Вы очень сильно разочаруетесь. Любовница из меня так себе. Уж поверьте на слово.

Упырь снова засмеялся.

– Забавная. Жаль такую в расход пускать.

– Так и не надо, – воодушевилась я. – Может, я вам пригожусь.

– Уже... Уже пригодилась, – загадочно протянул мужик и приложил ледяную ладонь к моей горячей щеке.

Чёрт с ним. Если ему настолько приспичило, то ради бога. Потерплю. Даже сделаю вид, что понравилось. Не в первый раз, в конце концов. Тем более на кону моя жизнь. Сделаю вид, что очень, прямо-таки невероятно понравилось.

– Ну ладно. Вам виднее, конечно. Если так сильно хочется. Только учтите, я сейчас не вполне дееспособна.

Бросила красноречивый взгляд на своё безвольное тело.

– Марго перестаралась, – досадливо поморщился упырь. – Но ничего, пара часов, и будешь в норме. А сейчас позволь скрепить наше знакомство.

Я тяжело вздохнула и натянуто улыбнулась, догадываясь, как именно оно будет скрепляться.

Мужик полез в карман джинсов, но вместо вполне ожидаемого в данных обстоятельствах пакетика из фольги достал складной нож. Он

что, резать меня будет? Прямо сейчас? А как же обещанная пара часов жизни?

Упырь поднял мою руку, поднес к своему лицу, а затем надавил лезвием на запястье. Я взвизгнула и зажмурилась. Почувствовала, как кожи коснулись чужие мокрые губы, и тихо завывала от ужаса. Мой безнадёжный вой сопровождался смачными причмокиваниями, издаваемыми упырем. Какой кошмар! Меня попросту сожрут! Лучше бы трахнул, ей-богу!

– Мерзость! – неожиданно выдал упырь, прерывая вечернюю (или ночную?) трапезу.

– Что, простите? – обалдело выдохнула я.

– Кровь твоя, говорю, просто отвратительна на вкус. Ты пила сегодня?

Задумалась на секунду, затем кивнула. Действительно, после инцидента с Семёновым я в неменяемом состоянии забрела в какой-то случайный паб, чтобы привести мысли и чувства в относительный порядок, и выпила бокал крафтового пива. Выбор оказался неудачным, так как пиво имело насыщенный полынный вкус. Но мне было настолько хреново, что это даже порадовало. Яркая выраженная горечь напитка приглушила горечь душевную.

– Не следует увлекаться. Ты знаешь, что женский алкоголизм неизлечим?

Я расхохоталась. Безудержно и громко. Настолько абсурдной была сейчас лекция о вреде алкоголя.

Упырь тем временем притащил аптечку, достал бинт и туго перемотал моё истерзанное запястье. Какая трогательная забота! Означает ли это, что я ещё немного поживу?

Упырь поднялся, отряхнул колени.

– Уже уходите? – с надеждой поинтересовалась я.

– Не переживай, – хмыкнул мужик, – не успеешь соскучиться.

Он ушел, а я осталась лежать на тонком матрасе в неудобной захламлённой комнатухе, в незнакомом заброшенном здании, которое находилось неизвестно где.

Меня била крупная дрожь. И непонятно было, вызвана она холодом или тело таким образом реагировало на пережитое потрясение. Мысли, одна гаже другой, роились в голове. Ситуация, в которой я оказалась, была абсолютно безнадёжной. Когда меня

хватятся на работе? Я же до сих пор числюсь в командировке. Станут ли Семёнов и Захар Матвеевич разыскивать меня? Не исключено, что Семёнов посчитает моё исчезновение закономерным после сегодняшнего нелепого разговора. Сделает вывод, что я избегаю общения с ним. Если так, то искать меня точно не будут. Решат, что Арина Афанасьева психанула и начала жизнь с чистого листа, в котором нет ни Управления, ни айтишника. Похоже, придётся самой себя спасать. Как-нибудь.

Я открыла глаза. К сожалению, вчерашнее похищение не было дурным сном. Я по-прежнему находилась в плену у упыря. По-прежнему моргала лампа дневного света. Вместе с тем в комнате, кроме меня, был ещё кто-то. В помещении раздавалось тихое пение. Судя по голосу, пела женщина. Пела тоненьким голоском, не попадая в ноты. У меня даже зубы заныли, так сильно она фальшивила. Атмосфера как в дешёвом фильме ужасов.

Alouette, gentille alouette,

Alouette, je te plumerai.

Je te plumerai la tête.

Et la tête! Et la tête!

Alouette! Alouette!

Je te plumerai le bec.

Et le bec!

Et la tête!

Alouette! [\[10\]](#)

— Достаточно! — взывала я, не желая дальше слушать отвратительное пение о трагической судьбе несчастного пернатого.

Подскочила на неудобной лежанке. Сгруппировалась, готовясь дать достойный отпор любительнице жестокого обращения с беззащитными птицами. Уж с девчонкой-то я справлюсь как-нибудь.

— Bonjour. Ça va? — поинтересовалась у меня вчерашняя похитительница.

— Merci. Très bien, — ответила я на автомате и осеклась.

Вряд ли моё положение можно охарактеризовать даже как сносное. И уж тем более его никак нельзя назвать очень хорошим.

Девица оценила абсурдность ситуации и рассмеялась.

– Вик не соврал, ты действительно довольно забавная, – она говорила с едва заметным акцентом. Вчера вечером я не обратила на него внимания.

– Ты Марго?

Девушка кивнула.

– Француженка?

Она снова кивнула.

– А здесь-то ты что делаешь? – поинтересовалась я, подразумевая не столько страну, сколько убогий антураж помещения и неподходящую компанию.

– Мне нравится Москва. Такой живой город! – с нескрываемым восхищением произнесла похитительница. – Постоянно в движении, и днём, и ночью. Только здесь и чувствую себя человеком.

– А у упырей что забыла? Захотелось острых ощущений?

– Я сама *goule*. Так что где мне ещё быть? И потом, Виктор такой *charmant*. В нём столько жизни, столько драйва! С ним намного интереснее, чем с моими занудными соотечественниками. Тебе он тоже, наверное, понравился? – упырица хитро посмотрела на меня, ожидая ответа. И я понимала, что от моей реакции зависит дальнейшее её отношение ко мне.

– Я бы так не сказала, – меня ощутимо передёрнуло от вчерашних воспоминаний, но я постаралась быть максимально тактичной. Не говорить же Марго, что её парень – мразь полная. Неизвестно, как она себя поведёт. Влюблённые девушки не терпят, когда им говорят правду об их избранниках.

– Хорошо. Вик мой. Запомни это, милый жаворонок.

– Даже не думала претендовать.

Упырица кивнула, довольная ответом. Потом указала рукой на предметы, которые появились в комнате, пока я спала. Возле её ног стояла большая канистра с водой, таз и пара свёртков. Один из них с логотипом Макдональдса.

– Приведи себя в порядок. Поешь. Потом Вик навестит тебя.

– Надолго я здесь?

– Как Вик решит. На твоём месте я бы не торопилась. Ты мне нравишься, жаворонок, поэтому я дам тебе один совет. Не зли Вика, если хочешь пожить ещё немного.

Упырица подмигнула и вышла. Я слышала, как поворачивается ключ в замке.

В большом свёртке обнаружили гигиенические принадлежности и одежда: чистое бельё, футболка, спортивные штаны. В пакете из Макдональдса – бургер, картошка фри и бутылка с водой.

Пока я утоляла голод, обратила внимание на бухающие звуки, от которых временами вибрировал пол, и приглушённый гул тяжёлой техники. Складывалось впечатление, что где-то неподалёку, совсем рядом, идёт стройка. А это значит, что поблизости есть нормальные люди, которые сумеют мне помочь. Надо только как-то добраться до них.

Вик, по моим ощущениям, появился через час. К его приходу я успела перекусить, вымыться холодной водой и переодеться.

– Доброе утро, – поприветствовал меня мой тюремщик.

– Позвольте не согласиться, – довольно дерзко ответила я и осеклась, памятуя о предостережениях Марго.

Погрустнела, опустила глаза долу, как покорная невольница, выставленная на продажу. Упырь оценил мизансцену и громко хмыкнул.

– Присядем? – указал на мою лежанку.

Я послушно направилась к матрасу, села, поджав ноги. Упырь устроился рядом. Я очень хотела оказаться от него как можно дальше, забиться в один из поломанных шкафов и сжаться там, накрывшись валяющейся на полу ветошью. Но понимала, это бесполезно, мне его не разжалобить. Мои панические метания только позабавят или, что намного хуже, раззадорят упыря.

О том, чтобы расправиться с ним собственными силами, мечтать не приходилось. Он был намного крупнее и сильнее меня.

Я могла бы соврать, сказав, что сохраняла спокойствие и вела себя как ни в чём не бывало, чтобы упырь не подумал, будто ему удалось сломить меня. Увы, но это не так. Меня уже сломил сам факт, что я оказалась в лапах какого-то отмороженного подонка и его банды. Что они могут распоряжаться моей жизнью так, словно она ничего не стоит, упиваясь при этом своей властью над беззащитным человеком. Ощущение тотальной беспомощности заставило меня закаменеть. Я будто льдом изнутри покрылась.

– Ты Арина Афанасьева?

Заторможенно кивнула. Неужели мои персональные данные имеют для него какое-то значение?

– Подчиненная Захара, ведуна из Управления, и подружка Алексея Семёнова?

– Не подружка. Просто коллега.

– Мне так не показалось. Я долго наблюдал за вами. Не пытайся защищать его. Это не в твоих интересах.

Упоминание о Семёнове и намёк на наши возможные отношения встряхнули меня.

– Больно надо! Мы с ним не встречаемся. Поверьте на слово. Я для него, видите ли, недостаточно хороша.

– И такое бывает, – философски ответил упырь. – В любом случае скоро станет понятно, насколько ты дорога своим коллегам.

– Так вот почему меня похитили! Хотите выйти на Захара Матвеевича и Семёнова?

– Именно.

– Зачем они вам?

– У ведуна мой брат. Он, конечно, тот ещё недоумок. Но другого у меня нет. Кроме того, к Захару у меня давние счёты. Он моего батю упокоил. У нас такое не прощают.

Я вспомнила своё боевое крещение. Тот день, когда словила пулю. Перед глазами всплыло лицо упыря, бросающего оскорбительные реплики в мой адрес. И рассказ Захара Матвеевича. Всё-таки ошибся старый ведун, второй брат жив и вполне себе здоров.

– А Семёнов вам зачем понадобился?

– Этот мелкий гадёныш успел напакостить. Сорвал пару крупных сделок. Положил серьёзных людей. И существенно попортил мне шкуру. Теперь мой ход.

– И вы решили использовать меня.

– Так уж вышло. Ничего личного, – развёл руками упырь. – Не замети они моего непутёвого братца, я, быть может, ещё стерпел бы обиду. Но теперь никак. Надо вытаскивать родственника. Упыри на зоне долго не живут. Условия не те. Заодно рассчитаюсь за старые дела.

– Вы планируете обменять меня на брата? – с нескрываемой надеждой поинтересовалась я.

– Мне нужно, чтобы они так думали.

– А на самом деле?

– Извини, малышка, но ты отсюда уже не выйдешь.

– Но почему? Я-то вам что плохого сделала? – голос задрожал и сорвался.

Я едва сдерживалась, чтобы не разрыдаться. Так же нечестно! Если у тебя претензии к Семёнову, с ним и разбирайся. Меня-то зачем в это втягивать? У меня, может, тоже к Семёнову длинный перечень претензий. И пока я тут из-за него умираю, он в тепле и уюте трахает гламурную Ларочку или же снисходительно принимает благодарность одной раскормленной престарелой оперной курицы.

– А ты, дорогая моя, – шмара ментовская, – ласково пояснил упырь. – И одного этого уже достаточно, чтобы разодрать тебе глотку. Мои ребята не поймут, если я тебя отпущу. Авторитет не так просто заработать, чтобы спустить его ради какой-то левой тёлки. Я доходчиво объяснил?

– Вполне, – поникла я. – И когда меня... Когда мне глотку раздерут?

– Пару дней ещё поживешь.

– И на том спасибо.

Упырь провёл рукой по моим волосам. Я дёрнула головой. Отодвинулась подальше.

– Больно не будет. Обещаю, – утешил тюремщик и будущий палач.

А дальше начался кошмар. Более чем реальный. Упырь потянулся к моей руке. Той самой, обмусоленной им намеренно. Я шарахнулась от упыря. Он скрутил меня, повалил на пол, навалился сверху своей здоровой тушей, зубами разодрал бинт и присосался к запястью, делая жадные глотки. Похоже, в этот раз у него не было претензий к качеству моей крови. Почти сразу в глазах потемнело, зазвенело в ушах, сердце лихорадочно заколотилось. Когда упырь слез с меня, я могла лишь вяло попискивать и смаргивать слёзы. Он закинул меня на матрас, с которого мы скатились в ходе неравной борьбы, обработал и забинтовал рану, после чего ушел.

Я валялась на матрасе сломанной куклой. Сил не было. От потери крови мутило, перед глазами плясали чёрные круги в сопровождении мерцающих искр. Сердце гулко и тяжело бухало в груди. Лихорадило от холода. Болела голова. И очень сильно хотелось пить. Я посмотрела

в сторону початой бутылки с водой. До неё шага три, не больше. Но я не в состоянии была проползти даже это короткое расстояние. Свернулась калачиком, прижав колени к груди и обхватив себя руками, чтобы хоть как-то согреться. Так и лежала, балансируя на грани сознания, скатываясь в серую муть и возвращаясь обратно, к визгливой лампе дневного света.

Через несколько часов загремел замок на двери, в комнате появилась Марго.

– Как ты, бедный жаворонок? – участливо поинтересовалась она.

– Ненавижу вас, твари! – простонала я.

– Что ж, вполне закономерно. Не могу тебя осуждать. Я принесла еды, – Марго поставила передо мной новый пакет из Макдональдса. – Может, у тебя есть какие-то особые пожелания?

Я фыркнула. Забота упырицы больше походила на изощрённое издевательство. Но раз она предлагает, почему бы не воспользоваться?

– Есть. Принеси мне побольше воды и одеяло. Иначе долго я не протяну.

Как ни странно, мои пожелания были тут же исполнены. Марго вернулась с двумя бутылками воды и пледом. Помогла напиться, после чего заботливо укрыла меня и пожелала спокойной ночи.

После ухода упырицы я задумалась: а не попросить ли у неё помощи? Вроде бы она мне ничего плохого пока не сделала, если не брать в расчёт участие в похищении. Наоборот, проявила заботу. Может, сердце у неё не только для того, чтобы кровь по телу гонять? Или что оно там у них гоняет? В любом случае хуже не будет.

Время текло непонятным образом. Сутки я отмеряла по визитам тюремщиков и уличному гулу, который просачивался сквозь стены моей тюрьмы.

Состояние шока сменилось лихорадочным поиском выхода из ситуации. Моё сознание отказывалось сдаваться.

Следующим утром Марго появилась с огромной канистрой воды, которую легко держала одной рукой. В другой был, как ни странно, шампунь популярной марки.

– Пора принимать ванну, жаворонок, – сообщила упырица.

– Не то чтобы я была сильно против, но к чему такая забота о гигиене смертника? – вполне искренне удивилась я.

– Такого пожелание Вика.

– Понятно. Что ж, желания Вика для меня закон.

Марго тихо рассмеялась.

Она помогала мне умыться, держа на весу канистру, пока я намыливала и полоскала волосы, которые за два дня без расчески свалились и имели довольно непрезентабельный вид. Потом сушила и расчёсывала их, в то время как я, облачившись в свой тюремный наряд, утоляла голод вчерашним бургером.

– У тебя красивые волосы, – сделала неожиданный комплимент упырица.

– Спасибо, – прошамкала я, едва не подавившись котлетой.

Интересно, все упыри французской национальности со странностями или только мне так повезло? Конкретно эта особь возится со мной, словно я её новая игрушка. Моет, кормит, причёсывает. Сейчас, наверное, повяжет на голове пару белых бантиков и попросит прочитать стишок. А я что? Мне не жалко. Лишь бы отпустили.

– Марго, – жалобно протянула я, дожевывая остатки бургера, – помоги мне выбраться отсюда. Пожалуйста! Я что угодно для тебя сделаю! Клянусь! Все деньги отдам, какие есть. Их не то чтобы очень много, но и немало. Я на квартиру копила.

– Даже не проси, – вздохнула упырица. – Ты мне нравишься, жаворонок. Но я не смогу тебе помочь. Вик меня упокоит. А я жить хочу не меньше тебя. Я ещё слишком молода для того, чтобы умирать.

– Я тоже, – всхлипнула я. – Двадцать семь недавно исполнилось. Я столько всего планировала сделать. Квартиру купить, по миру поездить. Ничего не успела, ничего не увидела. Даже замуж и то не сходила. Не то чтобы сильно хотелось, но все девушки туда так рвутся. А я чем хуже? Хотя вести от тех, кто там уже побывал, не сказать что очень вдохновляющие. А тебе сколько? Двадцать? Двадцать пять?

Марго можно было дать и восемнадцать, однако ее поведение не соответствовало образу совсем юной девушки.

– Чуть больше пятидесяти, – ответила упырица, кокетливо опустив глаза.

– Сколько? – ахнула я.

– Пятьдесят девять, если честно. Только это между нами.

– Само собой. Я никому. Пятьдесят девять! Обалдеть! Вы совсем не стареете, да? И не умираете? То есть то, что пишут в книгах и показывают в кино, – правда?

– Нет, то, что в книгах и фильмах, – полная ерунда. Мы тоже стареем и умираем. Но живём намного дольше обычных людей.

В голове родилась безумная идея. Я развернулась лицом к упырице.

– Послушай, Марго, зачем вам убивать меня? Сделайте меня такой же, как вы. Ну, после того как Вик уладит все свои дела с Управлением. Вы не пожалеете! Я ответственная, исполнительная, легко обучаюсь, умею работать в команде. Проблем со мной не будет, честное слово!

А что? По-моему, отличная идея! Выбраться отсюда не только живой, но и несколько усовершенствованной. Пройти апгрейд, так сказать. Лично меня перспектива старения пугает до дрожи. Каждая новая мимическая морщина вгоняет в пучину отчаяния. А ведь это только начало. Обещанные Захаром Матвеевичем полная аскеза и мутный Ковен со своими непонятными требованиями отступили на второй план. До этого ещё дожить надо. А тут такая возможность. Ради продления молодости пить кровь? Да с радостью! Обещаю, ни один человек не пострадает! Даже самый нехороший. Буду, как семейство Калленов, охотиться на бродячих котов. И на белок в Нескучном саду.

– Всё совсем не так, как ты думаешь, жаворонок. Вампирами не становятся. Мы такими рождаемся. От мамы-вампира и папы-вампира.

– Какая жалость!

– Что поделать. Не грусти, жаворонок. Все мы когда-нибудь умрём. Кто-то раньше, кто-то позже. В раннем уходе есть своя прелесть. Зато ты не состаришься. И потом, я устрою тебе чудесные похороны. Ты будешь очень красивая, обещаю. Только представь, белое шёлковое платье до колен. Я уже присмотрела одно.

– Дорогое хоть?

– О да! Ещё какое! Но не переживай, я могу себе это позволить. Ты же моя подруга, а для друзей ничего не жалко. Я уложу твои волосы в красивую причёску. Вот тут мы немного приподнимем, а здесь сделаем локоны, – новоявленная подруга стала перебирать мои влажные пряди, пытаясь объяснить, какая именно причёска будет украшать мою мёртвую голову. Моя пока ещё живая голова

разрывалась на части от неприятия происходящего. – Брови нужно будет оформить и подкрасить. Ты их сильно запустила. Но мы это исправим. Немного теней на веки и блеска на губы. Будешь просто загляденье!

Упырица зажмурилась, предаваясь приятным фантазиям на тему предстоящих похорон. Моих похорон! Она ненормальная! Без сомнений. В детстве с куклами не наигралась. Теперь компенсирует. Но играть в похороны! Это как-то чересчур. Господи, помоги мне! Услышь меня! Вытащи отсюда! Я буду очень-очень хорошей девочкой. Перестану пить, курить и материться. Только спаси меня! Я в монастырь согласна... Хотя нет, что-то я погорячилась. В общем, просто спаси. Тебе же несложно, правда?

– Не хочу, – я замотала головой так, что слёзы полетели в разные стороны. – Не хочу так! Хочу от старости. И чтобы семья... Чтобы было кому наследство делить.

– Не плачь, жаворонок, не надо! – упырица обняла меня, принялась гладить по голове и уговаривать смириться со скорой кончиной. – Я всё сделаю аккуратно. Ты не почувствуешь боли. Просто уснёшь и не проснёшься.

Марго, наверное, наговорила бы ещё много чего «жизнеутверждающего», если бы в помещении не появился Вик. Он рукой указал на дверь, и упырица без возражений поднялась и вышла.

– Смотрю, вы подружились, – заметил Вик.

– Я бы так не сказала. Марго нужна была новая игрушка, и она её получила. На время.

– Марго нужны муж и дети. Но тебя это не касается, – резко ответил упырь. – Ты помылась?

– Да. А это так важно для вас? Ну, чтобы я непременно была вымыта до скрипа. Брезгуете питаться потными людьми?

Вик хмыкнул.

– Угадала. Был в моей жизни непростой период. Благодаря нашим общим знакомым. Доступ к необходимым для выживания препаратам мне перекрыли. Так что приходилось кормиться всяким мусором с улицы. Бомжи, знаешь ли, весьма сомнительный деликатес. Чрезмерно ароматный, на мой взгляд.

– Даже знать не хочу! – меня затрясло от отвращения. Не к несчастным согражданам, попавшим в трудную жизненную ситуацию.

А к одному конкретному упырю, которому я с превеликим удовольствием всадила бы осиновый кол в чёрное сердце и запихала в рот и другие отверстия несколько килограммов чеснока.

– Приятно, когда тебя понимают, – по-своему расценил мою реакцию упырь. – Это облегчает дальнейшее общение. Надеюсь, сегодня ты не будешь сопротивляться? Справиться с тобой труда не составит. Боюсь только, что случайно сломаю тебе пару костей. А нам это ни к чему. Не так ли?

Я протянула перебинтованную руку и демонстративно отвернула лицо. Имею право хоть на какой-то знак протеста.

Вик оценил мою покорность. Аккуратно присел на матрас, размотал бинт на запястье. Резко дернул, отрывая пристывшую к коже часть бинта с коркой запёкшейся крови. Я вздрогнула и зашипела от боли. Упырь сжал моё плечо, вынуждая оставаться на месте. Можно подумать, я могла от него убежать. Потом он приступил к трапезе. Через несколько секунд в голове загудело, и я навалилась на него, теряя сознание.

Когда пришла в себя, в комнате никого не было. Ни Вика, ни странноватой Марго. Преодолевая слабость и головокружение, опираясь о стену, поднялась на ноги. Лежать больше не могла. Почему-то лежащая голова больше подвержена безысходным мыслям. Разминая одеревеневшие мышцы, тихо ойкая от боли в искусанной руке, я бродила из угла в угол. Такие нехитрые действия отнимали бездну сил и требовали нешуточной концентрации, что позволяло на время забыть о тяготах нынешнего положения.

Я уже почти пришла в норму, когда загремел замок, а потом дверь распахнулась, с силой ударившись о стену, отчего с потолка посыпалась штукатурка.

Появление Серого, упыря-реаниматолога, оказалось для меня неожиданностью. Всё-таки предполагалось, что до момента встречи с сотрудниками Управления я представляю для Виктора какую-то ценность. Но, похоже, это было далеко не так.

Серый выглядел агрессивно. На его опухшей дегенеративной морде отчётливо читалось желание отыграться на ком-нибудь за собственные жизненные неудачи. А кто здесь самый незащищенный и менее всех способный дать отпор чужой агрессии? Над кем можно безнаказанно издеваться? Правильно, над Ариной Афанасьевой.

Упырь стоял в дверном проёме, держась за косяк и покачиваясь. Был он то ли пьян, то ли под кайфом. И от этого становилось ещё страшнее.

– Ну, приветик, красавица. Скучаешь тут одна, наверное. Вот, пришёл компанию составить. Ты же меня не прогонишь? – хриплым голосом, еле ворочая языком, проговорил упырь.

Я не спешила отвечать, понимая, что любое моё слово будет воспринято превратно и переиначено на выгодный обдолбанному гопнику лад. Но и испуганное молчание оказалось достаточным поводом для того, чтобы завестись.

– Что, падла, брезгуешь? Моё общество для тебя недостаточно... Как там его... – щёлканье узловатыми пальцами с грязными ногтями в попытке подобрать подходящее слово сопровождалось причудливыми движениями лицевых мышц. – О, вспомнил! Приемлемо! Во! Недостаточно приемлемо!

Упырь отлепился от косяка и нетвердой походкой направился ко мне.

Я отскочила к самой дальней стене.

Упырь шёл на меня, раскинув руки, будто собирался ловить минимум троих. По амплитуде его движений несложно было понять, что каждое движение даётся ему с трудом. Передвигался он только за счёт инерции, перекидывая массивное тело с одной ноги на другую так, словно сваи заколачивал. Даже пол сотрясался от его походки. Чем, интересно, он накачался до такого состояния?

Но уточнять это я у него не стала. Равно как и не стала спрашивать, что он планировал сделать с беспомощным пленником. Страх придал мне сил и, кажется, бог услышал мои молитвы. Я нашла выход из безвыходной ситуации.

Поднырнув под вытянутую руку, толкнула неустойчивого дебошира в спину и бросилась к открытой двери. Туда, где меня ждали вожаемые свобода и спасение.

Преодолеть препятствие в виде завалившегося на бок упыря удалось довольно легко. Открытая дверь вела в просторное тёмное помещение, которое когда-то было производственным цехом, где по-прежнему стройными рядами стояли останки конвейера.

Несмотря на отсутствие освещения, цех просматривался неплохо. Соседняя с моим узилищем дверь была приоткрыта. Полоска света из

дверного проёма, разбивала сумрак цеха жёлтым срезанным конусом. В окна, местами лишённые стёкол, заглядывали редкие огни уличных фонарей.

Из приоткрытой двери донёсся дикий омерзительный гогот, затем послышались громкие щелчки, сопровождаемые шипением. Упыри открывали банки с пивом.

Я шмыгнула в густую тень ближайшего ко мне станка. Переждала, пока сердце придёт в ритм, близкий к привычному, а дыхание выровняется. Спустя несколько минут решила на марш-бросок до следующего станка. Затем до другого. Так, короткими рывками перебегала от одного чернильного пятна к другому, прячась за массивными монументами когда-то безостановочно работавшей производственной линии.

Иногда, когда мне казалось, что я слышу крики бросившихся на мой поиск упырей, я ненадолго замирала, вжимаясь в измазанный машинным маслом и железной стружкой холодный скелет станка. Стоя на коленях, зажимала рот обеими руками, пытаюсь загасить судорожные хрипы и всхлипывания. Потом, понимая, что погоня померещилась, делала очередной рывок.

Так, попетляв по вымершим помещениям, я добралась, наконец, до выхода. Крепкая железная дверь была приоткрыта. Я протиснулась в щель и вывалилась наружу.

На свободе шёл дождь со снегом. Градуса три со знаком плюс. Не больше. На мне футболка, штаны от спортивного костюма и хлопковые носки. До цивилизации минут десять резвым аллюром, а то и больше. Я видела впереди огни МЦК и платформы для электричек, и, кажется, поняла, где нахожусь. Здесь действительно была стройка. Вдалеке маячили высотки нового района и остовы будущих жилых домов.

А теперь вперёд и только вперёд! Не останавливаясь. Босиком по промёрзшей грязи, вдоль мёртвых цехов когда-то знаменитого на всю страну завода. Навстречу цивилизации. К людям, которые спасут, которые помогут.

На станции МЦК должна дежурить полиция. Один звонок, и Управление примчится за своим внештатным консультантом и разнесёт к чертям упыриное гнездо! Только не останавливаться!

Я пробежала всего несколько метров, не чувствуя холода, не обращая внимания на сырость, наслаждаясь внезапно обрётённой

свободой, когда меня схватили за волосы. Сильный рывок, и я, по инерции продолжая молотить по воздуху ногами, упала в грязь.

А потом услышала ненавистный хриплый голос:

– Какая ты шустрая, малышка.

Глава 7

Вечер стрелецкой казни

Вик тащил меня на себе, перекинув через плечо. За ним следовали бледная, с горящими inferнальным пламенем глазами Марго и четвёрка незнакомых мне молодчиков, наверняка из упыриного племени.

Меня вернули в узилище. Скинули на матрас.

У входа в комнату, опершись о стену, на полу сидел Серый. Его лицо превратилось в распухшее кровавое месиво.

– Уберите это, – распорядился Вик, махнув рукой в сторону Серого. – И чтобы я его никогда больше не видел. Вам ясно?

Упыри моментально отреагировали на окрик своего бригадира. Вяло упирающегося Серого куда-то уволокли.

– Марго, выйди!

– Вик, – жалобно начала упырица, – Вик, пожалуйста, не надо! Любой на её месте поступил бы так же. И я, и ты. Вик, пожалей девочку!

– Выйди, я сказал!

Марго подчинилась, подарив мне прощальный взгляд, полный тоски и сожаления.

Вик нависал надо мной, сложив руки на груди.

Не знаю, что он планировал со мной сделать: хотел ли проучить за попытку побега, напиться ли моей хмельной от адреналина крови, но я совершенно точно спутала его планы.

Я решила не дожидаться расправы. Кинулась на него с диким криком, вцепилась в лицо ногтями, оставляя кровавые борозды, принялась пинать его, лупить кулаками и, кажется, даже укусила за руку, когда он пытался от меня отмахнуться. Закончилось наше общение тем, что я отлетела от упыря, впечатавшись в стену и основательно приложившись о нее головой.

Грохнула дверь, загремел засов. Вик решил прервать диалог.

Вик, но не я.

Я билась в запертую дверь, колотила ее кулаками, сбивая в кровь костяшки пальцев, царапала, ломая ногти, орала диким зверем.

Материлась, проклинала Вика и весь его род, всех его поделщиков и их родственников до седьмого колена, снова материлась и снова проклинала. До тех пор, пока не свалилась без сил на пол прямо под дверь.

Проснулась от болезненных толчков тупым предметом. Кто-то пытался попасть в мои апартаменты, на пороге которых валялось моё практически безжизненное тело. Тупым предметом оказалась дверь.

Я издала слабый хрип. Связки были сорваны вчерашней истерикой. В горле саднило и пекло, кожу лица стянуло от слёз и грязи, всё тело болело так, словно меня отпинали Вик и его команда.

– Жаворонок! – всхлипнула Марго, едва ей удалось просочиться через щель в двери. – Seigneur tout-puissant! Alouette!^[11]

Марго принялась хлопотать вокруг меня. Я не сопротивлялась. Мне даже банальное шевеление пальцами давалось с трудом.

Упырица раздела и умыла меня так легко, словно я была куклой. Да я и вправду стала для неё чем-то вроде куклы или милого домашнего питомца, скотч-терьера, например. Она долго сокрушалась по поводу грязного колтуна, в который превратились мои волосы. Марго тщательно намывала и расчесывала их. После умащивала меня своими кремами и даже духами побрызгала.

Чуть позже мне принесли новую арестантскую робу.

Всё стало как прежде. И к Марго вернулась привычная жизнерадостная болтливость. Любимая кукла снова выглядела нарядно.

Единственное, что печалило прекрасную *goule*, так это то, что кукла категорически отказывалась принимать пищу. Чисто вымытая, переодетая в новую одежду, она лежала на своей кровати и никак не реагировала на уговоры откусить хотя бы кусочек биг-мака или съесть крошечную картошечку фри.

Заглянувший на огонёк Вик, а зашёл он, наверняка, с целью напиться живительной влагой, понаблюдав за происходящим и отбыл ни с чем.

Марго весь день пронянчилась со мной, игнорируя мою апатию. Рассказывала сказки, пела, отчаянно фальшивя, детские песенки на французском, пихала мне в рот куриные наггетсы, размазывая по лицу жир и соус. Она определенно страдала каким-то психическим заболеванием.

В конце дня, утомившись от её присутствия и самой ситуации в целом, я надсаженным голосом прохрипела:

– Марго, убей меня.

Упырица захлебнулась очередной песенкой.

– Жаворонок!

– Я устала, Марго. Мне всё надоело. Убей меня, пожалуйста. Тебе же несложно.

Не знаю, что накатило на меня и почему я высказала столь странную просьбу. Ещё вчера мне страстно хотелось жить. Просто жить: дышать, смеяться, плакать, страдать от боли в разбитом сердце. Теперь же меня охватили уныние и полное, беспросветное отчаяние. Провалившаяся попытка побега, когда спасение было так близко, попросту уничтожила меня. Мысль о том, что ещё несколько дней придётся существовать в ожидании конца, считая часы и минуты до этого мига, вздрагивая от каждого шороха, каждого шага тюремщиков в страхе перед тем, что они идут забрать мою жизнь, вызывала тошноту. Мне неведомо, что ждёт меня по ту сторону. Хочется верить, лучший мир. По эту же сторону мир являл свой жуткий оскал. Я сдалась, но мне не было стыдно.

– Нельзя, жаворонок, – печально ответила упырица, нежно гладя меня по голове. – Ещё не время. Ты пока нужна Вику живой.

– Жаль.

– Не переживай. Уже недолго, – успокоила «подруга».

– Когда?

– Завтра. Это случится завтра. Я договорилась с Виком. Он разрешил мне выпить тебя. Не бойся, жаворонок. Я буду очень нежной. Обещаю. А ещё я купила тебе платье. Хочешь посмотреть? – с воодушевлением спросила упырица, полагая, что лицемерие похоронного наряда должно меня растормошить и обрадовать.

Может, мне его примерить ещё? И сделать в нём парадный снимок? С закрытыми глазами и сложенными на груди руками? Бред какой-то! Скорей бы это закончилось! Я согласна на любой финал, лишь бы прекратить затянувшийся кошмар.

Марго ушла, оставив меня наедине с унынием.

Моя последняя ночь.

Я писала прощальное письмо близким. Родителям, сестре. В мыслях, естественно. Никто не озаботился тем, чтобы обеспечить мне

возможность проститься с семьёй и сказать последнее слово приговорённого. Писала о том, чего никогда не говорила при жизни. И хорошо, что мне не дали бумагу и ручку. Незачем писать такие письма. Незачем рвать душу тем, кто остался. Мне-то завтра будет уже всё равно, а им жить.

А ещё я писала Семёнову. Только хорошее. О том, как благодарна за то, что он был в моей жизни. И пусть я для него ничего не значила. Но он, сам того не ведая, раскрасил напоследок мою жизнь. Показал, как может выглядеть забота о близком человеке. Настоящая забота, которая не ограничивается красивыми, ничего не значащими словами.

И зачем я полезла к нему с поцелуями? Зачем испортила всё? Не случись этого нелепого момента, сейчас я бы верила, что безразлична ему.

Интересно, он будет по мне скучать? Цветы на могилку носить? Нет, маловероятно. В первую очередь потому, что не узнает, где нашла свой последний приют неадекватная Арина Афанасьева. Вряд ли упыри поставят Управление в известность о месте моего захоронения.

Несмотря на то, что Вик прямо сообщил о своих планах расправиться с Семёновым, я была абсолютно уверена: парень не пострадает. Выкрутится. Он же попросту неубиваемый.

За всю ночь мне так и не удалось сомкнуть глаз.

Утро началось с привычных гигиенических процедур. Марго хлопотала вокруг меня. Я была безучастна. Стояла не шевелясь и тупо глядя в одну точку, пока упырица тщательно намыливала и споласкивала моё одеревеневшее тело. Видимо, это последний душ в моей жизни. После того как всё закончится, Марго облачит меня в белое платье, о котором все уши прожужжала, натянет на меня белые (а как же!) чулки и белые же туфли. Брендовые, к слову. При жизни я себе такой роскоши не позволяла. Там ещё что-то про кружевное бельё было. Белое. С этого момента ненавижу белый цвет! И бургеры. Три дня ими пичкают. Хоть бы салат какой догадались принести. Надеюсь, у Вика после употребления моей крови появятся холестериновые бляшки. Хотя вряд ли. Он даже после бомжей не окочурился. Живучий, зараза.

Вик как чувствовал, что я о нём думаю. Появился в дверях и, навалившись на косяк, ждал, пока Марго закончит возиться с моей

причёской.

– Волосы мы позже завьём. У нас ещё будет время, – обнадежила она. Полагаю, завивать будут волосы уже холодного трупа.

Упырица чмокнула меня в щёку и оставила наедине с Виком. Я без разговоров протянула ему руку. К слову о руке, пальцы онемели так, что я даже не могла ими пошевелить. В этот раз я не теряла сознания, хотя слабость была дикая. Вик перекинул моё тело через плечо, вынес из надоевшего помещения и транспортировал в соседнее. Это оказалась такая же комнатуха при заброшенном цехе, только меблированная с претензией на комфорт.

Меня кинули на продавленный, явно со свалки, диван.

– Ждите моего звонка. Как договаривались, – обратился Вик к Марго и двум незнакомым упырям, по внешнему виду вылитым гопникам: спортивные костюмы, бритые затылки и дебиловатое выражение на грубых мордах. Где Вик таких только берёт? Сам-то он выглядит как нормальный цивилизованный человек, если опустить некоторые детали его образа жизни и не обращать внимания на царапины, оставленные на лице моими ногтями.

Вик ушёл, и время в ожидании неминуемого конца потянулось медленнее, чем обычно. Упыри резались в сетевую игру на ноутбуках, сотрясая воздух дикими криками вперемешку с нецензурной бранью. Марго читала какой-то роман, изредка бросая в мою сторону нежные прочувствованные взгляды, от которых стыли в венах остатки крови.

Спустя несколько невероятно долгих часов раздался телефонный звонок. Меня подкинуло на диване. На одном только нервном возбуждении я поднялась и села. Сердце билось так, что, казалось, ещё удар и разорвётся, кожа покрылась холодным липким потом.

Один из гопников-упырей взял мобильник и что-то неразборчиво пробормотал. Затем подошёл ко мне, приставил телефон к моему уху.

– Да, – проблеяла я дрожащим голосом.

– Арина! Арина! Это ты? – кричал на другом конце провода Семёнов. – Арина, ответь!

– Это я, Лёша, – пролепетала и затряслась от рыданий.

Голос Семёнова, такой родной и непривычный в этом мрачном, безнадежном месте, вернул меня к жизни и поманил пустыми надеждами. Лучше бы я не слышала его, ей-богу. Было бы легче смириться с неизбежным.

– Арина, ты как? Ты в порядке?

– Нет, не в порядке, совсем не в порядке, – ответила я, всхлипывая и давясь слезами.

– Мы тебя вытащим, Ариша! Слышишь?! Вытащим! Обещаю!

– Не успеете. Они меня не отпустят. Не верьте им.

– Ариша, я давно хотел тебе сказать. Я...

Голос Семёнова оборвался. Похоже, у него отобрали телефон. Я слышала, как он орёт на кого-то матом.

– Арина, – раздался в трубке спокойный голос Вика. – Скажи Жеке, чтобы взял телефон.

Я подняла глаза на гопника.

– Это Вик. Хочет поговорить с вами.

Гопник забрал телефон и с непривычным для такого лица вдумчивым видом стал слушать инструкции начальства.

– Да, Вик. Я понял. Ждём звонка. Да. До связи.

Упырь убрал телефон в карман, после чего повернулся ко мне.

– Ну что, котёнок, поиграем?

Я содрогнулась и с надеждой посмотрела на Марго.

– Ты мне обещала, Марго! Ты помнишь?

Упырица поднялась и подошла к дивану. Села рядом, обняла за плечи. Этот псевдодружеский жест придал мне некоторую уверенность.

– Что сказал Вик? – обратилась она к упырю-связному.

– Что всё путём. Он на разборках. Сказал, что перезвонит, когда всё закончится, и мы сможем выпить тёлочку.

– Значит, ждём звонка, – непреклонно произнесла Марго.

– Да ладно тебе! Всё ж почти закончилось. Вик же сказал, что всё путём.

– А я говорю, нет! Она нужна Вику живой. И она будет жить ровно до тех пор, пока он не отдаст чёткого распоряжения относительно неё. Лично мне. Тебе всё ясно? Или объяснить ещё раз?

В голосе Марго прорезались стальные нотки. Упырица злилась, и от этого её акцент стал более заметным, с характерным ударением на последнем слого.

– Марго, ты не права, – вмешался в диалог второй упырь.

– Она нужна Вику живой! – взвизгнула упырица.

– Так мы и не собираемся её убивать. По крайней мере, пока. Мы аккуратно. Обещаю. Давай не будем ссориться из-за такой ерунды. Мы же одна команда, в конце концов. Тебе жалко, что ли? Мы и тебе оставим. Допьёшь её сама. Вы же об этом с ней договаривались?

Марго с сомнением посмотрела на гопников. Затем поднялась, уступая уговорам. Вернулась в кресло, уткнулась в книгу, всем своим видом выражая недовольство.

Жека сменил её на диване. Я хотела отползти от него подальше, но диван неожиданно закончился, и я упёрлась в подлокотник. Второй упырь не спеша шёл в мою сторону, предвкушающе улыбаясь.

Меня, нежно приподняв, разместили так, что я оказалась между двумя кровососами. Один из них освободил руку от бинта, другой взялся за вторую, некусаную, перехватил поудобнее и уже было собирался поднести к зубам, как Марго вскинулась и закричала:

– Ты же её испортишь! Ты обещал аккуратно!

– Что я не так сделал? – опешил упырь.

– Не надо кусать! Разрез. Сделай разрез. Небольшой. Аккуратный. Чтобы не испортить.

Марго подошла к упырю и протянула скальпель.

– Ты в курсе, что ты чокнутая? – поинтересовался парень.

Марго вернулась в кресло, бормоча что-то по-французски. Судя по интонациям, это были ругательства. Ну да, чуть куклу не поломали. А нефиг доверять игрушки кому попало. Надо лучше заботиться о своём имуществе. Лично мне без разницы, отгрызут мне руку или отпилят. Результат-то одинаково паршивый. При любом раскладе.

Упыри заговорщически переглянулись и одновременно впились в мои запястья. Несколько ударов сердца, и мир поплыл перед глазами, а диван закачался, как корабль во время шторма.

– Всё! Достаточно! – крикнула упырица.

– Да ладно тебе, Марго! – возмутился Жека. – Что ты голосишь-то. Она живая и даже бодрая.

В подтверждение своих слов он за волосы поднял мою свесившуюся голову, чтобы продемонстрировать Марго всю мою бодрость. Я с трудом различила её силуэт в густом тёмно-сером тумане.

– Мы только начали, – поддержал товарища второй упырь. – Едва пригубили.

Он собирался ещё что-то сказать, но тут входная дверь с грохотом рухнула на пол. Упыри подскочили, чтобы тут же упасть обратно. С маленькими отверстиями в головах. Очень даже аккуратными. Это же для них так важно. Марго дико завизжала, но довольно быстро притихла. Её лоб тоже украсила аккуратная дырка. Прямо-таки ювелирная. Комнату заполнили вооружённые люди в чёрной форме. Я обрадовалась им как родным.

Моё тело больше никто не удерживал, и я опрокинулась на пол. Но меня почти сразу подхватили чьи-то руки.

– Ариша, – прошептал Семёнов, прижимая меня к груди. – Живая.

– Не уверена, – ответила я, с трудом ворочая языком.

– Ничего, мы это быстро исправим. Ты, главное, не отключайся!

Семёнов нёсся с такой скоростью, что меня подкидывало в его руках. Судя по рывкам и свисту ветра в ушах, мы преодолевали один цех за другим. Тяжело ему сейчас, наверное. Я же три дня фаст-фудом питалась и практически не двигалась. Хотя... из меня почти всю кровь выкачали. Так что не должно быть очень тяжело. Интересно, сколько весит литр крови? Больше или меньше килограмма? Скорее всего, меньше. Боже, какая чушь лезет в голову! Может, я свихнулась в плену у упырей?

Мне не дали додумать эту важную мысль. Мы выбрались на воздух, и Семёнов передал ценный груз в руки работников «скорой помощи». Меня уложили на каталку, моментально перебинтовали руки и воткнули в одну из них иглу с капельницей. Кажется, жить буду. Вот теперь можно отключаться.

Глава 8

Привал кавалерии

Больничная палата больше походила на гостиничный номер. Чисто, красиво, светло, просторно. И тихо. Соседей нет и не предвидится. У стены стол с чайником и микроволновкой. На стене плазменный телевизор, пульт от которого лежит на прикроватной тумбочке. На ней же букет цветов – здоровая охапка синих ирисов еле умещается в вазе. Как знали, что именно они мне нравятся. И где достали в это время года? Я так растрогалась, что едва не прослезилась. Но решила: хватит с меня рыданий. За последние дни я выдала годовую норму осадков. Продолжила с интересом осматриваться. Видимо, это палата класса люкс, или как она тут правильно называется. О том, что я нахожусь на лечении, говорили лишь здоровый аппарат с тёмным экраном и стойка с капельницей.

Уединение нарушила миловидная дама в белой медицинской блузе и синих брюках.

– Добрый день. Как вы себя чувствуете? – поинтересовалась она.

– Здрасьте. Да вроде ничего. По сравнению со вчерашним просто прекрасно.

– Ну и замечательно. Сейчас сделаем переливание крови, а потом сможете пообедать.

– А может, сначала пообедать? – в животе заурчало.

– Вначале процедура, потом обед, – непреклонно ответила медсестра, не забывая при этом мило улыбаться. Почти как Марго. А тут ещё кровь! Брр! От неожиданных и малоприятных ассоциаций мне слегка подурнело.

– Что-то вы сильно побледнели, – женщина заметила перемену в состоянии пациента. Поднесла пальцы к моей шее и стала отсчитывать пульс. – Надо же, как сердечко заходится. Боитесь?

– Ужасно! – честно призналась я.

– Не переживайте. Я буду рядом. Если что-то пойдет не так, сразу прекратим.

Пришлось согласиться. В конце концов, для меня же стараются.

К счастью, переливание прошло без осложнений. Потом был обед. Простая больничная еда казалась божественным нектаром. Да, вряд ли я когда-нибудь смогу спокойно переступить порог Макдональдса. Ближайшую пару лет точно буду обходить его стороной.

Весь день я провалялась в кровати, упиваясь негой и бездельем. Щёлкала пультом, переключая каналы и ни на одном не задерживаясь дольше пары минут. Изредка вставала, чтобы побродить по палате. Чувствовала себя вполне сносно, так что могла передвигаться без посторонней помощи. Выйти в коридор, однако, не решилась. Наверное, это глупо, но мне чудилось, стоит открыть дверь, и я перенесусь обратно в свою тюрьму, а моё невероятное избавление окажется сном или прощальной галлюцинацией умирающего мозга.

Да и не было особой необходимости покидать палату, в которой имелись все удобства, включая санузел с душевой кабиной. Дорогое удовольствие. Интересно, кто заплатил за мой комфорт? Управление? Маловероятно. Зачем им нести лишние расходы? Сдали в больницу и ладно. Им и так предстоит выплачивать мне компенсацию. Захар Матвеевич? Вполне возможно. Явно не Семёнов.

К слову о Семёнове. Он появился на следующий день сразу после завтрака. Поставил на стол пакет с фруктами и бутылку гранатового сока. Туда же водрузил мою сумку, с потерей которой я уже смирилась. Вручил новый телефон. Старый оказался утерян безвозвратно. Из сбивчивых пояснений напарника поняла, что мой смартфон был вбит в глотку одному из братьев-упырей и не вынес надругательства. Кого конкретно накормили чудом современной техники, я уточнять не стала.

Напарник присел на край кровати, игнорируя имеющиеся в палате стулья. Я отодвинулась от него подальше. Вообще-то я была искренне ему рада. Он, как прекрасный принц в страшной сказке, появился в самый последний момент и вытащил меня из лап чудовищ. Я, конечно, готова отдать ему свою любовь и всё, что идет в комплекте. Но ему же этого не надо. А раз так, то ни к чему мне новые неловкие ситуации. Я ещё от последней не отошла. Да и не скоро отойду. Так что лучше держаться от Семёнова на расстоянии. Вдруг опять что-нибудь неправильно пойму и потяну к нему загребушие ручонки, а после получу очередной болезненный щелчок по носу и самолюбию. Ну нафиг!

Семёнов пару минут изучал свои руки. Видимо, подбирал нужные слова. Мне хотелось сказать, чтобы не мучился так явно. Он в любом случае герой. И для Управления, и для меня. Для меня в первую очередь. Кинулся спасать постороннего человека. Не совсем постороннего, конечно. Коллегу и напарника. Но вёл себя при этом так, словно любимую девушку из огня вытаскивал. Ей-богу. Или я опять намечтала себе невесть чего? Эх, Семёнов-Семёнов. Шёл бы ты отсюда. Не терзал бедное девичье сердце. Ему и так неслабо досталось.

– Ариш, – выдохнул, наконец, айтишник и поднял грустные, как у спаниеля, глаза.

Сердце перевернулось в груди, и я отодвинулась ещё дальше. Семёнов заметил мой манёвр и истолковал его по-своему.

– Афанасьева! – возмутился он. – Что ты от меня уползаешь? Не трону я тебя, не переживай.

– Верю, – кивнула я.

Какой Семёнову интерес меня трогать? Никакого. Я же его не интересую. Как женщина. А вот во френдзону мне как-то совсем не хочется. Я, конечно, мазохист, но не настолько.

– Арина, я хотел сказать... Блииин! Ну почему всё так сложно?!

Семёнов вскочил и начал метаться по палате. Даже жалко его стало. Он же ни в чём, в сущности, не виноват. Ни в том, что меня похитили упыри, ни в моей дурацкой влюбленности. Это я во всем виновата. Испортила нормальные отношения. Кто мне теперь будет завтраки готовить? Я к ним уже привыкла. К хорошему вообще быстро привыкаешь. Перестаёшь замечать его и ценить. Воспринимаешь как данность. И потом, не полезь я к нему с поцелуями, возможно, не было бы похищения. Довёз бы до дома, как всегда. А утром забрал. И крутился бы Вик возле меня до самых седи́н в бесплодных попытках поймать и схарчить.

– Лёша, не переживай. Всё нормально. Я всё понимаю. Ты хороший человек. Нет, ты самый лучший, самый замечательный человек! Я таких ещё не встречала. – Семёнов застыл на месте и недоверчиво покосился в мою сторону. – Честное слово! Я благодарна тебе. Очень-очень. И понимаю, как тебе неловко сейчас. После моего глупого поступка. Давай забудем о нём и останемся друзьями. У нас неплохо получалось. Вроде бы.

Вот чёрт! Сама загнала себя в эту клятую френдзону.

Семёнов по мере выслушивания менялся в лице. Под конец моего монолога у парня был совсем безрадостный вид.

– Ты мне теперь никогда не поверишь, да? – безнадёжно спросил он.

– Я не понимаю тебя, Лёша. Честно.

– Ладно, – с непонятной мне злостью кивнул он. – Сам дурак! Сам виноват! Выздоровливай, Арина. Ещё увидимся.

Семёнов вылетел из палаты, шарахнув дверью на прощанье. Даже не думай, Арина! Даже не начинай анализировать это! Друзья. И точка.

Через пару часов после ухода Семёнова меня навестил Захар Матвеевич. Тоже с фруктами и гранатовым соком. Когда мне всё это есть и пить, если завтра уже выписывают? Ладно, отвезу домой. Лишним не будет. Холодильник теперь загружать некому.

Ведун взял стул, приставил его к кровати, на которой я предавалась безделью и, чего уж там, анализу поведения Семёнова.

– Как самочувствие? – поинтересовался мужчина.

– Отлично.

– Что ж, чудненько. Значит, сразу к делу. Страховое возмещение и премию получите через неделю. Я пытался ускорить процесс, но бюрократия, сами понимаете.

Я кивнула и мысленно потёрла руки. Деньги я люблю. Особенно когда их много. Любовь к деньгам, пожалуй, единственное моё стабильное чувство. Жаль, что она не всегда взаимна. Хотя в настоящее время тут наметился явный прогресс. Вот только платить за материальное благополучие собственной кровью, в прямом смысле этого слова, мне совсем не нравится.

– А что с упырями? – поинтересовалась я. – Ну, с теми, которые были со мной, всё и так понятно. А Вик и его брат. Они живы?

– Погибли при попытке к бегству.

– Правда?

– Нет, конечно! Неужели вы думаете, что после всего случившегося мы бы позволили им остаться в живых?

Я пожала плечами. Происходившие в кулуарах Управления процессы были мне неведомы.

– Вы быстро меня нашли. Спасибо!

– Не за что. Благодарите Алексея. После того как он пообщался с вами по телефону, у него голова отказала. Образно говоря, конечно. При других обстоятельствах сидеть бы ему сейчас в изоляторе в ожидании строгого и справедливого суда.

– Что он натворил?

– Изувечил осужденного. Это я про братца Виктора говорю. Алексей впал в бешенство и начал ломать ему пальцы. Запихал ваш телефон упырю в рот. Хорошо, что туда. Грозился растянуть другие отверстия. Прострелил ногу. Арина, вы что-то побледнели. Наверное, не стоило так подробно рассказывать.

– Ничего-ничего. Я в порядке. И часто с Семёновым такое случается?

– Впервые на моей памяти. Он очень переживал за вас, Арина. И, как ни странно, его бешенство помогло. В процессе грандиозного представления, которое устроил Алексей, Виктор сломался и сообщил координаты того места, где удерживал вас. Остальное – дело техники и профессионализм сотрудников Управления.

– Да, это было впечатляюще! Я уже и не надеялась...

– Мне очень жаль, что вам пришлось пережить весь этот ужас. Никто не предполагал, что подобное может произойти.

– Главное, всё закончилось. Когда я должна вернуться на работу?

– Думаю, пару недель отдыха вы заслужили. Считайте, что командировка затягивается.

– Прекрасно! Спасибо большое!

– Да не за что, Арина. Вам спасибо за помощь. И простите, что втянули вас в неприятности. Выздоровливайте.

– Последний вопрос, Захар Матвеевич, – окликнула я собравшегося уходить ведуна. – Кто заплатил за отдельную палату?

– Алексей, – развеял мои сомнения начальник.

На следующий день я покинула гостеприимные стены больницы с твёрдым намерением никогда больше сюда не возвращаться. Такси доставило меня до подъезда, и я попала, наконец, в свою квартиру. Пустую и тихую. И чем заниматься эти две недели? Смотреть телевизор? Он еще в больнице надоед. Читать книги? Разве что это. Может, слетать в теплые страны? Деньги есть. Имеет ли смысл лишать себя маленьких радостей, экономя каждую копейку? Как показал

недавний случай, планировать жизнь бессмысленно. Она может оборваться в любой момент. А посему решено. Еду загорать и купаться. Вот только как быть с повреждёнными запястьями? Как долго они будут заживать? Не повредит ли заживлению морская вода? Поинтересуюсь у хирурга в поликлинике.

Через день я посетила близлежащую поликлинику. Промариновалась до озверения в очереди, состоящей преимущественно из ворчливых бабок, обсуждавших свои болячки. На выходе же получила направление к психиатру. Хирург настоятельно рекомендовал не затягивать с посещением специалиста. Я наорала на врача, благодаря чему только укрепила того во мнении, что мне требуется неотложная психиатрическая помощь. Я, собственно, не спорю. Может, так оно и есть. Но не в качестве суицидника же! А если хирург отправит на меня ориентировку в психбольницу и санитары придут на дом? После того как они услышат безумную историю с участием упырей, меня точно закроют с популярным диагнозом. И всё, конец карьере.

Я вылетела в коридор, на ходу пытаюсь позвонить Захару Матвеевичу. Он наверняка поможет разобраться с этим затянувшимся бредом. Но ведун, как назло, не брал трубку. Выбора не оставалось, пришлось звонить Семёнову.

– Привет, – настороженно произнёс айтишник. – Что-то случилось?

Почему сразу случилось? Неужели я не могу позвонить без веской причины, чтобы поболтать ни о чём? Мы же друзья вроде как.

– Привет. Случилось, – не стала озвучивать я свои мысли. – Пришла на приём в поликлинику, а там решили, что я псих.

– Что ж. Я почему-то не удивлён. Это должно было случиться. Рано или поздно.

– Семёнов, не беси меня! – заорала я, не оценив юмора. Что-то нервы у меня совсем ни к чёрту. Но это неудивительно. – Я звонила Захару Матвеевичу, он трубку не берёт. А у меня ЧП. Мне направление к психиатру выдали из-за порезов на запястьях. Что, если на принудительное лечение направят? Как ты думаешь, нужно мне такое пятно в биографии?

– Арина, не кричи. Я понял. Скоро буду. Скажи, куда приехать.

Я назвала адрес и плюхнулась на лавку. Бабульки тревожно покосились в мою сторону, отодвинулись на безопасное расстояние и дальнейшее обсуждение многочисленных хворей продолжили таинственным шёпотом.

Семёнов появился минут через сорок. Я к тому моменту чуть на стены не лезла, накрутив себя до предела. Профилактическая инъекция галоперидола стала бы спасением для окружающих.

– Жди здесь. Я всё проясню, – бросил он на ходу и, полный угрожающей решимости, вошёл в кабинет хирурга.

Бабульки возмущённо заколыхались.

– Как же это без очереди-то?

– Наглая нынче молодежь пошла, – поддакнула я, чем заслужила злобные взгляды. Жаль. Так хотелось пообщаться на предмет воспитания и нравов подрастающего поколения. Но, видно, не судьба.

Семёнов вскоре вернулся. С видом триумфатора забрал у меня злополучное направление и порвал его на мелкие клочки.

– Всё в порядке. Можешь не опасаться медицинского преследования.

– Какое облегчение!

– Идём, – сказал он, взял меня за руку и потянул в сторону выхода.

– К-куда?

– Куда скажешь.

– Я домой собиралась.

– Значит, домой.

На всякий случай промолчала. Очень уж настораживала эта агрессивная решительность. Вспомнился рассказ Захара Матвеевича о том, как Семёнов ломал пальцы беззащитному упырю. Ну и телефон мой злополучный тоже вспомнился. Упыря мне было не жалко, но поведение парня немного пугало.

Молчала я и тогда, когда, подрулив к дому, Семёнов направился не в подъезд, а напрямик в алкогольный супермаркет. Безошибочно отыскал среди ровных рядов бутылок моё любимое вино и пошёл к кассе.

– Я не хочу, – решила прервать молчание.

– Зато я хочу. Хочу напиться до бессознательного состояния.

Не поняла, он так шутит?

– Боюсь, вино для этого не подходит, – заметил консультант.

Зря он так!

К сожалению, Семёнов был с ним солидарен. Попросил завернуть ещё бутылку «Хеннеси» для комплекта.

– Семёнов, ты меня пугаешь, – честно призналась я.

– Не всё же тебе в этом лидировать. Могу я ненадолго перехватить инициативу?

– Пожалуйста-пожалуйста.

После этого Семёнов пошёл домой. Ко мне. Напиваться до бессознательного состояния. Какое-то сомнительное счастье.

Войдя в квартиру, сорвал с себя куртку и бросил её на пол. А сам отправился на кухню. Пока я поднимала и вешала его верхнюю одежду, он практически до краёв наполнил винный бокал коньяком и опрокинул в рот, а затем подошёл к окну, настежь распахнул его и закурил, стоя ко мне спиной. Я забралась в кресло с ногами, обхватила себя руками. Поведение напарника удивляло и настораживало. Вдруг ещё буянить начнет, когда достигнет желаемой кондиции.

Семёнов выкинул окурочек в окно, закрыл створку, вернулся к столу. Снова наполнил бокал и собрался было отправить его в рот. Я смотрела на парня круглыми от ужаса глазами. Паника нарастала.

– Семёнов, остановись!

– Не хочу.

– Если ты тут свалишься, я не смогу дотащить тебя до дивана, – предупредила я на всякий случай.

– И не надо. Подложишь подушку под голову, накроешь одеялом.

– Может, ещё рядом лечь?

– Я не возражаю.

Он посмотрел на меня бешеным взглядом, от которого я втянула голову в плечи. Что с ним происходит?

Семёнов поставил нетронутый бокал на стол, шагнул в мою сторону. Сильным рывком выдернул из кресла, смял в охапку и поцеловал. Губы его оказались неожиданно мягкими. Он целовал меня с какой-то болезненной нежностью. С обречённостью. Так, словно это был наш последний поцелуй. Словно я умирала. И я действительно умирала в его руках, задыхаясь от прикосновений горячих ладоней и солёных, хранивших привкус крепкого хмеля и табака губ. Я растворялась в собственных ощущениях, мечтая, чтобы они длились

как можно дольше. Но Семёнов неожиданно прервал поцелуй, разжал руки, и я рухнула обратно в кресло.

– М-м-мы же друзья вроде бы, – я была совершенно сбита с толку.

– Ага, конечно, – согласился парень, но я почему-то ему не поверила. И правильно сделала.

Семёнов схватил меня за локоть и поволок в комнату. К дивану.

Я сидела, уронив руки на колени. Челюсть отвисала по мере того, как герой самых смелых моих фантазий избавлялся от одежды.

Представ передо мной во всей своей природной красоте, он принялся стаскивать с меня футболку. Расстегнул джинсы и стянул их, дёрнув за штанины. Затем повалил меня на диван, накрывая своим телом. Божественно слепленным телом, которое я, руководствуясь исключительно собственным воображением, много раз рисовала в альбоме для скетчей.

– Семёнов, ты что делаешь? – шёпотом поинтересовалась я, замороженно глядя в его лихорадочно блестящие глаза.

– То, что давно должен был сделать, – уверенно ответил он, запечатывая мой рот своими губами.

– Не надо мне твоих одолжений! – возмутилась я, уворачиваясь от поцелуя и пытаясь отпихнуть его от себя.

– Какие одолжения? – не понял он. Приподнялся на руках, давая мне иллюзию свободы и пристально вглядываясь в лицо. – Ты сдурела, что ли, Афанасьева? Давай ты помолчишь немного и не будешь портить момент.

Пришлось подчиниться.

Я обхватила Семёнова руками и ногами. На всякий случай. Чтобы не сбежал, одумавшись. Но он, кажется, и не собирался. Расслабленно перебирал пальцами мои волосы, мечтательно глядя в потолок.

– Как-то стремительно всё вышло, – брякнула я, не подумав.

Семёнов переменялся в лице.

– А ты очень тактичная, как я погляжу, – со смешком произнёс он. – Повезло же мне с тобой.

Я фыркнула и уткнулась носом в его плечо. Потом подняла на парня глаза. Он выжидающе смотрел на меня.

– Я совсем не это имела в виду! Правда!

Действительно. Я лишь хотела сказать, что не ожидала очутиться в одной постели с любимым мужчиной, да ещё так быстро. Учитывая нашу договорённость сохранить прежнюю дружбу. Или такой договорённости не было? Одним словом, я не собиралась ранить его чувства.

– Ну-ну. Умеешь воодушевить, что тут говорить.

– Лёша, я серьёзно! Я хотела сказать, что всё случилось быстрее, чем я ожидала.

– Если ты сейчас пыталась исправить ситуацию, то у тебя не получилось.

– Ой, блин!

Семёнов рассмеялся.

– Я мог бы и обидеться, между прочим.

– Не надо! Я не смогу жить с мыслью, что обидела тебя.

– Тогда извинись!

Пришлось извиняться. И мои извинения были приняты благосклонно.

Квартира наполнилась вечерним сумраком. Семёнов нехотя поднялся с дивана и ушёл на кухню. Потянуло холодом и табачным дымом. Я замоталась в плед и босиком пошлёпала за любовником. Он нагишом стоял возле открытого окна, выдыхая дым в промозглую темноту. Я подошла к нему, прижалась к спине, укрыла пледом. Он достал ещё одну сигарету из пачки, прикурил и протянул мне. Мы так и стояли, обнявшись, и молчали. В кухне, которую озаряли лишь слабые огоньки тлеющих сигарет и уличные фонари. Если и есть на свете счастье, то оно именно такое: с мягким плюшем одного на двоих пледа, с размеренным биением чужого сердца, которое чувствуешь опалённой поцелуями кожей, с лёгким запахом сигарет и холодом, сковывающим голые ступни и пробирающимся вверх по ногам.

Семёнов, игнорируя пепельницу, выкинул окурок на улицу, отнял у меня остатки сигареты и отправил следом, закрыл окно. Затем потянул меня к креслу и усадил себе на колени. Я расправила плед, накрывая его голые плечи, уткнулась холодным носом в колючую щёку. Сидеть бы так в темноте и тишине до конца своих дней.

– Афанасьева, объясни мне одну вещь, – прервал уютное молчание Семёнов.

– Мм?

– Ты почему от меня бегала всё это время?

– Не припомню, чтобы ты пытался меня догнать.

– За тобой угонишься, как же, – хмыкнул он. – И всё-таки? Я же с первых дней возле тебя крутился.

– Ага. А ещё возле Кати, Лены, Маши, Тани, Натальи Сергеевны. Мне продолжать?

Семёнов тихо засмеялся.

– Это был обманный манёвр. Хотел довести тебя до нужной кондиции, заставить ревновать. Но не вышло.

– Не вышло, – призналась я. – Какой смысл ревновать того, кто тебе не принадлежит и по всем законам мироздания принадлежать ну никак не может?

– Понятно.

– Что тебе понятно?

– Ты продолжай, продолжай. Мне интересно, что за вселенский бред гнездится в твоей голове вкупе с законами мироздания.

– Нууу... Ты весь такой... Такой... Уххх! И всем нравишься. А я такая... Ну, обычная. Вот... – кажется, справилась.

– Понятно, – снова загадочно протянул Семёнов. – Значит, ты решила, что недостаточно хороша для меня. А моё мнение в расчет не принимается. Так?

Я сконфуженно запыхтела и нахохлилась. Что тут скажешь? Он прав.

– Дура ты, Афанасьева, – торжественно изрёк Семёнов. Я собралась было возмутиться, но он не дал и слова вставить. Прервал возражения долгим прочувствованным поцелуем, а затем продолжил: – Красивая и глупая. Мне нравится. Идеальное сочетание.

И непонятно: оскорбил или комплимент сделал. Ладно, пусть будет комплимент.

– И ещё, раз уж мы начистоту, – я зажмурилась, как перед прыжком в холодную воду, – после нашего разговора, ну того, когда я к тебе с поцелуями полезла... В общем, я окончательно утвердилась во мнении, что не интересую тебя. Ни капельки.

Семёнов стиснул меня в руках, принялся осыпать быстрыми поцелуями плечи, шею, щёки. Я осторожно отстранилась.

– Подожди, Лёша. Мне нужно это сказать. Иначе меня разорвёт.

– Говори, – тихо разрешил он, зарываясь лицом в мои волосы и ещё крепче обнимая.

– В общем, я много думала о том разговоре. О своём поступке. Там, у упырей, у меня было достаточно времени. И очень сильно жалела о нём. Если бы этого не случилось, я верила бы, что небезразлична тебе, и это помогло бы мне там, во время того кошмара. А так была полная безнадёга.

Семёнов молчал. В темноте его застывшее лицо казалось вытесанным из камня.

– Я должен тебе объяснить... – начал он.

– Не должен. Это совсем не обязательно.

– Обязательно. Не хочу, чтобы ты считала меня козлом. Большим, чем я есть на самом деле.

– По-моему, ты слишком самокритичен.

– Думаю, в самый раз. В общем, слушай и не перебивай. С чего бы начать? Эээх... Это всё Захар Матвеевич.

– А он здесь при чём? – удивилась и даже возмутилась я.

Ведуна-то зачем приплетать к нашим запутанным взаимоотношениям?

– Я просил не перебивать. Мне и так непросто. Короче, Захар Матвеевич велел держать дистанцию. Для него не было секретом моё к тебе отношение. Я из этого тайны не делал. В отличие от тебя. Накануне твоего похищения ему было видение, из которого он сделал вывод, что ты можешь сильно пострадать, находясь рядом со мной. Что, собственно, и случилось. В то утро, когда мы ехали к Алине Коностовой, он позвонил мне и рассказал о своих опасениях. Заодно дал рекомендации отдалиться от тебя. Ни он, ни я не разобрались с тайными знаками, которые ему открылись. Я испугался, Ариша. Сильно испугался. И решил, что будет лучше, если ты поненавидишь меня какое-то время, пока всё не образуется. Поэтому начал изводить тебя придирками и издевательствами.

– У тебя неплохо получалось. Я готова была разрядить в тебя обойму твоего же пистолета.

– Прекрасно тебя понимаю, – хмыкнул парень. – И восхищаюсь твоей сдержанностью. Другой на твоём месте сломал бы мне нос.

– Как минимум. Я представляла, как крушу твою челюсть, и кровища хлещет, а зубы разлетаются во все стороны, – засмеялась,

вспоминая отвратительное поведение Семёнова в тот день, когда мы расследовали кражу рубинового гарнитура. – Но потом ты извинился. Так искренне, что я разом позабыла все обиды.

– Да я сам устал изображать из себя непонятно кого! Мне же самому от себя противно было!

– Вот. Именно это я и почувствовала тогда. А ещё мне показалось, что накануне вечером мы были близки к тому, чтобы...

– Тебе не показалось. Я еле сдержался тогда, честное слово! Боялся, откажешь, потому и ушёл.

– Теперь я это понимаю. И тогда догадывалась. Списала твоё хамское поведение на внутренние метания и терзания. Вот и решилась тебя поцеловать. Я очень надеялась, что ты ответишь.

– Я хотел, Ариша! Я об этом мечтал! Но после слов Захара Матвеевича... В общем, я понял: вот отличная возможность оттолкнуть тебя, да так, что после этого ты и разговаривать со мной не захочешь. И самое обидное, Ариша, я так долго ждал того поцелуя. Ждал, когда ты уже оттаешь... Когдаотреагируешь на мои провокации. И ты, наконец,отреагировала. Не вовремя. А я поступил, как... Как мудака, одним словом. Но так было нужно. Для твоего же блага. Ты, наверное, презирала меня тогда?

– Нет. Не презирала, – помотала я головой. – То есть презирала, но не тебя. Себя. Мне казалось, я жалкая и нелепая. Замахнулась на такого орла.

– Ариииш, ну прости! Прости меня!

– Да не за что мне тебя прощать. Ты же ради меня всё это сделал. А я в тот момент решила, что буду обходить тебя стороной. Игнорировать. И всё.

– Этого я и добивался, – кивнул Семёнов. – Если бы ты только знала, что я пережил, когда на мой телефон пришло сообщение от тебя! Точнее, не от тебя, а от того беспредельщика. Но с твоего телефона. Я чуть не поседел, Арина! Веришь?

– Верю, – сказала я и поцеловала Семенова в висок.

Потом запустила пальцы в его волосы. Седины не наблюдалось. И слава богу.

Я проснулась раньше Семёнова. Решила порадовать его пристойным внешним видом и завтраком. Нажарила сырников,

покрошила салат, заварила кофе. Собиралась уже будить его, как он сам появился на кухне. Взырошенный и довольный жизнью.

– Что тут у нас? Никак завтрак? И чем я заслужил такую милость? Неужели собственными умениями?

– Не язви. Располагайся и вкушай плоды трудов моих.

– С удовольствием!

Семёнов принялся воодушевленно поглощать завтрак. По мере поглощения восторженность спадала с его лица, заменяясь... Чем? Вот только не надо рожи корчить! Нормальный сырник! Ну пригорел слегка. Но есть же можно. И салат нормальный. А кофе-то зачем выплёвывать обратно в кружку?!

Семёнов отодвинул тарелки, поставил локти на стол и подпёр подбородок сложенными в замок пальцами.

– Объясни мне, Афанасьева, как тебе это удастся?

– Что именно? – поинтересовалась я, медленно зверея.

– Возьмем, к примеру, салат. Состав: огурец, помидор, сметана, соль. Вроде бы обычные ингредиенты. А есть невозможно. С сырниками то же самое. Про кофе вообще промолчу. Как ты умудрилась испортить нормальную еду? Это что, суперспособность такая?

– Знаешь что, Семёнов! Не нравится – не ешь! – со злостью ответила я и отправила в рот салат. Абсолютно съедобный.

Семёнов выхватил вилку из моих рук, потянулся за тарелкой. Я попыталась помешать, но безуспешно. Он собрал со стола посуду и сгрузил её содержимое в мусорное ведро.

После чего повернулся ко мне и выдал:

– Моя девушка ЭТИМ питаться не будет.

И полез в холодильник, выставляя на стол продукты. Семёнов готовил завтрак дубль-два, а я пребывала в глубокой прострации. Вот как на него обижаться? С одной стороны, оскорбил, с другой – назвал своей девушкой. От мысли, что я теперь девушка Семёнова, в груди разлилось уютное пушистое тепло и затопило весь организм. Когда передо мной поставили сырники, салат и кофе, видимо, для того, чтобы уязвить, я сияла, как прожектор.

– Я твоя девушка?

– А как ты думала? Учти, возражения не принимаются. Раньше надо было отказываться.

- Даже не собиралась!
- Какое облегчение! Я боялся, что ты из этих...
- Каких ещё этих?
- Ну, из тех, что избегают серьёзных отношений.

Вообще-то он прав. Есть такая тема. Но... Мать моя! У нас серьёзные отношения? Он не шутит? Вместе засыпать, вместе просыпаться, вместе ходить на работу? Да мы даже работаем вместе! Господи! От него же теперь никуда не деться! И на работе не отдохнуть.

Со мной случился приступ клаустрофобии. Стены неожиданно начали сдвигаться.

- Афанасьева, даже не думай!
- О чём? – поинтересовалась я, настороженно озираясь по сторонам.

Точно, сдвигаются.

- Сбегать не думай. Афанасьева, стой!

Я метнулась в комнату, но меня перехватили на полдороге. Прижали телом к стене.

- Афанасьева, ну чего ты дерёшься?! – возмутился Семёнов.
- Я боюсь!
- Это я уже понял. Но тебе не кажется, что немного поздно бояться?

И снова он прав. Похоже, это ловушка!

– Ничего, со временем привыкнешь, – обнадружили меня. – Я тебе помогу. Ускорю процесс. Возьму отпуск. Проведём время вместе. Сформируем привычку, так сказать.

Семёнов не обманул. Позвонил начальнику и выклянчил отпуск «для устройства личной жизни». Он вообще нормальный или как?

Отдых в тёплых странах накрылся муладхарой. Я несколько лет не была на море, но Семёнов отмёл мои аргументы, обосновав своё решение тем, что это нарушит чистоту эксперимента. Может, он просто жлоб? Но я же не прошу его профинансировать мой вояж. Хотя нет. Жлоб не стал бы платить за отдельную палату в больнице и покупать новый смартфон. Значит, действительно радеет за результаты эксперимента. Тоже мне экспериментатор!

Свободное пространство в квартире резко сократилось. Когда я думала о семейной жизни, то почему-то наивно представляла

трехкомнатные (минимум!) апартаменты, в которых у каждого члена ячейки общества есть свой угол, куда он может забиться, чтобы побыть наедине с собой. Как же я заблуждалась! Я постоянно натыкалась на Семёнова, куда бы ни пошла. Зайду в ванную, он уже там. Скроюсь на кухне, как ему тут же захочется покурить. Лягу на диван с книжкой, меня под бок. Против последнего я, конечно, не возражала. Это было очень даже приятно. Ровно до тех пор, пока я не услышала просьбу не переворачивать страницу. Он, видите ли, ещё не дочитал.

И двух дней не прошло, как моё терпение лопнуло.

– Семёнов, ты меня достал! Сколько можно? Отлипни уже, наконец! Мне воздуха не хватает! – вспылила я.

Но мой молодой человек воспринял крик отчаяния по-своему. По его авторитетному мнению, раздражённая женщина – неудовлетворённая женщина. А это уже упущение мужчины, которое необходимо исправить.

– Всё, Семёнов, – на пятый день сказала я, – ты меня заездил. Надо это прекращать. Пора выбираться наружу.

– Рано ещё, – с видом учёного, проводящего сложный опыт, ответил наглый оккупант.

– По-моему, в самый раз. Давай в кино, что ли, сходим.

– На последний ряд.

– Так. Кино отпадает. Надо идти в люди. Туда, где будут свидетели.

– А ты извращенка! – обрадовался Семёнов. – Мне нравится.

– Это ты у нас извращенец. Всё, подъём. Пятнадцать минут на сборы. Я свихнусь, если задержусь в квартире дольше. Своди даму в ресторан, что ли. Как-то непозволительно быстро мы миновали стадию ухаживаний. Или тебе денег жалко?

– Бессердечная меркантильная особа! Я несколько месяцев за тобой ухаживал.

– Кофе из аппарата не в счёт.

Ресторан выбирал Семёнов. Не сомневаюсь, выбор был продиктован единственным желанием: наказать меня. За то, что обозвала жмотом. Я не особо наряжалась, сбегая из квартиры. Так, обычные джинсы, водолазка и кроссовки. А тут швейцар в ливрее с галунами. Поза выражает почтение, а глаза недвусмысленно намекают:

«шли бы вы отсюда, ребята. Вашей зарплаты на чашку чая не хватит». Но Семёнова это ничуть не смутило. Войдя в пафосный холл не менее пафосного заведения, он стянул с меня куртку и вручил её гардеробщику, а затем поприветствовал милых, отлично вышколенных девочек за стойкой, которые не сменили радостно-приветливой маски после тщательного изучения моего облика. Семёнов и тут умудрился выглядеть на высоте. Джинсы у него брендовые, ботинки дизайнерские. В тренде, одним словом. Плюс фактура и обаяние.

Одна из девочек, опасно покачиваясь на длиннющих тончайших шпильках, проводила нас до свободного столика. Наше появление не вызвало неодобрения среди почтенной публики по причине отсутствия таковой. Было слишком рано для наплыва посетителей. Да и сомневаюсь, что они тут в другое время толпятся, расталкивая друг друга локтями. Наверняка ценник здесь заоблачный.

Девушка положила перед нами меню. Я удручённо осмотрела стол. По бокам дежурной тарелки лежало сто пятьдесят приборов непонятного назначения. Зачем так много? Вот ведь зараза какая!

– Доверяешь моему вкусу? – иронично поинтересовался Семёнов, раскрывая меню.

– Закажешь какой-нибудь изврат типа улиток, прокляну, – злобно прошипела я, дождавшись, когда акробатка на шпильках покинет нас.

– Понял. Никаких улиток, – быстро ответил он.

Наверняка же замышлял очередную пакость, но вовремя одумался.

Семёнов заказал нам суп с морепродуктами и пасту с ними же. И бокал вина для дамы. Дама, кстати, была ненамного старше того вина.

Заказ принимала официантка модельной внешности с искусственной грудью. Не бывает у нормальных земных женщин груди такого размера. Сразу вспомнилась гражданка Мокрая – первая увиденная мною нечисть, отличавшаяся волшебными пропорциями тела. Может, официантка тоже нечисть? Жаль, очки для определения этой ушлой братии остались на работе, а видение не включается по щелчку.

Взгляд Семёнова утонул в приветливо склоненном вырезе, из которого грозились выпасть два шара для боулинга, а я заскрипела зубами. Нахальная девица всячески старалась обаять моего молодого

человека. Цвела нежным румянцем, кокетливо хлопала длинными ресницами, призывно улыбалась напомаженными губами.

Алё, девушка! Вообще-то это чужой мужчина. Имейте совесть! Девушка тем не менее не замечала моего присутствия. Или делала вид. Щебетала с Семёновым, давая рекомендации относительно блюд и напитков. Тот расслабился и поплыл, наслаждаясь её заботой и вниманием. Наконец, заказ был принят, и ресторанная фея удалилась походкой гетеры. Семёнов проводил девицу долгим взглядом. Я промолчала. Но каких усилий мне это стоило!

– Что-то ты хмурая, Арина.

– Тебе кажется.

Повисла долгая пауза, которую нарушил цокот каблучков. Вернулась официантка с бутылкой вина. Пробу изысканного напитка доверила Семёнову, не мне. Ну конечно! По мне же видно, что я только вино из пакетов пью! После того как напиток был одобрен, наглая разлучница с подчеркнутой вежливостью наполнила мой бокал. Я с напряжением ждала, когда же она закончит с этим действием. Но девица решила растянуть представление, демонстрируя тонкие запястья, длинные пальцы и идеальный маникюр. Семёнов завис. Я тихо бесилась.

Когда принесли первую перемену блюд, официантка склонилась над парнем, едва не вывалив на него внушительное содержимое своего декольте. Всё это богатство болталось перед его носом. Нет, я, конечно, догадывалась: с Семёновым будет непросто. Я предполагала, что каждая свободная особь женского пола захочет осчастливить его своим вниманием, но и представить не могла, насколько мне это окажется неприятно. А ведь всё только начинается! Что же будет дальше? Я же поседею раньше срока от ревности. Нужен ли мне такой мужчина?

– Ариша, тебе здесь не нравится? – с уютной теплотой в голосе произнёс Семёнов, накрывая ладонью мои дрожащие пальцы. – Мы можем уйти в любой момент. Только скажи.

Нужен, поняла я. Только он мне и нужен. Девица догадалась, наконец, что она здесь лишняя, и испарилась.

– Нет. Всё в порядке. Мне тут очень нравится.

– А по твоему виду не скажешь.

Обедали в полной тишине. Семёнов бросал на меня удивлённые взгляды и пытался завести разговор, но беседа не клеилась. Я давилась супом, после – пастой, не ощущая никакого вкуса. Словно бумагу жевала. Букет и аромат выдержанного вина также не смогла оценить по достоинству. Как будто уксус пила, разбавляя им собственный яд. Кажется, я впервые столкнулась с муками ревности.

Изнурительная трапеза подошла к концу, Семёнов расплатился и, бережно держа меня за руку так, что наши пальцы трогательно переплетались, повёл на выход. Игнорируя гардеробщика, сам облачил меня в куртку и довёл до машины. Открыл дверцу, усадил, застегнул ремень безопасности. Как с ребёнком возится, честное слово. Попытался поцеловать, но я дёрнулась и отвернула лицо.

– Арина, что с тобой творится? – допытывался он, пока разогревался двигатель.

– Ничего, – буркнула я.

– Ага. А то я не вижу: ты сама не своя. Объясни, в конце концов, что произошло.

Автомобиль тронулся. Я, похоже, тоже тронулась. Умом. Ага. Два бокала коллекционного вина и сконцентрированный яд моей ревности хлынули в кровь, миг затуманив разум, и я взорвалась.

– Какого чёрта ты так пялился на эту бабу?! И даже не думай отпираться! Я же не слепая!

– Ариш, ты чего? – оторопел Семёнов.

– Я чего? Это ты чего! Я же видела, как она увивалась вокруг тебя, а ты её поощрял! Понравилось?

– Не было такого! Не смотрел я на неё! – возмутился мой неблагонадёжный парень. – То есть смотрел, конечно. Я же заказ делал. И расплачивался. Но без всяких там посторонних мыслей. Мамой клянусь!

– Опять?! Издеваешься?! – взвыла я. – Ты же сирота, Семёнов! Забыл? Снова забыл? Или ты специально?!

– Ариша... Арина... Афанасьева! Ты что, белены объелась?!

– Это ты! Ты объелся! Этих, как их? А! Вспомнила! Афродизиаков!

– Каких ещё афродизиаков? Арина, ты не отравилась случайно? Живот не болит?

– Болит! Но не живот. Душа у меня болит! Из-за того, что связалась с тобой! Из-за того, что поверила тебе! Я же знала, знала: именно так всё и будет!

– Как?

– Так! Кобелём родился, кобелём помрешь!

И тут я совершила, пожалуй, самую невероятную глупость.

– Лучше бы я Пашу послушала! Он же предлагал с ним остаться! Он бы на других баб не пялился. Ему я была нужна. Я! Понимаешь? А не одноразовые девки для случайного траха!

Семёнов закаменел, а потом резко затормозил и остановил машину возле какого-то торгового центра. После чего повернулся ко мне. Лицо его было абсолютно белым. И на этом белом лице диким огнем полыхали потемневшие глаза.

– Если я ещё хоть раз услышу это имя... – тихим, вкрадчивым голосом с обманчиво мягкими интонациями начал Семёнов.

– То что? Ударишь меня?! Давай! Не сдерживайся!

Семёнов вылетел из машины, от души хлопнув дверью. Обошёл автомобиль, распахнул мою дверь.

– Выходи, – всё тем же жутким тихим голосом, маскирующим бурю, произнес он.

Я помотала головой. Мне было страшно. И зачем я довела его до такого состояния? Он же сейчас убьёт меня. И ничего, что пистолет остался дома. Одного удара будет достаточно. Вон как озверел.

Он дёрнул ремень безопасности и выволок меня на улицу.

– Семёнов, отпусти! – умоляла я, пока парень тащил меня в сторону торгового центра.

Это хорошо, что туда. Там люди, охрана. Там он меня убивать не станет. Слишком много свидетелей.

Мы вошли в торговый центр. То есть как вошли. Вошёл Семёнов, по-военному чеканя шаг и волоча меня на буксире. Я упиралась, безуспешно пытаюсь вырваться из его железного хвата. Мы добрались до скамейки, на которую он швырнул меня со словами:

– Жди здесь. Мне надо купить кое-что.

И ушёл.

Интересно, что он собирается покупать? Электропилу и полиэтиленовые мешки? А я-то почему здесь всё ещё сижу? Нужно срочно бежать домой, паковать чемодан и валить нафиг из этого

города. Подальше от Семёнова. Но, несмотря на вполне разумные опасения, я продолжала сидеть на месте. Прошло десять минут. Семёнов не возвращался. Не может определиться с маркой пилы? Или в продуктивном нет кислоты нужной концентрации, чтобы растворить расчленённое тело? Двадцать минут. Ищет мешки подходящей плотности? Тридцать минут. Он решил меня бросить? Вот так просто? Как собаку возле магазина? Семёнов, где ты, гад? Боишься сказать мне в лицо, что нам надо расстаться? Решил свалить под шумок, чтобы через пару дней прислать смс о том, что эта ночь была ошибкой?! Возвращайся, скотина! Имей мужество расстаться по-мужски!

Но Семёнов не ответил на зов моего сердца. Вместо него нарисовался иной субъект.

– Девушка, вы одна? – поинтересовался какой-то юнец, с надеждой взирая на меня. – Скучаете?

– Что, простите? – оторопела я.

Мне было совсем не до скуки. Я продумывала план мести бывшему любовнику, трусливо сбежавшему от меня.

– Я заметил: вы долго сидите в одиночестве. Такая красивая девушка – и одна. Решил, это шанс. Можно составить вам компанию? Вы не против?

– Что, простите?

– Может, познакомимся?

– Зачем? – продолжила я диалог двух людей с одной лишней хромосомой.

– Разве для знакомства нужна какая-то особая причина? Кроме взаимной симпатии?

– Наверное, нет.

– И я так думаю. Денис, – представился парень.

– Арина.

А что? Похоже, я теперь свободная женщина. Не пропадать же добру. И Денис довольно симпатичный. Не Семёнов, конечно. Но где тот Семёнов?

– Молодой человек, у вас какие-то проблемы? – поинтересовался неожиданно возникший айтишник.

– Никаких, – нахально ответил молодой человек, не понимая ещё, с кем связался.

– Тогда они у вас сейчас появятся, – уверенно пообещал мой бывший (бывший ли?) любовник.

Он смотрел на меня проникновенным взглядом, удивленно вскинув бровь.

– Арина, я оставил тебя на несколько минут. И что вижу? Стоило отвернуться, как ты тут же принялась клеить какого-то малолетку. Опять взялась за старое?

– За какое старое?

– Ни одни штаны не пропускаешь. Тебе меня мало? Я тебя не устраиваю как мужчина?

Юнец оторопело посмотрел на нас и предпочёл скрыться.

– Семёнов, ты свихнулся? Какие штаны? Какое клеить?

– Ты думаешь, я слепой? И глухой? Думаешь, я не видел и не слышал, как ты с этим придурком флиртowała?

– Да ни с кем я не флиртowała! Семёнов, окстись!

– Скажи ещё, что мне привиделось! И что я должен доверять тебе, а не своим бесстыжим глазам! Арина, я же поверил тебе! Я думал, ты ко мне равнодушна! И это после всего, что между нами было?! Я совсем ничего для тебя не значу? Тебе наплевать на меня, да? На мои чувства? Можно их вот так взять и втоптать в грязь?

– Семёнов! – шокированно выдохнула я.

– Что Семёнов? Ты хоть раз за сегодняшний день назвала меня по имени? – он заводился всё больше. – Я кто, по-твоему? Мальчик для развлечений? Захотела – позвала, надоел – выгнала? Можно вот так запросто меня использовать, а потом вышвырнуть за ненадобностью? У тебя есть хоть какие-то человеческие чувства?

– Всё, Лёша, достаточно. Я поняла.

– Точно поняла? – тут же успокоился парень.

– Абсолютно. Я вела себя как дура. И беспочвенно ревновала.

– Совершенно беспочвенно.

– Я только сейчас это осознала.

– Точно осознала?

Кивнула.

– И больше так вести себя не будешь?

Снова кивнула.

– Какое облегчение, – тяжело вздохнул Семёнов, как если бы общался с душевно больным человеком. – Тогда идём.

– Куда?

– Домой. Будем мириться.

– Так вроде бы уже...

– Ээээ, нет. Это было предварительное примирение. Окончательное состоится дома. Без свидетелей.

Я засмеялась и потянулась к нему, игнорируя присутствующих в торговом центре людей.

Дома нас ждал качественно продавленный за несколько дней совместной жизни диван. И я была рада тому дивану и той квартире. Зачем мы выбирались сегодня в люди? Кому только пришла в голову эта дурацкая идея?

Утро. Точнее полдень. Но мы несколько минут назад проснулись, значит, утро. Семёнов нежится в ванне с кокосовой пеной. Он соблазнял меня на совместные водные процедуры, но эта груда мышц и в одиночку с трудом влезла в чугунное корыто. Свободной оставалась только раковина, но для меня она маловата.

Я на кухне режу хлеб. Единственное, что мне доверяют делать по дому, не считая уборки. Но кто сказал, что прибираться нужно каждый день? С проблемой забытых в неожиданных местах носков сталкиваться не приходится. Те самые носки, минуя меня, самостоятельно добираются до барабана стиральной машины. Так что я в раю.

Обеспечивает пропитанием нас Семёнов. Он от этого кайфует, похоже. Несколько раз, думая, что я ничего не вижу, парень делал снимки свежеприготовленных блюд. Наверняка потом выкладывает их на каком-нибудь форуме, где пасутся единомышленники, или в Инстаграме. Это странно, конечно, на мой взгляд. Но что поделаешь, такое у человека хобби. Как говаривала одна моя подруга: «Каждый спасается, как может».

Кухонный стол вдруг завибрировал, а затем раздалась телефонные трели.

– Лёш, мобильный! – крикнула я. – Принести?

– Не надо, – раздалось из ванной. – Утоплю ещё. Ответь. Спроси, кто и чего хотят.

Взяла смартфон в руку. На экране обозначилось «мама». И как сие понимать? Это такой позывной, что ли?

– Да, – сказала я в трубку.

На том конце провода повисло напряжённое молчание.

– Я вас слушаю, – повторила я на всякий случай. Вдруг не поняли, что вызов принят.

– Девушка, вы не могли бы пригласить к телефону Алексея? – приятный женский голос. Вежливые интонации. Это что за фигня?! Это кого Семёнов так запаролил?!

Погасшее было пламя ревности вспыхнуло с прежней неистовой силой.

– Не могла бы. Он сейчас занят. Ванну принимает, – со вкусом ответила я, желая уязвить собеседницу. – Ему что-то передать? Вы не стесняйтесь, говорите. Я ему сообщу. Потом. Когда он освободится.

– Извините, а вы кто? – удивленно спросили меня.

– Арина, – представилась я.

А что скрывать? Мне скрывать нечего. Я – девушка Семёнова. А вот кто вы, неведомая мадам, нам ещё предстоит выяснить.

– Ариночка? – трубка отреагировала радостным вскриком. – Значит, Алёша у вас? Я так рада! Он очень много о вас рассказывал.

– Так, стоп. Девушка, вы, собственно, кто? – кому, интересно, Семёнов мог много про меня рассказывать?

– Как кто? Мария Аркадьевна. Алёшина мама.

– Какая мама? Он же сирота.

– В каком смысле сирота? – опешила женщина. – Ох. Он у нас такой фантазёр.

– У нас? То есть папа тоже имеется в наличии? Живой и здоровый?

– Папа тоже имеется, естественно. Живой. А вот насчет здоровья... Простудился на днях. Так что здоровье не очень. Но я, наверное, отвлекаю вас, Ариночка? Не буду мешать. Всего хорошего. Ждём вас в гости. Алёше передайте, что я звонила.

– Непременно. И вам всего хорошего, – на автомате ответила я и отключила телефон.

И как это понимать?

Семёнов нарисовался через пару минут. Предстал предо мной в одном полотенце на бёдрах, красный, горячий и счастливый. Заключил в мокрые объятия, игнорируя тот факт, что в руке у меня зажат нож. Чмокнул в нос.

– Зря ты отказалась от совместной ванны. Было бы здорово! Но ничего, я не теряю надежды.

Я промолчала и отодвинула его от себя.

– Ариш, что-то случилось, пока я был в ванной?

– Случилось. Такое случилось! Ты не поверишь, Семёнов! Звонила твоя мать! С того света! Привет передавала. И от папы тоже. Не желаешь объясниться?!

– Спокойно, Афанасьева! Только без нервов. Нож положи! Положи, кому сказал! С оружием не шутят.

– И не подумаю! – я демонстративно махнула оружием перед семёновским носом.

Парень молниеносно перехватил мою руку, вывернул запястье, выхватывая нож, а потом плотно прижал меня спиной к своей груди. Полотенце от таких манёвров сползло на пол.

– Ты хотела меня убить? – поинтересовался он хриплым голосом, проводя губами по моей шее.

– Была такая мысль, – не стала отпираться я. – Подумала, будет неплохо, если ты воссоединишься с семьёй.

– Ты бы потом по мне скучала?

– Безумно. Но что поделаешь, аффект.

– Аффект, значит.

– Семёнов!

– Что?

– Я думала, от горячей ванны мужчины расслабляются. Ну, ты понял.

– Так я и не напрягаюсь вроде.

– Ага, заметно!

Семёнов пошло хохотнул и потащил меня в комнату опровергать очередной миф.

– Кушать очень хочется! – жалобно заныла я, после того как он доказал свою состоятельность.

– Дай мне пару минут. Отдышусь. Такая нагрузка на сердце! Сначала попытка убийства. Потом сексуальное насилие. Страшный ты человек, Афанасьева.

– А говорил: красивая. Врал?

– Страшно красивая, – выкрутился парень и поднялся с дивана. – Я пошёл разделывать тушу мамонта. А ты пока достань нитки и

иголки.

– Зачем?

– Будешь себе шубу из шкуры шить. Мамонтовую. Писк сезона.

Семёнов ушёл готовить мамонта, и я сразу же заскучала. Вообще-то он мастерски перевёл тему. Но пусть не надеется, что я забуду про его наглое враньё. К неприятному разговору мы всё равно вернёмся.

На кухне ждал накрытый стол. Кофе, яичница, бутерброды. Мой добытчик решил особо не заморачиваться сегодня.

– Ну, рассказывай, – потребовала я после утоления голода.

Семёнов подпёр щеку кулаком и с тоской во взоре уставился на меня.

– Понимаешь, я хотел как лучше.

– Не понимаю, – устало помотала головой. Все его оправдания начинаются именно с этой фразы. Он заботится о моём благополучии. Надоело, если честно. – Зачем ты врал?

– Чтобы ты всякие глупости про меня не придумывала.

– Значит, приют, ПТУ, Школа милиции – это всё твои фантазии?

– А что мне ещё оставалось, если ты смотрела на меня как на классового врага? Как ещё я мог растопить твоё ледяное сердце?

– Но теперь-то я достойна высокой чести знать правду?

– Достойна, – со вздохом согласился Семёнов. – Только не гони меня, пожалуйста, в ночь холодную, когда узнаешь правду.

– Тааак. Что там у тебя? Три судимости? Разбой, убийство, изнасилование?

– Если бы, – снова вздохнул парень. – Ладно. Будь что будет. Родился в Москве, учился в гимназии, закончил юрфак МГУ.

Я присвистнула. Спасибо что не МГИМО.

– Мама – преподаватель. Там же. В МГУ.

Ну, это понятно. Картина вырисовывается. Не самая приятная, к слову.

– Папа?

– Папа работает в одной конторе.

– А подробнее?

Название впечатлило. Крупный игрок на финансовом рынке.

– А кто у нас папа по должности?

– Директор, – очередной трагический вздох. – Но ты сильно не переживай. Он там не единственный директор. Не самый главный, в

общем.

– И на том спасибо.

Папа у нас топ-менеджер очень серьёзной финансовой корпорации. Час от часу не легче.

– Прогонять не будешь?

– Подожди. Ещё не решила. А в Управление ты как попал?

– Работал в полиции. Это чистая правда. Была у меня такая мечта в детстве – спасти мир от плохих людей. Подрос, решил попробовать. После универа работал в следствии. Спустя какое-то время познакомился с Захаром Матвеевичем. Родители сначала пытались отговаривать, потом смирились.

– Только не говори, что до сих пор живешь с родителями!

– Ладно, не скажу, – тут же согласился парень.

– Так, Семёнов! Не уходи от ответа! Где ты живешь?

– У папы с мамой, – новый вымученный вздох. – А что? Квартира большая. При желании можно не пересекаться.

– Насколько большая? – поинтересовалась я с недобрыми интонациями в голосе.

– Ну, не очень большая. Так, средняя. Даже, я бы сказал, маленькая. По сравнению с теми хоромами, в которые мы с тобой наведывались по делу хапуна, крошечная. Развернуться негде.

Ага, маленький такой пентхаус где-то на задворках старой Москвы. Или в новостройках на проспекте Вернадского. Чтобы мама могла пешком на работу ходить. Этого я и боялась!

– Зачем я тебе, Семёнов? – тоскливо спросила я.

– Ариш, ты чего? Не надо, Ариш!

– Твои родители меня не примут. Они, наверное, уже подыскали тебе выгодную партию с отличной родословной.

– Зачем ты так? Как будто я призовой кобель или жеребец орловской породы. Мои родители хорошие, вменяемые люди. Ты им понравишься. Давай не будем всё усложнять. Вот скажи мне, что изменилось, после того, как ты узнала правду?

– Всё изменилось, Семёнов. Всё!

– Учти, из квартиры не уйду. Ключи не отдам, – поставил перед фактом парень.

– Полицию вызову, – пригрозила я.

– Я сам полиция. Вызывали?

– Не юродствуй!

– А что мне ещё остаётся? Ариш, давай мириться, а?

– Опять?!

– Нет, ну ты снова всё опошшила! Только об одном думаешь. Сексуальная маньячка. Очень сексуальная!

– Не подлизывайся!

– Арииииш, ты же меня простишь? Да?

От вкрадчивых интонаций по телу побежали мурашки. Сразу захотелось позабыть все обиды и перебраться к Семёнову на колени. Мне там так уютно! Возникает чувство абсолютной защищённости. Но не стоит поддаваться, Арина! Он тебе врал. А врать нехорошо. Даже если ложь во спасение. Правда рано или поздно наружу выплывет.

Умом я понимала, Семёнов прав. Во всём прав. Узнай я правду раньше, к себе бы точно не подпустила. Ну не верю я, что парень с такой наследственностью может всерьёз заинтересоваться обычной девчонкой. Небольшая необременительная интрижка – всё, на что можно рассчитывать в этом случае. Он же привык получать всё по первому щелчку. Он же с рождения забот не знал. Типичный мажор, одним словом. Ладно ещё его родители. Они берегов не теряли. Учитывая непростую историю построения капитализма в нашей великой державе, можно сделать вывод, что они всего добились сами. Своим умом, своими силами. При этом люди культурные, не побоюсь этого слова, интеллигентные. Разговор с мамой Семёнова позволил в том убедиться. Да и по Семёнову видно, в какой среде он рос и воспитывался. Несмотря на показную, именно показную, грубость и наглость, айтишник выделялся на общем фоне, как аристократ выделялся бы среди пусть и образованного, но крестьянства.

Да уж, Семёнов, задал ты мне задачку. И что теперь с тобой делать? Прогнать? Наговорить гадостей, да таких, что сам от меня шарахаться будешь? Нет, не могу. Подохну я без тебя. Вот как только выйдешь за порог, лягу на диван и подохну.

– Ариииш?

Нежное мурлыканье над ухом и сильные пальцы, разминающие мои окаменевшие плечи, прервали горестные думы.

– Ладно, оставайся, – обречённо выдохнула я.

– Ура! – громкий вскрик и смачный поцелуй в оглохшее ухо.

А после я сидела у него на коленях и допивала остывший кофе, наслаждаясь лёгкими поглаживаниями. Идиллия.

– Лёш?

– Ммм?

– Я тут подумала. Вот мы сейчас предаёмся безделью и неге...

– Вполне заслуженным.

– Разве я спорю? Заслуженным, конечно. Но мне не даёт покоя мысль, что та тварь, которая поселилась в нашей конторе, высматривает очередную жертву. Представь, что она там уже присосалась к кому-то, пока мы наслаждаемся жизнью.

– Арина, ну зачем ты о работе в такой момент? Нам больше обсудить нечего? Планы на будущее, например, – заинтриговал Семёнов.

Приятно знать, что он думает о совместном будущем. Это окрыляет похлеще «Ред Булла». Но мы бездействуем, а в офисе тем временем творятся страшные дела.

– Планы на будущее – это прекрасно. Но пора возвращаться в реальность, Лёша. Чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы.

Глава 9

Истина где-то рядом

Работа. Загадочный мир кипящих страстей и смертельно опасных интриг. Мир, где рассыпаются в прах самые смелые мечты и рушатся в одночасье амбициозные планы.

– Арина, со своей стороны я сделала всё, что могла, – оправдывалась Катерина, вытащившая меня на перекур.

– Я тебе верю, – мои унылые интонации и похоронный вид заставили бы возрыдать мусорные баки, стоявшие неподалеку от офисной курилки, если бы у них были хоть какие-то зачатки человеческих чувств.

Катю проняло.

– Ну, правда, Арина! Я не виновата! Я задействовала все возможные рычаги. Даже к Копытину напросилась на приём. Но всё без толку. Меня саму эта ситуация бесит до крайности. Получается, я врала тебе. Но это не так. Я даже не предполагала, что подобное может случиться. Меня просто перед фактом поставили.

– Он чей-то знакомый или родственник?

– Похоже на то. Но у него неплохой опыт плюс знание английского.

– У меня тоже неплохой опыт и знание английского. А еще французского. И все необходимые документы, подтверждающие этот факт, в личном деле.

– Но у тебя нет связей.

– Господи! Связи! Да при чём тут связи? Это даже не руководящая должность! Просто громкое название – и ни одного человека в подчинении. Тот же функционал, только зарплата чуть выше. И за эту должность я самоотверженно пахала два года, веря красивым обещаниям. Два года! И что теперь? Никаких перспектив.

Должность руководителя проекта, которой я грезилась с первого дня работы в конторе и которую мне, к слову, обещали после того, как я проявлю себя, уплыла из-под носа. Проявила я себя достаточно давно. Но обещанного повышения не было ввиду отсутствия в штатном расписании той самой должности. Мне каждый месяц торжественно

клялись, что новое штатное вот-вот утвердят, и тогда... И я верила. Верила и вела себя, как тот ослик, который бежит за морковкой, болтающейся перед его носом на длинной палочке. И чем быстрее бежит ослик, тем быстрее удаляется от него морковка. А теперь морковку отобрали и вручили другому.

– Не горячись. Есть у меня подозрение, что этот ставленник, мать его, долго в руководителях проекта не просидит. На моё место метит, гад.

Офисные джунгли, в которых выживает... не сильнейший, нет. Тот, у кого есть протекция. Можно упахиваться и проявлять себя, но вожаемое место займет кто-то другой. Кто-то, кто и дня не проработал здесь, но в ком по тем или иным причинам заинтересовано руководство. И опасения Катерины не беспочвенны. Но ей-то что! Она в любом случае найдет работу не ниже начальника отдела. А я? Снова начинать с нуля? Снова доказывать, что могу? Что способна и достойна? И снова очутиться в такой же ситуации?

Семёнов говорит: моя проблема в том, что я недооцениваю себя. Не верю в свои способности и силы. И работодатель – о, этот мифический работодатель, которого никто никогда не видел, но о котором так много написано в Трудовом кодексе! – как хищный зверь, чувствует мою неуверенность и пользуется возможностью проехаться задаром. Зачем давать больше, если человек доволен тем, что уже имеет? А если недоволен, нужно задаться целью и искать. Прав он, конечно. Нужно искать, нужно доказывать. Но как не хочется снова погружаться в эти бесконечные собеседования, в разговоры с вынужденно вежливыми интервьюерами, в бесконечную гонку, где выигрывает не тот, кто действительно чего-то стоит, а тот, кто умеет грамотно себя продать. Мне так комфортно было в конторе. С Катериной. С клиентами.

– Катя, Ариша, привет! – обозначился возникший из ниоткуда Семёнов.

Он попытался было потискать меня. Мы же договаривались! Никаких проявлений чувств на работе!

Я бросила на парня злобный взгляд, и он тут же отдернул руки. Катерина с насмешливым интересом изучала нас. От неё не укрылись поползновения Семёнова, и вывод она сделала правильный. Поздоровалась с айтишником, сослалась на срочное задание и

удалилась, показав мне большой палец из-за спины парня. Она одобряла мой выбор.

– Ты что такая кислая, душа моя? – поинтересовался айтишник.

– Похоже, придётся искать другую работу. Но не сейчас, естественно. Потерплю, пока пиявку не отловим.

– И это правильное решение! Давно пора. Не ценят тебя здесь. Хочешь поработать в сфере ценных бумаг?

– Не нужна мне твоя протекция! Я своим умом хочу. И могу.

– Так кто спорит. Работать будешь своим умом. Но работу получишь проверенным способом. Через постель. И протекцию отработаешь, – хмыкнул Семёнов. – План отработки обсудим вечером. Дома.

У меня руки зачесались, так захотелось ему двинуть. Еле сдержалась.

– Семёнов, не беси меня! Мне сейчас не до сарказма!

– Да ладно, Ариша. Я же пошутил, – дал обратный ход парень. – Вообще-то я по делу. На подвале сработала сигналка.

Я сделала большие глаза и выразительно скосила их в сторону стены жилого дома, где находился замаскированный мороком подвал. Сейчас, кстати, там была клумба с облетевшими кустами и печально поникшей травой. Никакого подвала.

Семёнов кивнул.

– Группа подъедет с минуты на минуту. Думаю, нам стоит поприсутствовать.

– Естественно! Хорошо бы поймать эту тварь, пока она ещё кого-нибудь не обнулила.

– Но ты будешь наблюдать за операцией вооооон оттуда, – парень махнул рукой в сторону нашего офиса и больших панорамных окон, которые его украшали.

– Это ещё почему? – возмутилась я. – Я такой же участник опергруппы, как и ты! И тоже хочу в этом участвовать!

– Обойдешься, Афанасьева! Хватит уже трепать мои нервы. Будешь наблюдать издалека и в бронежилете.

– Ага! Ты мне пистолет ещё дай! В целях самообороны.

– Я подумаю об этом, – согласился с моей идеей Семёнов.

Когда подъехали наши, я стояла на максимальном отдалении от эпицентра операции. Но всё-таки не в здании офиса, а на улице, пусть

и в бронежилете поверх пальто. Это право я выторговала путём нехитрых женских манипуляций. И, наблюдая за тем, как Захар Матвеевич одним скупым жестом смахивает с подвала морок и туда направляется спецгруппа, по форме напоминающая ошетилившегося автоматами многоногого ежа, думала лишь о том, как буду сгорать от стыда в секс-шопе, покупая всё то, что требовал с меня Семёнов.

Зачистка подвала заняла не больше трёх минут, по истечении которых на свет божий вытащили сомлевшего от пережитого ужаса щуплого мужичка. На нём был засаленный, местами продранный, местами штопанный ватник, старые серые трико с пузырями на коленях и валенки с калошами.

Захар Матвеевич быстро привёл его в чувство, и он стоял, покачиваясь в крепких объятьях спецназа, обводя нас всех безумным взглядом.

– Главное управление по контролю за соблюдением правовых норм отдельными категориями граждан, подполковник Веденеев Захар Матвеевич, – ведун предъявил трясущемуся злодею удостоверение. – Позвольте ваши документы.

Злодей, на злодея совершенно непохожий, весь скукожился, задёргал носом, отчего ходуном заходила неровная щётка усов, замотал лысой, окантованной седоватым пушком головой.

– Так дома они. Не ношу с собой. В квартире. Но я ничего не делал! Я всё скажу! Не делал я ничего! Ничего такого! Честное слово!

Подозреваемого ещё ни о чём не спросили, а он уже начал путаться в показаниях. Хотя кто знает, как бы я повела себя на его месте. Нет, даже представлять не хочу.

Пономаренко Демьян Антипович ста двадцати семи лет от роду, местный домовый и по совместительству дворник ЖЭКа, пригласил нас в свою скромную двушку для беседы. Точнее, пригласили ведуна, Семёнова и Рината, но я незаметно просочилась следом за коллегами. Спецназ благополучно отбыл, когда выяснилось, что Демьян Антипович опасности не представляет.

Квартира домового сияла чистотой, дышала уютом и умиротворением, пахла пирогами. В небольшой гостиной, где для нас накрыли стол, полстены занимал портрет Демьяна Антиповича и доминантной дамы. Дама была широка, Демьян Антипович смущён и кроток. Картина маслом была исполнена в лучших традициях жанра

«портрет по фото на заказ недорого». Противоположную стену украшало изображение той же дамы в парадном платье императрицы Сисси, которое входило в диссонанс со стрижкой «начёс с пёрышками» и стервозным бульдожьим лицом. Зато сразу становилось понятно, кто в доме хозяин.

Супруга Демьяна Антиповича была чистокровным человеком, о чём с гордостью поведал домовый.

Нас усадили за длинный, накрытый клеёнкой поверх скатерти стол, налили чаю и поставили блюдо с пирогами. Пироги были великолепны.

– Демьян Антипович, расскажите, пожалуйста, что вы делали в подвале, – отхлебнув чая, попросил Захар Матвеевич.

– Так. Что я делаю в подвале. Что я в подвале делаю, значица. Кхм... Кхм... – домовый потёр ладони о бёдра. – Ну, так это... Досуг у меня там, в подвале-то.

– Это как? – опешил Ринат.

Мы с Семёновым недоумённо переглянулись. Не знаю, о чём подумали коллеги, но мне почему-то представилось, как домовый водит в подвал девиц лёгкого поведения и развлекается с ними тайком от супруги. На ложе из газет и тряпья. Но всё оказалось гораздо интереснее.

– Понимаете, супруга моя, значица, Зинаида Сергеевна, всячески порицает праздное времяпрепровождение. Очень она не любит, когда я без дела сижу. Супруга моя считает, что мужчина без дела превращается в низменное животное. Деградирует. А я, значица, книжки люблю почитывать, лёгкого жанра, что супруга не одобряет. Супругу я люблю и уважаю. Она у меня женщина образованная, амбициозная. Добилась высот на карьерном поприще, значица. Председатель ЖЭКа!

– И что же она, образованная женщина, не позволяет вам читать книги? – удивился ведун.

Домовой яростно замахал руками, опровергая инсинуации в адрес своей половины.

– Ни в коем случае! Что вы! Наоборот, поощряет. Вот, посмотрите!

Домовой прошёл к книжному шкафу и предъявил ведуну небольшой томик.

– Жан-Поль Сартр, «Тошнота», – продекламировал Демьян Антипович. – Зинаида Сергеевна считает, что я должен соответствовать её высокому статусу, а посему, значаща, беспрестанно развиваться умственно. Вот, приобретает для меня книги на свой тонкий вкус.

Нужно отметить, про тиранию супруги домовой рассказывал без толики сарказма. Наоборот, с благоговением. А мы с Семёновым чуть не давились смехом, который сдерживали, опасаясь оскорбить радушного хозяина.

– И что, не понравилось? – поинтересовался Семёнов, с трудом стирая улыбку.

– Ну как вам сказать. Не очень. Если честно, акромья тошноты, прочтение сего опуса больше ничего у меня не вызвало. Пожалуй, это первая на моей памяти книга, название которой соответствует содержанию. Там, – кивок в сторону шкафа, – много ещё чего тягомотного есть. Ну не люблю я такое, понимаете? Не люблю! Мне бы что попроще. Детективы, например. Очень, знаете, Донцову уважаю. Хороший писатель.

– Так вы в подвал читать, что ли, ходите? – уточнил Ринат.

Домовой степенно кивнул.

– А эти, бабские... то есть дамские, романы тоже вы читаете? – спросил недоверчивый опер.

– Я. Кто ж ещё. Про подвал в доме, акромья меня, никто не знает. Я уж постарался.

– И что, нравится?

– А как же! Увлекательно. И потом, супруга моя, Зинаида Сергеевна, женщина очень темпераментная. Требуеа от меня изобретательности, значаща. Вот, заодно изучаю, чем можно женщину порадовать.

Рината надо было видеть! Непередаваемая гамма эмоций. Захар Матвеевич не изменил своей привычной вежливой маске. Семёнов хохотал, спрятав лицо в ладонях. Я же торжествовала на правах победителя в сложном диспуте.

– Что ж, любовь к литературе – это прекрасно. Читайте на здоровье где вам удобно. Хоть в подвале, – подвёл итог начальник. – Однако мы, Демьян Антипович, хотели уточнить, не известно ли вам

что-либо о смерти одного из жильцов вашего дома? Кутеповой Анастасии Павловны?

– Как не известно-то? Известно, конечно. Настасья Пална из триста пятой. Очень приятная женщина была. Лет сорок назад так и вовсе красавица.

– И что же вам известно?

– Ну как что? Померла она с месяц назад или чуть меньше. Вот что известно.

– По какой причине?

– А то мне не ведомо. Это, значица, вы больше меня знать должны.

Ведун кивнул, соглашаясь.

– Может, у вас есть предположения, что могло способствовать смерти вашей знакомой?

– Ну так. Не то чтобы знаю. Скорее, догадываюсь. Высушило её. Тут у нас многих высушило за последний год. Стариков в основном. Но и тех, кто помоложе, тоже. Нашли бы вы эту тварь поскорее да упекли подальше. Очень я за Зинаиду Сергеевну переживаю.

– Мы делаем всё, что в наших силах, – ответил ведун. – Вероятно, вы сумеете нам помочь.

– Уж я постараюсь.

– Постарайтесь, пожалуйста. Не замечали ли вы странных сущностей в офисном здании по соседству с вашим домом?

Домовой пожал плечами.

– Как не замечать-то? Замечал, конечно. Кого там только нет. Людей разных прорва и нелюдей тоже. Так это для Москвы обычное явление. Москва, она многих притягивает. Разных. А что эти разные нелюди тут работают, так тоже обычное дело. Есть-то, поди, всем хочется. Вот и приходится лямку тянуть.

– И что же, ничего необычного даже среди нелюдей? – не сдавался терпеливый Захар Матвеевич.

– Да что в них необычного? – махнул рукой домовой. – Так, нечисть обыкновенная да нежить местами. Как везде, значица. А вот среди людей есть... Да, есть, так сказать, один странный тип. Ну да как странный. Редкое явление просто. Но раньше и не такое бывало.

– И что же это за явление?

– Ну так человек без души.

– Это как? – влез в разговор Семёнов. – Бездушный в смысле? Злой, что ли?

– Да не. Не злой. Не бездушный. Без души он. Душу-то из него вынули. И стал он такой чёрный весь изнутри. А вокруг него как бы воронка крутится всё время. Он часто тут бродит. Курит. Не бережёт здоровье, значица. Ну и мусорит ещё.

– А этот человек без души, он мужчина? – уточнил ведун.

Домовой пожал плечами.

– А бог его знает. Может, мужчина, может, женщина. Я не приглядывался. Мне на такое смотреть неприятно. Думаете, он убийца?

– Вполне возможно, – осторожно ответил ведун. – Демьян Антипович, я хотел бы вас попросить оказать содействие следствию. Посмотрите, не сочтите за труд, вместе с нами на персонал офисного здания. Если вы не против, завтра с утра пройдемся по кабинетам, поищем человечка.

Домовой скучился.

– Ну так это... Я-то не против... Только вот надо с супругой, Зинаидой Сергеевной, значица, согласовать этот момент.

– Согласуйте, конечно. Только не затягивайте, пожалуйста. Вот мой номер, как определитесь со временем, звоните, – ведун протянул домовому визитку. – Что ж, не будем вас больше отвлекать. Большое спасибо за чай. И до завтра.

Мы попрощались с хозяином, который на выходе вручил каждому по кульку с пирогами, и направились по своим делам.

На следующий день выяснилось, что Демьян Антипович пропал. Ушёл вечером за хлебом и не вернулся. Так, по крайней мере, заявила его супруга, председатель ЖЭКа.

– Может, его тоже того, засушили, – предположила я, когда Семёнов сообщил о результатах поиска.

– Вряд ли. Врёт Зинаида Сергеевна. Врёт и не краснеет. Припрятала муженька от оборотней в погонах. Беспокоится о его безопасности. И правильно делает. Где она ещё такого найдёт? Готовит, убирает, на работу провожает, с работы встречает, в постели старается. Ты бы меня, наверное, тоже припрятала от оборотней в погонах, да, Афанасьева? Я же тоже готовлю. И стараюсь.

Я попыталась ткнуть Семёнова локтем в бок, но он увернулся.

– И что теперь делать? – поинтересовалась я.

– Ждать. Захар Матвеевич снова сигналку на подвал повесил. Как захочет наш несостоявшийся информатор приобщиться к прекрасному, подъедем, побеседуем. Разъясним гражданину его гражданский долг. У нас, кстати, появилась новая жертва.

– Кто? – опешила я от неожиданной новости.

– Татьяна Степановна из отдела налогообложения.

– Вот блин! Живая, надеюсь?

– Живая. Уже доставлена в ведомственную больницу, так что поправится быстро. Там врачи знают, как лечить подобные болезни. Да и Захар Матвеевич поможет со своей стороны.

– Как догадались в ведомственную-то поместить?

– Сердечный приступ прямо на работе. Наша контора на особом учёте, поэтому всех пострадавших тут же будут доставлять куда надо, а на месте уже разбираться, стандартный случай или мистический.

– Навестим её?

– Само собой. Выдвигаемся сразу после работы.

До конца рабочего дня ещё шесть часов. Шесть часов бок о бок с человеком, лишившим меня надежды на карьерный рост. Человек сидит рядом со мной. За тем столом, который когда-то занимал Павел. И человек этот вполне симпатичный. На вид мой ровесник. И когда он успел наработать «неплохой опыт»? Встал за станок сразу после школы?

Человек приветлив и общителен. За время моей «командировки» успел освоиться и обжиться. По-дружески болтает с Костиком и Кирюшей. К Катерине лишний раз не лезет. Опасается. И правильно делает.

– Арина, как ты проводишь свободное время? – интересуется человек, у которого, похоже, вагон этого самого свободного времени, причём оплаченного конторой. Чего не скажешь обо мне.

– Работаю, – буркнула я, всем видом давая понять, что мне, в отличие от него, не до праздных разговоров. – Тружусь на благо работодателя, не щадя живота своего.

– Арина, так нельзя, – менторским тоном заявляет человек и начинает учить меня жизни. – Нужно уметь отдыхать.

– Лучший отдых – смена деятельности. Поэтому на работе я веду интенсивную переписку с клиентами, а дома за чашкой вечернего чая составляю договоры.

– Ты с родителями живешь? – задал неожиданный вопрос человек.

Мне кажется, или это уже переходит всякие границы? Он что, хочет унижить меня всеми доступными способами? Сначала подсел, а теперь ещё и переспать со мной вознамерился? Удивительная наглость! И раздутое самомнение!

– Нет, в гареме султана Брунея. Дмитрий, извини, мне нужно работать.

Человек отстал. Сделал вид, что тоже увлёкся рабочим процессом.

Но ненадолго. Настало время обеденного перерыва, и Дмитрий снова вспомнил о соседке.

– Ты здесь обедаешь? – поинтересовался он.

Пока я обдумывала вежливый, но язвительный ответ, возле моего стола появился Семёнов.

– Арина, давай сегодня сходим в наше кафе, – с ярко выраженным ударением на предпоследнем слове сказал айтишник.

А я и не знала, что у нас есть такое кафе. Какой приятный сюрприз! И весьма своевременный. Я благодарно кивнула своему спасителю и поднялась, подхватив сумку.

«Нашим» кафе оказался Макдональдс. Едва завидев известный логотип, я затормозила и потянула Семёнова за руку.

– Я туда не пойду!

– Боишься испортить фигуру? – засмеялся парень. – Брось! «И если ты станешь взрослой – И даже совсем не тоненькой, – Я буду любить тебя так же, – Как в наше первое лето»^[12].

Слово «любить» от Семёнова, адресованное мне, – как удар молнией. Я опешила, захлёбываясь холодным воздухом, а он настороженно следил за моей реакцией. Кинулась к нему, обвила руками, утыкаясь носом в шею.

– Арииииш, – нежно, протяжно в самое ухо, а пальцы стискивают моё пальто в районе лопаток. Ток заструился по венам от макушки до кончиков пальцев ног.

– Ну всё, хватит, – сказал он, отрывая меня от себя. – Я же не железный, а нам ещё полдня работать. Пойдём перекусим.

– Куда угодно, только не в Макдак! Меня этой едой упыри кормили. Так что теперь на неё аллергия. Извини, но это без меня.

– Понял. Найдём другое место.

Другим местом стало кафе, в котором Катерина любила собирать нас на корпоративные посиделки. Оно напомнило о Павле и нашем стремительном романе. Но эти воспоминания лучше, чем те, что остались после пребывания в упырином логове.

– Мне пора начать волноваться? – поинтересовался Семёнов после того, как мы сделали заказ.

– Ты о чём? – не поняла я.

– О твоём новом поклоннике. И почему я у тебя всегда кобель, а ты такая порядочная недотрога? И это при том, что тебя ни на минуту нельзя оставить. Даже на работе.

– На работе всё обычно и происходит, – хмыкнула я. – Ты ревнуешь, что ли?

– А не стоит?

– Лёша, не смей меня! Было бы к кому. Он же тебе в подметки не годится. Да тебе никто в подметки не годится! Ты самый лучший! И потом, ты мой герой. Ты меня от смерти спас. А он? Кто он вообще такой? Скользкий гад, который увёл мою должность.

– Приятно, что ты осознаешь степень моей значимости, – приосанился мой герой.

– Не лопни от гордости.

– И оставить тебя на растерзание поклонникам? Ни за что!

В кафе присутствовало несколько коллег, поэтому пришлось соблюдать приличия. А так хотелось похулиганить! Семёнов испытывал те же чувства. Его рука незаметно для окружающих поглаживала моё колено, затем поглаживания переместились чуть выше. Я в долгу не осталась. Через несколько секунд парень перехватил и сжал мою нахальную ручонку.

– С огнём играешь, Афанасьева, – доверительно шепнул он, прожигая многообещающим взглядом.

Я чуть не взвизгнула от предвкушения. И зачем нам ехать в какую-то больницу после работы, когда все мысли крутятся вокруг дивана? И не только мои, судя по тому, что я вижу. Но долг превыше низменных удовольствий. Я же сама прервала наш спонтанный медовый месяц, так что мне и мучиться.

Семёнов мучился вместе со мной, пока мы мчали в сторону ведомственной больницы. Ну как мчали. Кружили по подворотням, простаивали в пробках. Мой страстный возлюбленный постоянно путал рычаг переключения передач с моим коленом.

– Лёш, мне кажется, наша пиявка – мужик, – решила я отвлечь Семёнова от собственной персоны. Да и самой необходимо отвлечься, иначе создадим аварийную ситуацию на дороге.

– В связи с чем такое умозаключение? – спросил Семёнов, но руку с бедра не убрал. Сжал пальцы. Несильно, но чувствительно. Я судорожно всхлипнула. Моя реакция не осталась незамеченной, и парень продолжил экзекуцию.

– Сам посуди, – ответила я, хватая его за запястье и перекладывая руку со своего бедра на его. Красивые у Семёнова руки. Крепкие ладони, длинные, чётко очерченные пальцы. Надо попросить его попозировать мне. Сделаю несколько быстрых зарисовок. Хотя, догадываюсь, во что выльется это позирование. – Все пострадавшие – женщины. Сначала я, потом сотрудница отдела кадров, после – старушка из дома напротив, сейчас Татьяна Степановна. То есть все жертвы женского пола. Точно говорю, пиявка – мужик.

– Допустим. Ты что-то вспомнила?

– Нет, – помотала я головой. – Просто домыслы. Я вообще тот период плохо помню. Я тогда была сильно не в себе. Окружающую действительность воспринимала с трудом. Бродила как в тумане.

Семёнов нахмурился. Зря я напомнила ему о Павле. Похоже, он до сих пор считает, что тот легко отделался.

Татьяну Степановну разместили в обычной палате. Палата имела более чем пристойный вид и предназначалась для двоих человек. Вид нашей коллеги тоже был вполне пристойным и даже бодрым. Татьяна Степановна, пышнотелая круглолицая дама, не так давно вышла на пенсию, но работу не оставила. И это понятно. Пойди проживи на ту пенсию при нынешнем уровне цен.

Нашему появлению она немало удивилась, но, похоже, обрадовалась. Семёнову, в первую очередь. Парень заботливо хлопотал вокруг неё. Помыл и разложил на тумбочке фрукты. Несколько раз справился о самочувствии и, удовлетворившись ответом, что оно возвращается в норму, приступил к опросу, замаскированному под искреннее беспокойство.

– Как же так, Татьяна Степановна? Вы ведь такая сильная и крепкая девушка, – «девушка» заалела круглыми щеками, расплываясь в счастливой улыбке. – Неужели на работе довели? Подчинённые постарались? Только намекните кто, я им устрою небо в алмазах.

– Что ты, Алёша! Девочки здесь совершенно ни при чём. Дома проблемы, – Татьяна Степановна тяжело вздохнула и погрузилась. – Всё как-то навалилось разом. У Вити беда. Это мой старший. Попал под сокращение. Вы же знаете, как сейчас сложно работу найти. Кризис. А у него ипотека. И Оксана, жена, вторым беременна. Ещё Павлик, старший внук, связался с дурной компанией. Пьёт, курит, деньги воровать начал. Боюсь, как бы наркоманом не стал.

– Да уж. Непростая ситуация. Но работа – дело наживное. Лишь бы голова на плечах была. Вас-то они зачем своими проблемами грузят? У вас же сердце!

– Так никто и не знал, что сердце. Сама удивилась. Давление, конечно, давно пошаливает. Ну так возраст уже.

– Да разве это возраст? – галантно возмутился Семёнов.

Я была с ним солидарна. В Европе той, недружественной, вообще раньше шестидесяти пяти на пенсию не пускают. Там Татьяне Степановне место в общественном транспорте и не подумали бы уступить. Ибо молода ещё. Эх, рано наши дамы в старухи себя записывают. Хотя, учитывая, что они волокут на себе семейный быт и, вернувшись с одной смены, тут же приступают к другой, неудивительно. В нашей стране невыгодно быть женщиной. Днём пашешь наравне с мужчинами, вечером превращаешься в подёнщика, обслуживающего домочадцев.

– Афанасьева! – рыкнул на меня Семёнов. – О чём это ты задумалась? По лицу вижу, что в твоей голове опять дурные мысли бродят.

Совсем забыла, что Семёнов у нас эмпат.

– Да так. Ни о чём.

Парень недоверчиво косился в мою сторону.

– Да в порядке я! В полном порядке! За Татьяну Степановну переживаю.

– Ох, ребята! Какие вы хорошие! Не ожидала, честное слово. Так приятно!

Мне стало стыдно. Знала бы милая Татьяна Степановна, что не обеспокоенность её здоровьем послужила причиной нашего визита.

– Татьяна Степановна, может, вас вчера кто-то на работе обидел? Ну, спровоцировал, так сказать, реакцию? – вернулась я к теме нашего расследования.

– Нет, ну что ты, Арина. Кто меня мог обидеть? Я сама глупости наделала. Решила закурить с горя. По молодости баловалась, но бросила давно. Как Витей забеременела, так и бросила. А тут зачем-то решила вспомнить дурную привычку. Так что сама виновата. Сердце-то уже не то, что в молодости.

– С вами в курилке кто-то был?

– Конечно. Там много ребят было. В обеденный перерыв же вышла.

– Вы обсуждали с кем-то случившееся?

– Да, там три девочки были. Одну я хорошо знаю, это твоя Катя. Две другие тоже из вашего кабинета. Не помню, как зовут. Мы с ними по работе не сталкивались. А почему ты спрашиваешь?

– Да так, подумала, вдруг кто-то из них мог вас расстроить. Я поговорю с ними, чтобы в следующий раз следили за языками. Это же не шутка, человека до приступа довести!

– Глупости, Арина! Девочки, наоборот, меня утешали. Как увидели с сигаретой, принялись расспрашивать и успокаивать.

– А из мужчин кто-то был рядом?

– Конечно. Костик из твоего отдела и ещё какой-то мальчик. Имени не знаю. Они «скорую» и вызвали. За вещами моими сбегали. Хорошие ребята. Очень мне помогли.

Костик отпадает. Он не нечисть и не нежить. Проверено. Надо у него поинтересоваться, что там за «мальчик» был с ним. И Катерину расспросить поподробнее.

Мы пожелали Татьяне Степановне скорейшего выздоровления и отбыли.

– Негусто, – прокомментировала я, когда мы ехали в сторону дома.

– А как ты хотела? Чтобы тебе сообщили паспортные данные злодея?

– Было бы неплохо. Это сильно облегчило бы нам задачу. А так кто знает? Может, она вовсе даже не в курилке пиявку встретила.

– Мне кажется, именно там. Сама посуди. Ты упала в обморок после перекура. Это раз. Наша пиявка цепляет человека в тот момент, когда у него проблемы. Это два. У тебя были проблемы, у Татьяны Степановны тоже. А что делает человек, у которого проблемы? Правильно. Курит. И пьёт. Но на работе пить нельзя. Уволить могут. Так что остаётся только один способ совладать со стрессом.

– Но были ли проблемы у той женщины из отдела кадров, которая умерла? И курила ли она?

– Были. Я интересовался. От неё муж ушёл. Она переживала. И курила. Много, кстати. Так что всё сходится. Надо искать того, кто постоянно трётся в курилке.

– Значит, будем чаще курить.

– Не будем. С этого дня ты не куришь, – сурово припечатал Семёнов.

– Ты совсем озверел?

– На работе не куришь, – уточнил парень. – Дома можешь отрываться. Я сам не идеал. Так что не требую от тебя полного отказа от пагубной привычки. Если решим бросать, будем делать это вместе. Но рисковать собой я тебе не позволю. Мне двух раз хватило. Нет, трёх. Про трещины в рёбрах твоих забыл. Так что пожалей моё бедное сердце. Ещё одно происшествие, и оно не выдержит. Лягу в соседней с Татьяной Степановной палате.

– Буду апельсины тебе носить. И куриный бульон. И Моэма вслух читать. Любишь Моэма?

– Не особенно.

– Ладно. Тогда Воннегута.

– Помру ведь, – жалобно сказал Семёнов.

– Я не дам тебе помереть! – торжественно пообещала я.

– Ага, как же! Бросишь ты меня, Афанасьева. Знаю я тебя. Ты у нас женщина темпераментная. Как только перестану удовлетворять твои потребности, сразу найдешь себе молодого жеребца.

– Семёнов, ты debil? Какие потребности? Какие жеребцы? Прекращай нести пургу!

– Фу, Афанасьева! Какая ты у меня грубая! Надо это исправлять. Будем работать над твоим лексиконом. Что удивительно, Моэм, Воннегут, поэзия, живопись – и подзаборная брань при этом. Как ты умудряешься сочетать несочетаемое, мой интеллигентный гопник?

– Сам ты гопник! На себя посмотри! И вообще, я – богема. Мне позволительно быть эксцентричной.

– Дааа. Мы идеально подходим друг другу.

Оставшиеся дни рабочей недели были ничем не примечательны. Кроме, пожалуй, одного момента. Семёнов перебрался ко мне со всем своим скарбом. Мой не слишком вместительный шкаф затрещал по швам.

– Что, Афанасьева, носить нечего, а шкаф не закрывается? – иронизировал сожитель над моими бесплодными попытками не погибнуть под грудой тряпья. – Может, отдадим твои вещи нуждающимся? Я знаю пару фондов, которые с радостью примут одежду в хорошем состоянии.

– Семёнов, отстань! Я тоже знаю пару фондов. Но, как ты правильно сказал, им нужна одежда в хорошем состоянии, а не ЭТО.

– Так давай отнесем всё на помойку.

– А что я носить буду?

– Мда... Может, пройдемся по магазинам в выходные? Обновим твой скудный гардероб? За мой счёт, естественно.

– Семёнов, не зли меня! Лучше помоги запихнуть футболки в ящик.

– Этими футболками только полы мыть, – прокомментировал состояние моего гардероба вредный оккупант. – Ну-ка, отойди. Вот это, это и это на выброс. Ну блиииин! Неужели это ещё носят? Афанасьева, не позорь меня! Сдам тебя в «Модный приговор», честное слово!

– Семёнов! Не трогай мою одежду! За неё деньги заплачены!

– О! Вот этот раритет я, пожалуй, оставлю. Бабушкино, да? Хранишь как память?

Семёнов напялил на голову мой старый застиранный лифчик четвертого размера с широкими лямками. Выглядел парень при этом как полный идиот. Но откуда у меня эта деталь гардероба? Я же давно избавилась от позорных напоминаний о прежней форме. Неужели мама положила в чемодан, когда я сбегала из родного дома? В надежде, что одумаюсь и верну всё, как было? Она каждый раз, когда я приезжаю в гости, тяжело вздыхает. Мол, отощала доченька в Москве, всю природную красоту растеряла. Вон и позвоночник просвечивает

сквозь кофту толстой вязки. Ни груди, ни прежней косы до пояса. А ничего, что та коса свешивалась до необъятных размеров задницы? И пузо мешало разглядеть пальцы ног? Ни грудь, ни коса ситуацию не спасали.

– Отдай сейчас же! – потребовала я и рванула к Семёнову.

Он уклонился и оказался на безопасном расстоянии, прижимая лифчик к груди.

– Арина, только не говори, что этот бронежилет принадлежит тебе.

– Отдай, кому говорят!

– Так это твоё? Пампушечка моя! – умилился Семёнов.

– Убью! – пообещала я на полном серьёзе.

– Свинка Пеппа ненаглядная!

– Семёнов, ты труп!

Семёнов перехватил меня в броске. Я хотела наставить ему фингалов, но не получилось. Всё-таки моя фитнес-подготовка не шла ни в какое сравнение с приёмами армейского рукопашного боя. Или что там у него в арсенале.

Потом мы лежали на диване, и Семенов пересчитывал мои рёбра.

– Никогда бы не подумал! – признался он.

– Ну да. Грудь нет, жопы нет. Но я не жалею. И возвращаться в прошлое не планирую.

– Дразнили в школе?

– Не без этого. Тяжело было. Дразнили преимущественно в детском саду и начальных классах, потом просто предпочитали не замечать. Этаким социальный вакуум. Словно я пустое место. Иногда, правда, морщились в моём присутствии, как будто от меня воняло. Было, мягко говоря, неприятно. В универе тоже игнорировали. До четвёртого курса. Потом я влюбилась. Безответно, понятное дело. Он был такой красивый... Популярный. А я... Жирная я была.

– Но всё равно красивая, – умильно протянул Семёнов.

– Нет. Жирная и страшная, – категорично ответила я.

– Не верю. Фотки есть? Покажи.

Фотки были. В ноутбуке. Не знаю, зачем я их сохранила. Наверное, для того, чтобы не возникало соблазна заедать стресс. Хотя такой соблазн больше не появляется. Случаются иногда периоды неконтролируемого жора, но это, скорее, исключение. Как правило,

чем сильнее психическая нагрузка, тем меньше аппетит. Произошёл этот сдвиг сознания именно тогда, на четвёртом курсе.

Да, похудела я ещё в университете. На выпускном курсе полностью сменила гардероб, но не остановилась на достигнутом. На смену жёсткой диете пришло многоразовое лёгкое питание по всем канонам диетической науки и изнуряющие физические нагрузки, к которым я со временем привыкла. Я стала другим человеком. Снаружи. Внутри же по-прежнему сидела несчастная и неуверенная в себе толстуха. И в Москву я уехала по большому счёту для того, чтобы начать жизнь с нуля. Чтобы создать новую Арину Афанасьеву. Чтобы не встречаться с теми, кто помнил меня прежней: толстой забитой неудачницей. На встречи выпускников я не являюсь по той же причине, хоть и получаю регулярные приглашения в социальных сетях, которые посещаю крайне редко.

Семёнов принялся изводить меня нытьём, и мне ничего не оставалось, кроме как включить ноутбук и предъявить ему доказательства. Зря я это сделала, конечно. Опыт прошлых отношений подтвердил: всё сказанное может быть использовано и будет использовано против тебя. Сейчас же я сдавала Семёнову все карты, всё, что хранила глубоко в душе, куда раньше никому хода не было.

Открыла папку со старыми фотографиями. Многие были сканами бумажных снимков, преимущественно школьных. Другие сделаны в расцвет эпохи цифровых технологий. Именно на неё пришлась учёба в университете.

– Вот университетские снимки. Самое большое место на них занимаю я.

– Ну нет. Ты на себя наговариваешь. Шикарная грудь! А глаза какие! Глубокие, выразительные, думающие. Сразу видно – личность. И лицо. Тебе очень шли эти милые щёчки. – Семёнов тактично комментировал снимки, на которых я представала в самых нелепых и ужасающих образах. – Я бы не отказался тебя за них потискать. После груди, конечно. И волосы. Обалдеть, какое богатство! Куда коса делась?

– Облезла от стресса.

Сейчас мои волосы заканчивались чуть ниже лопаток. Прежней впечатляющей густоты не было. Да и не жалела я об этом. Таскать на

голове такое, как выразился Семёнов, богатство было довольно утомительно.

– А кто из них твоя любовь? – поинтересовался парень, когда мы долистали до коллективного фото нашей группы.

– Вот, – ткнула я пальцем в лицо человека, кардинально изменившего мою жизнь.

– И ты в ЭТО влюбилась? Какое счастье, что твои вкусы изменились! Ариш, ну это ж... Это ж... Как бы помягче сказать. Он того не стоил, честное слово!

– Знаешь, я ему благодарна.

– Жёсткий отказ?

– Как бы объяснить? Помнишь, как ты меня отшил перед похищением?

Семёнов скуксился, но кивнул.

– Так вот. Этот был не столь куртуазен. В выражениях не стеснялся. Потом ещё растрезвонил всем. На меня смотрели как на убогую. Полный абзац! Неделю я терпела. Насмешки, косые взгляды, жалость. А потом не выдержала, сорвалась. Пришла домой после учёбы и опустошила аптечку. Сожрала почти все таблетки. Аспирин, парацетамол, нош-пу, что-то от поноса. Запила бутылком корвалола. Я тогда не особо понимала, что творю. Но у нас снотворного не держат. Ни у кого в семье проблем со сном нет. Так что суицид не удался. Потом меня колбасило не по-детски. Помню, как рвало и колотило. И судороги ещё были. К счастью, всё случилось днём. Родители, вернувшись с работы, решили, что я просто переутомилась. Сестра училась во вторую смену и пропустила этот цирк. А я валялась на кровати в своей комнате и всё ждала, когда же, наконец, умру.

– Я рад, что ты жива, Ариша! – потрясённо произнёс Семёнов, сжимая меня в своих руках.

– Не поверишь, я тоже. Потом аппетит как-то сам собой пропал. Вообще есть не хотелось. Жить тоже. Всё было в сером мареве. Пропали цвета, запахи, вкусы. И я начала стремительно терять вес. По инерции поднималась по утрам, шла на учёбу, кое-как отсиживала лекции. Успеваемость, понятное дело, упала. До этого шла на красный диплом, а тут стало совсем не до учёбы. Приходила домой, не переодеваясь, садилась в кресло и бездумно смотрела в одну точку. Страшное было время.

– Хочешь, я его убью?

– Семёнов, ты совсем больной? Он же не виноват ни в чём. Это я к нему полезла со своими признаниями.

– Всё равно убью, – пообещал парень. – Он мою пампушечку обидел.

Я засмеялась. Сейчас упоминание о прежней полноте не вызывало негативных эмоций. К тому же слово «пампушечка» в устах Семёнова звучало довольно эротично. Пожалуй, соглашусь на такой позывной. Мне нравится.

– Не надо. Пусть живёт.

– Он так сильно тебя зацепил?

– Не то слово. Я на него с первого курса любовалась как на произведение искусства. Он сидел в первом ряду. Я на последнем. У нас такие аудитории были, как римские амфитеатры. Я забиралась на самый верх. Мне казалось, там меня никто не заметит, кроме преподавателей. Так вот, я сидела наверху по центру, он внизу сбоку. Я любовалась его профилем, он смотрел на преподавателя. Он строчил лекции, а я рисовала его в тетрадах для конспектов.

– И как ты при этом умудрялась идти на красный?

– У меня хорошая память. Я неплохо воспринимаю информацию на слух. Приходила домой и воспроизводила лекции. И потом, я ещё учебники читала. Там было гораздо больше того, что давали на лекциях. Так что ничего сложного. Друзей у меня не имелось. По клубам не ходила, так как не с кем, да и страшная была. Всё время отдавала учёбе и книгам.

– И чем всё закончилось?

– Красный диплом сорвался. Пара троек. Я пересдала, конечно. Но, как выяснилось, пересдача не считается. На пятом курсе была уже на четыре размера меньше. Мной стали интересоваться однокурсники. На выпускном он пригласил меня на танец. Ну и я в тот вечер от него не отлипала, понятное дело. Это случилось в его машине. На заднем сиденье. Он потом долго причитал, что обшивка не отмоеется. А я была счастлива.

– Урод! – зло припечатал Семёнов. – Ты точно хочешь, чтобы он жил?

– Абсолютно! Лёша, пойми, всё это далёкое прошлое. После выпускного мы больше не встречались. Я год прожила в родном

городе. Потом нашла работу в Москве. Вначале было туго с деньгами. Снимала койко-место. Жили впятером в двухкомнатной квартире. Но девчонки хорошие попались. До сих пор встречаемся. Со временем зарплата выросла. Сейчас вот квартиру снимаю. На первоначальный взнос накопила. С лихвой, спасибо Управлению. Осталось определиться с работой, и можно ипотеку брать.

— За квартиру теперь платить буду я. Завтра дашь мне контакты хозяина.

— Лёш!

— Не обсуждается! Не хватало ещё жить на твоём содержании.

— Может, пополам?

— Афанасьева, ты лучше эти деньги на шмотки потратить, что ли.

Я промолчала. А что я могла ему сказать?

— Теперь мне всё понятно, — задумчиво выдал Семёнов. И меня это почему-то задело.

— Что, блин, тебе понятно? Психолог недоделанный!

— Ариш, не ершись! Дурак он. Эта твоя институтская любовь. Я бы тебя не отпустил. Если бы ради меня девушка совершила такой подвиг, я бы до конца своих дней на руках её носил. Может, ты обратно потолстеешь? А потом похудеешь, но уже ради меня?

— Да ну тебя! Не буду толстеть. По крайней мере, специально.

— Так я создам все условия!

— Лёша! Ты точно больной!

— Всё. Понял. Умолкаю.

Глава 10

Последняя битва

На работе я снова напялила солнцезащитные очки. На этот раз ненадолго. Катя сдала всех, кто был в курилке в тот момент, когда Татьяне Степановне стало плохо. Незнакомым парнем оказался человек, укравший мою должность. Две девчонки – Зоя из отдела маркетинга и Настя из управления продажами – состояли со мной в шапочном знакомстве. Мы пересекались в курилке и перекидывались ничего не значащими фразами. Ни один из этих людей ничем особенным не отличался. Может, мы с Семёновым ошибаемся, и пиявка подкарауливает своих жертв в пустых просторных коридорах конторы? Или очки в нашем случае не работают? Если прав пропавший домовый и злодей обычный человек? Хотя можно ли считать обычным человека без души?

Наш новый руководитель проекта постоянно оказывал мне знаки внимания, суть которых по большей части сводилась к тому, что у меня прибавлялось работы. Я выполняла свои должностные обязанности плюс объясняла очевидные вещи Дмитрию.

– Неплохой опыт, говоришь? – мрачно поинтересовалась я у Катерины, после того как мы завернули за угол конторы.

Курить на работе запретил Семёнов, и мы теперь, как школьники, прятались в подворотнях.

– В резюме всё очень красиво.

– Угу. В резюме. Ты как его собеседовала? Он даже в экселе не рубит!

– А я его не собеседовала. Говорила же, меня перед фактом поставили. С ним Копытин общался. Он и принимал решение.

– Ведун мразёвый!

– Арина, я понимаю, ты расстроена, но Копытин вовсе даже не пердун, – Катерина рассмеялась. – Он молодой и очень интересный мужчина. Ты, конечно, увлечена Семёновым, но не до такой же степени, чтобы других мужчин совсем не замечать.

Не объяснять же ей, что я на самом деле имела в виду. Случайно вырвалось. Надо следить за языком.

– Кстати, как там у вас с Семёновым?

– А что у нас с Семёновым? Нормально всё. Гайки закручивает. Вот, курить запретил.

– Я вообще-то не об этом.

– Кать, а ЭТО я обсуждать не буду, – помотала головой. – ЭТО личное.

– Ну и ладно. Значит, не будем обсуждать ЭТО. А жаль. Любопытно очень. Может, посидим где-нибудь в пятницу после работы?

– Не могу, – протяжно вздохнула я. – В пятницу у меня знакомство с родителями.

– Ого! А он, я смотрю, набирает обороты. Отрывается за всё то время, что ты его динамила.

– Да не динамила я его!

Катерина иронично поглядела на меня.

– Неужели это было так очевидно? Ну, что я ему нравлюсь?

– Ага. Причём всем. Кроме тебя, понятно. Ох уж мне этот комплекс неполноценности!

Мы, покурив, теперь неспешно прогуливались по офисным коридорам, и Катерина припоминала случаи, когда Семёнов недвусмысленно намекал, да что там, прямым текстом говорил о том, что я ему интересна, что я ему нравлюсь, даже то, что хотел бы со мной встречаться. А я переводила всё в шутку, принимая его авансы за своеобразный стиль общения. Я сконфуженно посмеивалась над рассказами подружки и собственной избирательной слепотой.

Не прерывая беседы, мы вывернули из-за угла, и моему взору открылась удивительная картина. Возле приёмной господина Копытина расположилась парочка. Секретарша вице-президента стояла ко мне лицом. Её визави был повернут спиной. Но этот затылок я всегда узнаю!

Они стояли неприлично близко друг к другу. Ларочка, эротично изгибаясь, лгнула к стене. Семёнов опёрся об эту самую стену рукой. До нас долетали смех и обрывки разговора.

Я резко затормозила и дёрнула Катерину обратно за угол.

– Кать, ты иди, – шёпотом велела я ей. – Я тут немного постою. Понаблюдаю.

– Арин, только не вздумай устраивать сцен! Они же просто разговаривают.

– Что ты, какие сцены, – растянула я губы в приторной улыбке. – Так, постою в сторонке, послушаю, о чём они там воркуют.

– Арина, не глупи! Не порти отношения!

– Извини, но я как-нибудь сама разберусь, что мне делать со своим парнем. Давай иди уже! Иди! Только меня не выдавай!

Катерина сжала моё плечо, призывая к здравомыслию, а затем послушно двинулась вперед. Я слышала, как она поздоровалась с парочкой. Потом её шаги стихли. Вдалеке хлопнула дверь нашего кабинета.

Я достала телефон и сделала вид, что читаю сообщения. А то вдруг кто-нибудь выйдет в коридор, а тут – оп-па! – шпион. Надо мимикрировать.

Настороженно прислушалась.

– Лёша, помнишь, ты говорил, что любишь оперу? – Ларочкин нежный голосок.

– Было дело.

– Недавно новый фильм вышел. Что-то про Пиковую даму. Не хочешь сходить в эту пятницу?

Скажи, что ты не можешь! Умоляю, скажи!

– В пятницу не могу. Неотложные дела.

Уффф. Спасибо!

– А в другой день?

Нет, нет, нет! Тебе же только что отказали! Угомонись уже! Где твоя женская гордость, в конце концов?!

– Хм. В другой день? Пока не знаю. Надо подумать.

О чём тут думать! Даже не смей! Подумает он!

– Думай. Но только недолго, – кокетливо мурлыкнула Ларочка.

Я услышала, как закрылась дверь приёмной. Затем раздались шаги.

– Ариша! Ты что здесь делаешь? Почему в пальто? И почему от тебя табаком пахнет? Мы же договаривались!

– Да, мы договаривались, – проговорила я злым срывающимся шёпотом. – Мы договаривались, что я не курю на работе и больше тебя не ревную. Но ты же сам всё делаешь для того, чтобы я ревновала! Объясни мне, что это сейчас было?

– Ариш, ну ты чего! Ничего не было. Ничего такого. Клянусь! Мы же просто разговаривали!

– Разговаривали? – взвизгнула я. Осеклась и снова перешла на угрожающий шёпот. – Да она на тебе практически висела! А ты! Почему ты так близко к ней стоял? Она тебе нравится? Не отпирайся! Я же вижу, нравится. Это что, проявление вашего фирменного «ябывдул», да?

– Афанасьева, угомонись! – скомандовал парень, хватая меня за локоть. – Прекращай истерику. Дома поговорим.

Я выдернула руку и с видом оскорбленной невинности поплыла в сторону гардеробной. Семёнов шёл следом. Конвоировал. В этот момент дверь приёмной распахнулась и из неё выпорхнула Ларочка с телефоном в одной руке и кружкой в другой.

– Алёша, – позвала она. – Хорошо, что ты ещё не ушёл. Ты забыл у меня телефон и кружку.

Ага, и трусы с носками!

Я остановилась, чтобы понаблюдать за провалом Семёнова. Парень стоял посреди коридора с растерянным лицом. Что, милый, попался на горячем? Интересно, как ты теперь будешь выкручиваться, когда в деле появились новые неопровержимые доказательства твоей вины?

Но Семёнов не стал выкручиваться. Принял из рук секретарши своё имущество, тепло поблагодарил (скотина!) и преспокойно пошёл в наш общий кабинет. Поравнявшись со мной, одарил драматичным гамлетовским взглядом и продолжил путь.

Ах так, да? Ну ладно! Пойду в курилку и укурюсь вусмерть тебе назло! Я развернулась и пошагала обратно на улицу.

Добрела до курилки. Плюхнулась на лавку, достала сигареты и принялась смолить одну за другой до тех пор, пока во рту не появился вязкий мыльный привкус.

– Привет.

Подняла глаза. Надо мной возвышалась Зоя из маркетинга. Я привычно протянула ей зажигалку. Собственную она так и не завела. Да и зачем? Отсутствие зажигалки – прекрасный повод начать разговор и собрать все офисные сплетни или вывалить их на собеседника.

– С Семёновым поругались? – участливо поинтересовалась она, прикурив.

Ну да. В кабинете все уже поняли, что мы встречаемся. Но ей-то какое дело? Тоже Семёнов покоя не дает? Ждёт, когда до неё очередь дойдет? Вот ведь блин связалась с донжуаном! И что, теперь всегда так будет? Всегда будет кто-то третий в наших отношениях?

– Нет, – помотала головой на вопрос девицы из маркетинга.

Кто она такая, чтобы я с ней делилась своими проблемами? Вот отменю пятничное знакомство с родителями, завалимся с Катериной в какой-нибудь кабак, там я напьюсь в хлам и прорыдаюсь на плече у друга. А друг найдет мудрые слова и утрёт мне сопли.

– Мне тут на днях Лариса намекнула, что Семёнов к ней равнодушен. Оказывает недвусмысленные знаки внимания. Так что будь осторожнее. Ты её знаешь. Если в кого вцепится...

При упоминании ненавистного имени моё сердце прострелило болью. Я судорожно вздохнула, подняла глаза на «доброжелательницу»... и тут увидела, что Зою окутывает серое марево. А в этом мареве мерцают чёрные всполохи, большая часть которых сконцентрирована в области сердца.

У меня неожиданно закружилась голова, пересохло во рту, сердце сорвалось в галоп.

Кажется, я нашла злодея. Ну, или злодей нашёл меня. Это с какой стороны посмотреть.

Я молча наблюдала за тем, как тощая крашенная брюнетка тушит окурок и неспешно покидает место регулярной кормёжки.

Куриль вредно, товарищи! Это факт!

Превозмогая накатывающую дурноту, я дрожащими руками вытащила из кармана телефон. Набрала Семёнова. Он не ответил. Сделала повторный звонок. Его сбросили. По моим щекам покатились крупные злые слёзы. Я тут умираю, а он там развлекается! Вот помру сейчас, потом жалеть будешь! Всю оставшуюся жизнь!

Но помирать не хотелось. Смерть как-то не вписывалась в мои планы. Поэтому я принялась строчить сообщение, резкими движениями головы стряхивая накрывающий меня липкий туман: «Пиявка – Зоя из маркетинга». Слово «маркетинг» далось с третьей попытки. Я бросила телефон на скамейку, а сама наклонилась вперёд, свесив голову между коленями. Стало чуть полегче.

Через несколько минут послышался топот. Я повернула голову. Ко мне нёсся Семенов. Ну наконец-то! А я всё думала, когда же ты явишься меня спасать.

– Ариша!

Парень упал на лавку рядом со мной. Поднял, обнял, устроил мою голову на своём плече.

– Идти сможешь?

– Не знаю. Давай попробуем.

Приподнялась и плюхнулась обратно.

– Так, понятно. Жди. Машину сейчас подгоню. Я мигом!

Семёнов убежал, но его сменили Катя, Костик и руководитель проекта. Даже имя его произносить противно.

Засуетились вокруг меня.

Катя достала телефон. Видимо, собралась звонить в «скорую».

– Кать, не надо «скорую». Лёша сейчас машину подгонит, отвезёт в больницу.

Начальница замерла, присела рядом, посмотрела удивленно и весело.

– Арина? Это то, о чём я думаю?

– Точно нет, – постаралась говорить я как можно убедительней, но мне, похоже, не поверили.

Костик по моей просьбе принёс сумку. Вряд ли я вернусь сегодня на работу.

Во внутренний двор въехал «лексус». Семёнов выбежал из машины и в три прыжка оказался рядом. Подхватил меня на руки, как рыцарь прекрасную даму, и бережно понёс к автомобилю, потом усадил в кресло, пристегнул ремнём.

– Ну, ребята, поздравляю вас, что ли, – радостно сказала Катерина, вручая Семёнову мою сумку. Парень ошарашенно посмотрел на неё, но не произнёс ни слова. – Арина, вечером позвони, расскажи, как дела, как самочувствие.

Начальница удалилась лёгкой пружинистой походкой. Мда... Ситуация, однако...

– Что это с ней? – спросил Семёнов, выходя из двора.

– Решила, что ты скоро станешь папой.

Семёнов поперхнулся воздухом.

– А это не так?

– Семёнов, ты в себе ли? Меня только что отвампирили по полной программе! От этого дети не появляются, если ты не в курсе.

– Одно другому не мешает. Ты как себя утром чувствовала?

– Семёнов, не беси меня! Нормально я себя чувствовала, пока не столкнулась в курилке с Зоей.

– Какого чёрта ты там делала?! Зачем тебя туда понесло?! Мы же договаривались! – орал на меня парень, словно это я была виновата во всех своих бедах.

– Мы много о чём договаривались! Но речь сейчас не об этом. Звони Захару Матвеевичу. Надо брать эту воблу, пока она не поняла, что её инкогнито раскрыли.

– Это подождёт. Пусть сначала тебя починит, а уж потом рыбу ловит.

До Управления добрались за пятнадцать минут. Семёнов со мной на руках в два прыжка поднялся по ступеням, на ходу крикнув какому-то парню, чтобы тот привёл ведуна в комнату отдыха. Меня сгрузили на диван, и через несколько минут надо мной склонилось три головы: Семёнова, ведуна и Рината. Последнего мне не хотелось видеть даже в таком состоянии.

Опер оценил мой взгляд. Обернулся к Семёнову:

– Зря ты ведьму так быстро приволок. Надо было покатать пару часов по городу, глядишь, к вечеру стал бы свободным человеком.

Я захлебнулась возмущением. Собиралась уже выдать матерную тираду, но Захар Матвеевич решительно оттёр своих подчиненных в сторону, присел рядом со мной на диван, взял за руку. Положил ладонь мне на лоб. Через минуту стало хорошо. Через две – очень хорошо.

– Как вы, Арина? – поинтересовался ведун, отстраняясь.

– Превосходно! Даже лучше, чем было. Спасибо, Захар Матвеевич! Как вам удалось вернуть меня к жизни?

– Поделился энергией, – спокойно ответил ведун, словно это было привычным делом.

– Вам, наверное, сейчас нехорошо? – забеспокоилась я.

– Что вы, Арина. Не переживайте. У меня в арсенале сила, опыт, ну и несколько накопителей на такой вот случай. Я в полном порядке. Поднимайтесь, садитесь за стол. Я сейчас чайку организую. А молодые люди поедут на охоту.

Ведун повернулся к подчиненным.

– Поняли, – кивнул Ринат. – Уже уехали.

– Я с вами, – вскочила я с дивана, намереваясь принять участие в спецоперации.

– Только через мой труп! – зло рыкнул Семёнов. – Сиди тут и даже не вздумай высовываться! Захар Матвеевич, проконтролируйте, пожалуйста, чтобы эта вечная жертва обстоятельств дождалась нашего возвращения.

– Семёнов, ты хоть знаешь, кого ловить?

– Естественно! Зою из отдела маркетинга. Высокая стройная брюнетка.

– Тощая крашенная жердь, – немного отредактировала я словесный портрет злодейки. – Она вся окутана туманом. Серым. С черными молниями внутри. И в спецочках почему-то этого не видно. Я смотрела на неё раньше. Несколько раз.

Ведун задумчиво поглядел на меня, затем на оперов.

– Пожалуй, прокачусь с вами, – сообщил он. – Арина, я могу рассчитывать на ваше благоразумие?

Я кивнула, а потом испуганно посмотрела на Семёнова.

– Это очень опасно, да? – голос задрожал и сорвался.

– Пока не знаю, – ответил ведун, отследив направление моего взгляда. – Я, видите ли, никогда не слышал о подобных случаях. Людей без души в моей практике ещё не было. Ну что ж. Нам пора. Нужно подготовиться. Новый опыт как-никак. Неизвестно, с чем предстоит столкнуться. Алексей, Ринат, собирайте группу.

Я осталась одна. Бродила из угла в угол, обхватив себя руками. Иногда присаживалась на стул или диван, но через несколько секунд вскакивала и вновь принималась мерить комнату шагами. Очень хотелось позвонить Семёнову, удостовериться, что с ним всё в порядке, услышать родной насмешливый голос. Но я понимала, что только помешаю ему выполнять задание. Рисковать жизнью. Ох ты ж блин, мама дорогая! Ну что за работа у человека! Как такое может нравиться? А ведь ему именно что нравится.

Но больше всего угнетала мысль не о работе, а о том, что мы так и не помирились перед его уходом. И зачем я набросилась на него со своей дурацкой ревностью? Чёрт с ней, с этой Ларочкой. Нравится ему с ней кокетничать, да ради бога. Только бы вернулся! Вдруг он

погибнет в неравном бою со злодеем? А я даже не поцеловала его на прощание. Вдруг я его больше не увижу?

Накрутив себя до полубессознательного состояния, я рухнула на диван и спрятала лицо в ладонях.

– Афанасьева, ты ревёшь, что ли? По какому поводу?

Семёнов стоял в дверях. Потрёпанный, взлохмаченный, в рваной грязной куртке. Но живой. Живой!

Я кинулась ему на шею, повисла на нём, задыхаясь от счастья.

– Меня оплакивала? – усмехнулся Семёнов, после того как мы наобнимались вдоволь.

– Нет. Свою незавидную участь. Вот помрёшь ты, кому я нужна буду? Придётся одной век доживать.

– Эгоистка, – вздохнул парень. – Только о себе и думаешь.

В комнате появились люди, и нам пришлось отлепиться друг от друга.

Захар Матвеевич включил чайник. Семёнов колдовал над заваркой, что-то смешивая из разных немаркированных пакетов. Ринат достал из холодильника сыр и колбасу. Незнакомый парень резал хлеб. Я порывалась помочь уставшим после боя мужчинам, но мне велели не мешать. Поэтому я сидела на диване и бездействовала. Ждала новостей.

Новости узнала после того, как мужчины утолили голод и выпили по чашке странного травяного напитка. Мне заварили обычный пакетированный чай.

– Как всё прошло? – спросила я, когда сотрудники Управления расслабленно развалились на стульях.

– Вообще огонь! – восторженно затараторил незнакомый опер. – Такая бешеная оказалась – жуть! А на первый взгляд – очень даже ничего девочка. Её к начальству вызвали, а там мы. Захар Матвеевич её едва коснулся, так она озверела просто! Весь кабинет разнесла! Чистый армагеддон!

Взгляд опера горел, лицо сияло нездоровым энтузиазмом. Он собирался продолжить увлекательный рассказ, от которого леденело моё сердце. Ведь среди этого армагеддона был Семёнов. Мой Семёнов.

Тот, видимо, прочитал по моему лицу всё, что я в тот момент думала. Пнул рассказчика под столом. Тот сбился и умолк.

– Да, было непросто, – подытожил ведун. – Но мы справились. Все живы-здоровы, и слава богу.

– А Зоя?

– А она здесь совершенно ни при чём, – удивил начальник.

– Как ни при чём? – оторопела я. – Я же её видела! Зою!

– Вы видели проклятье, Арина. Проклятье в действии. Просто я не сразу понял, что именно вы описали. Всё-таки мы с вами поразному видим. Такое бывает. А насчёт Зои... Кто-то сильно невзлюбил вашу коллегу. Но мы с этим уже работаем, и с Зоей всё будет в порядке.

На Зою мне, если честно, было наплевать. Не нравилась она мне. Но кого тогда поймали мои сослуживцы?

– А кто же это тогда?

– Ариш, ты только не волнуйся, пожалуйста, – начал издалика Семёнов.

А что мне волноваться-то? Вот он, мой Семёнов. Живой и здоровый. А большего мне и не надо. Да и пиявку они каким-то чудом умудрились отловить. Значит, всё просто великолепно! Жизнь продолжается!

– Ариша, понимаешь... Господи! Как сказать-то? – Семёнов упёрся лбом в сцепленные кулаки. Вдохнул. Поднял на меня глаза. Очень печальные глаза. – Ариша, это Катя.

Катя? Какая ещё Катя?

Так, стоп! Катя? Катя?! Моя Катя – пиявка?!

– Подожди! Ничего не понимаю! Как? Как такое может быть? Вы, наверное, ошиблись! Катя не могла... Совершенно точно не могла! Это не она! Я два года её знаю. Она мой единственный друг! Да лучше неё никого нет! Я вам не верю! Вы это специально придумали, чтобы дело закрыть. Так ведь? Отвечай, так?!

Я хотела броситься на Семёнова, встряхнуть из него всю правду о грязных играх Управления.

Меня остановил ведун.

– Арина, я понимаю вас. Понимаю, как это непросто. Но Алексей не врёт. Убийца – Смолина Екатерина Андреевна. Полагаю, суд это подтвердит.

– Да в жопу ваш продажный суд! – заорала я на начальника, забыв субординацию и правила поведения в обществе. На кону

жизнь ни в чём не повинного человека. Близкого мне человека, который утешал и поддерживал меня в трудную минуту, который всегда был рядом, готовый подставить плечо. – Он что угодно подтвердит, чтобы ваши задницы прикрыть! Вы все здесь одним миром мазаны!

– Арина! Успокойтесь! И выслушайте меня. Иначе я приму меры!

Ага, меры он примет! Знаю я ваши меры. Перед глазами всплыла картина, как Семёнов и Ринат бьют Катю по почкам. Чтобы следов не осталось. Как Катя, захлебываясь слезами, дрожащей рукой подписывает признание во всех возможных грехах, принимая на себя не только жертв неведомой пиявки, но ещё пятнадцать висяков в нагрузку. Ей ведь уже нечего терять, а у Управления раскрываемость поднимется. Может, кое-кто даже премию получит. На меня накатило настоящее бешенство. Забрало упало. В таком состоянии мне море по колено.

– Вот только не надо мне угрожать! Я вас не боюсь! – тыкала я пальцем в Захара Матвеевича. – Где она? Что вы с ней сделали? Вы её били? Пытали? Я хочу её видеть! Слышите? Отведите меня к ней немедленно! Я должна убедиться, что с ней всё в порядке.

Ведун перехватил мои руки, которыми я размахивала перед его лицом. Сжал ладони. Мне как-то сразу расхотелось воевать. Да и что я могла с ними сделать? С четырьмя сильными, вооружёнными, хорошо обученными мужчинами? Меня омывали волны слабости. Колени подкосились. Вот Катю, наверное, так же. Сначала били, а потом одурманивали.

Закружилась голова, и я начала оседать на пол, но меня подхватил Семёнов. Отнёс к дивану, усадил себе на колени и принялся гладить по голове, как маленького ребёнка. Мне хотелось стряхнуть его руки, не раз испачканные в крови подозреваемых. Но сил не было. И я против воли принимала его ласки, которые в тот момент были мне отвратительны.

Захар Матвеевич сунул мне под нос гнусно воняющую ватку. Потом накапал в кружку какую-то другую вонючую дрянь и приказал выпить.

А потом я перестала быть собой. То есть я по-прежнему оставалась Ариной Афанасьевой, но только какой-то неправильной.

Абсолютно лишённой всяких эмоций. Во мне были только спокойная отрешённость и трезвая решимость докопаться до истины.

Я стряхнула руки Семёнова, поднялась с его колен, поправила сбившуюся во время недавнего буйства одежду.

– Я должна увидеть Катю, – голос как будто чужой. Насквозь промороженный.

Семёнов, Ринат и незнакомый опер смотрели на меня как на инопланетянина.

– Мы предоставим вам такую возможность, – спокойным тоном сказал Захар Матвеевич. – Но вы должны пообещать, что не будете делать глупостей.

Я лишь повела плечом. Где я и где глупости. Скажете тоже. Я сама рассудительность.

Катя сидела в обезьяннике. Совершенно одна.

Сотрудник Управления, чьё рабочее место располагалось неподалёку от зарешёченного угла, отирался в коридоре. На вопросительно поднятые брови ведуна развёл руками.

– Не могу я там находиться. Жуть какая-то, – отрапортовал мужчина. – Я, конечно, всякого повидал за время службы, но это выше моих сил. Уж простите.

Мы подошли к решётке. Я, Захар Матвеевич и Семёнов, который решил остаться со мной до последнего.

Катя сидела на полу. Одежда её была разодрана. Всегда идеальная причёска превратилась в стоящий дыбом веник. На скуле виднелся кровоподтёк. Лицо бледное, почти синее, осунувшееся.

Она заметила наше приближение, подняла глаза.

В этот момент с меня слетела вся заморозка, наложенная ведуном.

Передо мной сидела не моя Катя. У моей Кати не могло быть таких глаз. Чёрных пустых провалов, в которых не осталось ничего человеческого.

Катя издала жуткий клёкот, а потом поднялась на колени и, словно неведомое науке огромное насекомое, неестественно выгибая локти и колени, двинулась к решётке. Я отшатнулась, упираясь в спину Семёнова.

– Хотим есть! Дайте нам еды! – заскрипел незнакомый голос. – Отдай нам её! Отдай нам его! Что хочешь для тебя сделаем! Только

отдай нам их! – требовала она у ведуна, безошибочно определив в нём главного. – Есть хотим, умираем! – протяжный вой, переходящий в прерывистое поскуливание.

– Что вы с ней сделали? – шёпотом спросила я начальника.

Захар Матвеевич вздохнул.

– Запечатал воронку, чтобы она никому больше не навредила. Теперь она не может тянуть из людей энергию, из-за чего испытывает постоянный голод. Обычная пища тут, к сожалению, не поможет.

– Есть хотим! Дайте нам еды, суки! Еды! Есть хотим! Твари!

Катя скулила, рычала и грызла решётку. Протягивала к нам исцарапанные руки.

Меня словно парализовало. Я не могла ни вдохнуть, ни выдохнуть.

– Ну что, Арина, теперь вы нам верите? – спросил ведун.

Ошарашенно кивнула.

– Думаю, нам стоит вернуться в комнату для отдыха и всё обсудить.

Я не знала, что ответить, в полном шоке глядя на лучшего друга, который выл, сотрясал воздух проклятьями и тянулся ко мне через решётку обезьянника с единственной целью – сожрать мою жизненную силу.

Семёнов взял меня за руку и вывел в коридор. Он так и не отпускал моей руки. Даже когда мы вернулись на кухню и разместились за столом, сидел рядом и по-прежнему сжимал мою ладонь.

Кроме нас троих, в комнате никого не было.

Захар Матвеевич достал из шкафа бутылку коньяка, наполнил бокал, поставил передо мной. Я отодвинула его. Мне совершенно не хотелось туманить и без того нагруженный разум. Бокал перехватил Семёнов. Опрокинул себе в рот.

– Ариша, я тоже не ожидал. Вот чем хочешь тебе поклянуться! – эмоционально начал мой парень.

И я ему поверила. Катерина нравилась Семенову. Я это знала. Видела. Нравилась не так, как я. Всё-таки в меня он был влюблён. По крайней мере, хочется так думать. Катя нравилась ему как человек. С ней было интересно общаться и перекидываться шутками. Приятно проводить время. Она была лёгкой и незамороженной. Обаятельной.

Притягивала к себе людей. Он, как и я, даже представить не мог, что внутри неё живёт такое...

– Я просто предложил поговорить с ней. После того как выяснилось, что Зоя невиновна в нападениях. Думал, Катя наведёт нас на нужного человека. Она же тут давно работает. Всех знает. С тобой дружит. Вдруг заметила то, что мы пропустили. Это Захар Матвеевич понял, что с ней что-то неладное. Не сразу, правда. Да и Копытин, конечно, помог. Спровоцировал её. Он вообще не сторонник мягких методов.

Захар Матвеевич и Семёнов принялись пересказывать события дня, дополняя друг друга. В результате у меня сложилась такая картина.

Вице-президент, курирующий деятельность почти всех сотрудников моего опен-спейса, согласился оказать содействие следствию (куда бы он делся?) и предоставил работникам Управления свой кабинет. Более того, сам взялся поучаствовать в допросе подозреваемой.

Зою вызвали на ковёр. Маркетолог, до этого дня ни разу не попадавшая в поле зрения господина Копытина и знавшая от коллег, кто именно доводит дурные вести о предстоящей путёвке в жизнь в нашей конторе, не на шутку разволновалась, предположив, что с ней решили распрощаться. Девушка не обратила внимания на команду оперативников, прикрытых отводом глаз.

Пока вице-президент читал Зое лекцию о незаменимости корпоративной культуры, незыблемости её постулатов, необходимости активного участия каждого члена дружной и слаженной команды в развитии этой самой культуры – в общем, нёс полную пургу, на которую ошалевшая девушка не знала, как реагировать, Захар Матвеевич сканировал её ауру и прочие жизненные показатели. После получасового трёпа ни о чём Зою выпустили на волю с поручением подготовить проект «курс молодого командира» или что-то вроде того, чтобы повысить мотивацию каждой рабочей единицы в борьбе за покорение карьерных вершин. Какое отношение к карьерным мотивациям имел маркетолог, я не поняла. Зоя, полагаю, тоже. Но в целях самосохранения решила не спорить с начальствующим самодуром и, уточнив сроки разработки и реализации никому не

нужного проекта, отбыла на рабочее место. Или в курилку, снимать стресс и материть руководство.

– Интересная штука на неё повешена, – сообщил Копытин, едва маркетолог покинула пыточную. – Я немного снизил интенсивность проклятья, но, чтобы снять его, придётся попотеть. Конечно, я справлюсь. Пара подобных бесед – и от него следа не останется.

– Вы собираетесь делать это безвозмездно? – вскинул бровь Захар Матвеевич, удивившись бескорыстности коллеги по цеху.

Вице-президент равнодушно пожал плечами.

– Всё-таки это мой сотрудник. И в какой-то мере я несу за него ответственность. Да и не то чтобы безвозмездно. Вычту из годовой премии.

После того как выяснилось, что Зоя не причастна к нападениям, перед оперативниками встала дилемма: вернуться в отдел ни с чем или вызывать в кабинет к вице-президенту каждого сотрудника конторы.

С последним категорически не согласился господин Копытин, сославшись на то, что его сил на психическую и энергетическую дестабилизацию всех работников попросту не хватит. А хватит его удар. Прямо на рабочем месте. Захар Матвеевич нашёл довод разумным. Видимо, пустопорожний трёп выматывал начальство офиса не меньше, чем рядовых сотрудников.

И тут Семёнова посетила гениальная идея пригласить мою подругу. Вдруг да удастся что-нибудь выведать. В тот момент он, конечно, даже не предполагал, что Катя вовсе не та, за кого себя выдаёт.

Копытин согласился повоздействовать ещё на одного человека. Тем более что с Катериной он был знаком, и даже больше, она будила в нём мужские инстинкты.

Начал он издалека. Насосавшаяся досыта моей энергии подруга была весела и общительна. Первые десять минут. На пятнадцатой минуте разговора ни о чём Копытин усилил давление. В результате Катя решила подпитаться от него. Видимо, он так её вымотал, что она утратила осторожность. Или не была приучена контролировать свои потребности. Скорее второе.

Вот тут её и накрыл Захар Матвеевич. Не без помощи вице-президента.

Дальнейшие события развивались с бешеной скоростью. Лишённая возможности свободно получать пищу, Катя в долю секунды утратила человеческий облик. Выглядела и вела себя так, словно в неё демон вселился. Пятеро сильных мужчин с огромным трудом скрутили её.

– Ну а после того как мы замотали эту бестию в жалюзи, Захар Матвеевич её вырубил, – закончил рассказ Семёнов.

– И что, вы её прямо так по коридорам волокли? И никто не удивился?

– Отвод глаз, Арина, – пояснил ведун. – На это у меня ещё оставались силы.

– Захар Матвеевич, объясните, кто она? Просто человек без души, как говорил домовый? Разве такое бывает?

Ведун горько усмехнулся.

– И не такое бывает, Арина. Поработаете с нами, ещё не то увидите. Ваша подруга умерла около года назад. Конкретную дату установить невозможно, слишком много времени прошло. Эксперты смогут определить приблизительно месяц смерти, но и это не точно. От ауры почти ничего не осталось.

Я хлопала глазами, открывала и закрывала рот. Катя не была похожа на зомби. Весёлая, деятельная, активная. Она казалась даже более живой, чем я.

– Но как тогда она, как бы поточнее выразиться... функционировала?

– В её тело подселены астральные сущности. Я пока насчитал четыре. Но это приблизительная цифра. Думаю, их там гораздо больше. Наберусь сил, приду в себя и начну с ними разбираться. Она пробудет здесь сутки как минимум. Так что времени хватит.

– Я ничего не замечала, – покачала я головой. – Никаких изменений. Как такое может быть?

– Полагаю, мы имеем дело с опытными, хорошо организованными подселенцами. И, вероятнее всего, где-то неподалёку бродит кукловод, который это затеял. Устроил своим друзьям гастроли в тварный мир. Боюсь, случай с вашей подругой не единственный.

Пока мы беседовали, в комнату вернулся Ринат. Протянул ведуну какие-то распечатки.

Начальник пробежал по ним глазами.

– Замужем, детей нет. Родители умерли десять месяцев назад. Что и понятно, на них пришёлся первый удар.

– Но она ничего об этом не говорила!

Уж про такое горе в жизни подруги я должна была знать.

– А чему вы удивляетесь, Арина? Подселённым тварям они никто. Так, удобная кормушка под боком. Что там с мужем, интересно?

– Нормально всё. Каждый день её с работы забирает.

Действительно, за Катей каждый день приезжал муж. Я ещё по-доброму завидовала ей.

– Вы с ним знакомы?

– Так, видела несколько раз. Сначала на свадьбе. Потом они подвозили меня иногда до метро. Здоровались, перекидывались парой дежурных фраз. Мне он, честно говоря, был не особо интересен. Да и Катя не тянула его в нашу компанию. Зачем ему слушать женскую болтовню.

– Резонно. А как его зовут, знаете, надеюсь?

– Естественно. Рома.

– Смолин Роман. А по батюшке как?

– Не Смолин. Катя не стала менять фамилию. Не захотела возиться с документами. Фамилию не помню. Отчество тоже. Но, думаю, в паспортном столе можно выяснить. Если он у неё прописан, конечно. Он у Кати живёт. В загсе точно должны быть сведения о нём.

– Выясним, обязательно выясним. Ринат, отправь-ка запросы. И ещё, пошли дежурную группу на квартиру к Смолиной. Может, удастся застать супруга. А после иди домой. Вы тоже, коллеги, отправляйтесь-ка по домам. Всем нужно отдохнуть. Прийти в себя. Денёк тяжёлый выдался.

Мы поднялись. Семёнов надел рваную куртку, взял меня за руку и повёл домой. Отдыхать.

Я на автомате перебирала ногами, следуя за парнем, как телёнок на верёвочке. В голове всё перемешалось. Как так вышло, что я не заметила перемен в своей единственной подруге? Не увидела, что в какой-то момент это стала уже не Катя, а сброд астральных подселенцев.

Единственные перемены в поведении, которые мне вспомнились, были связаны с тем, что после свадьбы Катя вдруг как-то резко перестала жаловаться на жизнь. Не то чтобы она раньше сильно ныла,

но в её жизни случались мелкие неурядицы, которыми она делилась со мной. После ее свадьбы была в основном я, хотя, по идее, должно было быть наоборот. Всё-таки любовь любовью, а совместный быт неслабо вытрёпывает нервы. Но не в её случае. Она всегда внимательно слушала меня, сочувствовала, давала советы. Идеальный друг, что тут скажешь. То, что в процессе таких вот регулярных посиделок Катя питалась моей энергией, стало понятно только сейчас.

В памяти всплыл момент последней Катиной подпитки от меня, когда я застала Семёнова с Ларочкой. Наверное, сейчас не стоило выяснять отношения, но мне почему-то очень захотелось докопаться до истины. Возможно, это желание было вызвано острой необходимостью перенести фокус внимания на другую ситуацию, в которой можно не оправдываться перед совестью, а обвинять самой. Обвинять всегда легче.

– Лёша, почему ты не отвечал на мои звонки? – спросила я, когда мы подошли к автомобилю.

Семёнов нахмурился. Дёрнул плечом.

– Извини, Ариша, я думал, ты захотела поистерить. Ждал, когда перебесишься. Решил, что лучше нам обсудить всё дома, не при посторонних.

– Ага. Понятно.

– Ариш, я же извинился! Ну сколько можно изводить меня беспочвенной ревностью?

– Ах беспочвенной! Знаешь что, Семёнов, поезжай без меня, – захлопнула я дверцу машины, которую открыла до этого. – Я, пожалуй, пройдусь. Подумаю над своим поведением. Над беспочвенной ревностью. Поговорим дома, не при посторонних.

Развернулась и пошла по улице. Было ещё светло. Все невероятные происшествия этого дня умудрились уложиться часов в пять, не больше. Так что можно спокойно погулять по городу, никуда особо не торопясь.

Мне действительно следовало всё обдумать. Я любила Семёнова, что тут скрывать. И даже больше. Я к нему привыкла. Его коварный план сработал. Теперь мне трудно было представить жизнь без него. Но меня пугали две вещи. Первая – что он будет волочиться за каждой красивой юбкой. А он будет. Сегодняшний день показал, чего стоят все его заверения в абсолютной верности. Вторая – это его работа. То есть

наша общая работа, выполняя которую, он лезет под пули в прямом и переносном смысле. Причем лезет с тем же энтузиазмом и увлечением, с каким незнакомый опер пересказывал подробности операции. И рано или поздно он эту пулю словит. И как я тогда буду жить без него?

Может, имеет смысл закончить всё сейчас, пока мы ещё не зашли слишком далеко в наших нелёгких отношениях?

Я могла бы сказать, что, как в сонете Шекспира, решила примерно следующее:

Оставь меня, но не в последний миг,
Когда от мелких бед я ослабею.
Оставь сейчас, чтоб сразу я постиг,
Что это горе всех невзгод больнее.

Хотя по здравом размышлении выглядело моё поведение, как «уйти без шапки в ночь холодную».

– Знаешь, Арина, я же чувствую все твои незамысловатые эмоции, – я вздрогнула и обернулась. Семёнов брёл позади. – И ревность твою, и страх. И отчаяние это беспросветное. Не надо, Ариш. Давай не будем всё усложнять.

– Давай, – тяжело вздохнула я и приготовилась к самому страшному.

– Афанасьева, стой! – рыкнул Семёнов. – Я догадываюсь, что ты сейчас собираешься мне сказать. Поэтому прошу, сначала хорошо подумай! Обратного пути не будет!

– Да, – согласилась я. – Обратной дороги нет.

– Афанасьева! – взвыл парень. – Я в твоей конторе на задании, ты не забыла? И моё задание – Копытин. Не у него же мне отчёты запрашивать. Кто, кроме его секретаря, может знать, чем он занимается в течение дня? Кто ему звонит? Кому он встречи назначает? Да, я с ней флиртую, врать не буду. Но эта дружба, в кавычках, нужна для того, чтобы собирать информацию, и не более.

– Ага, конечно! Может, и со мной ты тоже в кавычках спишь? Может, это тоже необходимо для дела?

– Афанасьева! Ну что за бред ты несёшь! Ты себя слышишь вообще?

Себя-то я слышала. Но совершенно не слышала того, что нам кричал мужик в полицейской форме. Он ещё и руками зачем-то махал. Станный какой-то! О! Да их тут несколько. И все что-то кричат нам.

И снова машут. Помахать им в ответ? Не стоит, наверное. Они агрессивные какие-то. В Москве вообще очень много агрессивных людей. Вот, например, эти двое, что бегут в нашу сторону. Рожи явно бандитские. И очень агрессивные.

Я ускорила шаг, чтобы побыстрее миновать странный переулок.

– Афанасьева, стой!

Меня дёрнули в сторону, затем раздались хлопки. Семёнов схватил меня, сжал в своих руках, а потом начал оседать на землю, увлекая за собой.

Мы лежали на холодном асфальте. Точнее, Семёнов на асфальте, а я на Семёнове. Он крепко стискивал меня, не давая подняться. Затем хватка ослабела, он расцепил руки.

– Ариш, лежи спокойно и не дергайся, – тихо произнёс парень.

Я чуть приподняла голову, вгляделась в его лицо. Он был белый. Как бумага. Губы болезненно кривились. Я испуганно скатилась с него.

– Лежи, кому сказал! – прошипел он.

Прошлась взглядом по его телу. Вроде цел. Но что там увидишь под этой курткой! С ним точно что-то не так. Сунула руку ему за пазуху. Провела по груди. Всё в порядке. Что с тобой, Семёнов? Почему ты покрылся испариной? И колотит тебя так почему? Опустила руку ближе к спине. Ткань намокла. Пропиталась чем-то и отсырела. Вытащила руку и вскрикнула.

– Лёшенька, миленький, только не умирай! Не умирай, пожалуйста!

– Не дождёшься! – сквозь сжатые зубы.

Семёнова знобило. Я, не вставая с асфальта, кое-как стянула с себя пальто. Трясущимися руками накрыла парня.

– Вы тут как? – над нами возвышался полицейский. – Все живы?

– Нет! – я вскочила и показала рукой на бледного неподвижного Семёнова. – Он ранен! Он умирает! Помогите, пожалуйста. Сделайте что-нибудь!

Мужчина хмуро кивнул и крикнул кому-то:

– Вызывай «скорую». Гражданского зацепило.

– Он не гражданский! Он из полиции! – прокричала я следом, в надежде, что это как-то ускорит процесс спасения моего Семёнова.

Потом обратилась к стоявшему рядом полицейскому: – Удостоверение в куртке, но я не хочу его тревожить. Вдруг он от этого...

И тут я разрыдалась.

– Успокойтесь, девушка, «скорая» уже едет. И не нужна мне его ксива. Какая разница, из полиции он или нет. Жить-то всем одинаково хочется. Не плачьте. Спасём вашего парня.

– Жениха, – прохрипел неугомонный Семёнов.

– Ну, раз жениха, тогда тем более спасём, – авторитетно заявил полицейский. – Ещё на свадьбе вашей погуляем. Непонятно только, жених, какого ... тебя под пули понесло? Мы вам в шесть глоток орали, чтобы вы убирались к... Ты помалкивай. Это был риторический вопрос.

Семёнов понятливо моргнул.

К тому моменту, когда приехала «скорая», Семёнов уже отключился. Я стояла рядом с ним на коленях и выла от безнадёжности. Я понятия не имела, как ему помочь. На врача надо было учиться! Сейчас бы знала, что делать.

Люди, которые учились на врачей, закинули моего жениха в карету «скорой помощи». Я влезла туда же. Забилась в угол, чтобы не мешать. Когда прозвучало название больницы, в которую собирались везти Семёнова, встряла в разговор. Назвала адрес ведомственной больницы Управления. Кто-то из врачей присвистнул и поторопил водителя.

Глава 11

Всё только начинается

Я уже третий час сидела в больничном коридоре, сжимая руками гудящую от безостановочных рыданий голову. После того как Семёнова увезли в операционную, позвонила его маме и сообщила о случившемся. Та запаниковала, понятное дело. Пришлось успокаивать её и врать, что всё не так страшно, как кажется на первый взгляд, хотя на самом деле всё было гораздо хуже.

– Вы Арина? – неожиданно прозвучал вопрос.

Подняла глаза. Напротив меня стоял немолодой мужчина. Статусный, собранный, деловой. Я не знала его, но он одним своим видом будил во мне идеального сотрудника. Хотелось встать по стойке смирно и отчитаться о результатах работы. Большой начальник, одним словом.

– Да, – ещё кивнула, вдруг не расслышал.

– Маша! – позвал он супругу. – Иди сюда, я нашёл её.

Мама Семёнова оказалась приятной ухоженной женщиной. Ухоженный вид, правда, несколько портили дрожащие губы и поплывшая тушь. Через пару часов вся эта тушь будет на щеках и подбородке. Как у меня.

С Марией Аркадьевной мы поняли друг друга без слов. Кинулись обниматься и дружно разревелись. Папа Семёнова – Пётр Алексеевич – прижал нас к груди, положил руки на плечи.

– Ну всё, девочки, всё, – успокаивал нас мужчина. – Что же вы его хороните раньше времени?

Мы с Марией Аркадьевной синхронно вздрогнули.

– Ты, Петя, совсем больной, да? – злым шёпотом поинтересовалась женщина, отстраняясь от меня и мужа и вытирая щёки. – Зачем говоришь такое?

Вот это мне знакомо! Сработаемся! Однозначно.

– Как это произошло? – спросил у меня Семёнов-старший.

– Я тебе скажу как! – неожиданно вскинулась Мария Аркадьевна. – Это всё его проклятая работа! Я чувствовала, сердцем чувствовала: рано или поздно что-то такое случится! Сколько раз

просила тебя поговорить с ним по-мужски, убедить, чтобы он нашёл нормальную работу. С его-то образованием, с твоими связями. Но нет! Он же у нас взрослый. Самостоятельный. Он сам должен прокладывать свой путь. Вот, посмотри на плоды этой самостоятельности! – женщина обличительным жестом указала на дверь операционной. – Вот куда привёл его этот путь! А всего этого могло бы не быть, если бы ты хоть иногда вспоминал о чём-то, кроме своей работы. О том, что у тебя есть семья! Есть сын!

Мария Аркадьевна снова разрыдалась.

– Это не из-за работы, – вступилась я за Петра Алексеевича, который был совершенно ни в чём не виноват. – Это из-за меня. Лёша меня от пули закрыл. Собой.

Мои плечи затряслись, как у Марии Аркадьевны.

– Ах да, вы же работаете вместе. Алёша рассказывал. Но это ничего не меняет, – категорично отрезала она.

Видимо, обвинять мужа во всех бедах давно вошло у неё в привычку.

– Меняет. Мы в тот момент не на работе были. На улице. Гуляли. И ругааались, – последнее слово потонуло во всхлипах. – А там какая-то спецоперация была. Бандитов ловили. Но мы так ругались, что ничего не заметили. А потом он упал...

– Господи! – ахнула Мария Аркадьевна.

Я уткнулась лицом в ладони.

Через какое-то время успокоилась. Зашла в туалет. Смыла с лица грязные потёки. Потом выбралась на улицу. Мне нужно было немного пройтись. Спотыкаясь, я медленно брела в сторону Старбакса, выкуривая на ходу одну сигарету за другой. В кофейне купила кофе на вынос.

– Не знаю, какой вы любите, – сказала, протягивая кофе родителям Семёнова. – Взяла сезонный латте.

– Спасибо, Арина, – поблагодарила женщина.

Мужчина кивнул.

Мы так и сидели втроём, держа в руках остывающие стаканы. Кофе никто из нас даже не попробовал. Операция длилась шесть часов. Потом Семёнова перевели в реанимацию. Когда его выкатывали из операционной, Мария Аркадьевна схватилась за сердце. Я тоже стояла, прижав руки к груди, с тоской и болью глядя на своего жениха.

Семёнов был невероятно бледен. На осунувшемся лице я не видела ни одного признака жизни. Единственным таким признаком было то, что открыто именно лицо, а не голые ступни. И это, безусловно, хороший знак.

Когда каталку увезли, Пётр Алексеевич ушёл общаться с врачами. Вернулся через полчаса.

– Состояние тяжёлое, но стабильное, – сказал он. – Врачи говорят, самое страшное позади. Несколько дней Алешу продержат в реанимации, потом переведут в палату. И можно будет его навестить. А теперь поехали домой. Арина, мы подвезём вас.

После того как Семёнова перевели в обычную, то есть не совсем обычную, а повышенной комфортности, палату, мы с Марией Аркадьевной взяли отпуска и организовали сначала совместное, а затем посменное дежурство у кровати больного. В таком дежурстве особой необходимости не было. Родители наняли Семёнову сиделку, но именно меня он просил о всяких мелочах. Воды там подать, апельсином накормить, книжку почитать.

Вначале было приятно. Потом не очень. На исходе второй недели я приходила домой и молотила подушку кулаками. Семёнов оказался очень капризным пациентом. И все его капризы почему-то доставались мне одной. То питьевая вода слишком холодная – нет, горячая – нет, противно тёплая. То из окна дует – закрой, нет, душно – открой, нет, снова закрой. То яблоко плохо очищено, шкурка в зубах застревает. То читаю я слишком быстро, слишком медленно, слишком громко, слишком тихо, слишком невнятно. То ему хочется сладкого, то солёного. В общем, понятно, каково мне было.

Как-то раз пришла пораньше и застала врачебный обход.

– Алексей, вы сегодня ещё не вставали? – поинтересовалась дама в больничной униформе.

– А разве ему можно? – удивилась я.

– Нужно, – уверенно сообщила врач. – Кроме того, он уже свободно передвигается по палате. Так ведь, Алексей?

– И давно? – я упёрла руки в бока и скосила глаза на мнимого больного.

Женщина, поняв, что выдала страшную тайну, промолчала. Семёнов ответил широкой невинной улыбкой.

– Мне так нравится, как ты за мной ухаживаешь, Ариша, – промурлыкал он. – Хотелось продлить этот приятный момент.

– Убью, – пообещала я. – Вот как только вернёмся домой, так сразу и убью.

Семёнова отпустили домой с большой неохотой. И дело вовсе не в состоянии здоровья. На нём, как я поняла, всё заживает как на собаке. Дело в том, что этот пронырливый тип умудрился обаять весь женский персонал: врачей, медсестёр, санитарок. Да его провожать полбольницы вышло!

– Господи, что же это такое! – возмущалась я, вытаскивая из карманов его одежды, которую собиралась положить в стирку, очередную записку с именем и номером телефона. – В трусы они тебе ничего не напихали?

Семёнов, лёжа на диване, приподнял резинку плавок, внимательно изучил содержимое, затем разочарованно развёл руками.

– Ну, хоть это радует! И ведь ни капли стыда! Они же отлично видели, что я к тебе каждый день таскаюсь. Но нет! Это их не остановило. Кого и когда это останавливало? И что самое поразительное, ни капли женской гордости! Вот как так можно?

– Ариш, ну не кипятись. Я не виноват! Честное слово! И потом, вся та женская гордость, похоже, тебе одной досталась.

– Ага. Пока они в очереди за наглостью стояли, – возмущённо шипела я.

– Да не нужны мне все эти маши, тани, лены! Самая желанная добыча – та, за которой приходится погоняться. А я за тобой три, нет, четыре месяца гонялся. Все лапы стёр. И если бы не совместные операции, до сих пор бы круги нарезал, воя на луну. Так что успокойся. Ложись лучше рядышком. Телевизор вместе посмотрим.

– А швы не разойдутся?

– От телевизора? – засмеялся Семёнов. – Не должны. Не переживай. Но если очень беспокоишься, можешь телевизор сверху смотреть.

После выписки из больницы Семёнов засел дома. И от безделья, похоже, сходил с ума, названивая мне каждый час и интересуясь делами. В какой-то момент я не выдержала и нахамила ему.

– Что, уже раздражает? – ехидно поинтересовался Ринат.

Тому, по причине ранения Семёнова, передали вести его участок. Теперь Ринат редко сидел в Управлении. Я же регулярно исчезала из конторы по первому его зову.

В конторе произошли некоторые изменения. Практически незаметные для окружающих, но приятные для меня. То есть они, конечно, были бы приятными, если бы не случившийся с Катей кошмар. Мне отдали её должность. Поэтому «приятное» событие, кроме чувства горечи, ничего не вызывало. Мы с Семёновым даже отмечать его не стали.

Должность, по сути, была номинальная. В подчинении у меня, кроме Костика, никого не имелось. Отчитывалась я перед вице-президентом напрямую, хотя никаких отчётов от меня он не требовал. Господин Копытин сделал глубокий реверанс в сторону Управления. Оставил меня в штате и дал возможность работать на благо государства. Это породило волну слухов определённого толка. Моя персона стала хедлайнером офисных сплетен, отодвинув Ларочку на второе место. Что неудивительно. Какая-то замухрышка умудрилась увести у неё двух мужчин одновременно. Такое ещё никому не удавалось.

Что касается Кати, то до объективного и беспристрастного суда она не дождалась. Астральные твари, лишённые возможности свободно питаться живыми людьми, покинули её тело. Второй раз она умерла на третьей неделе ареста.

Как-то так вышло, что родных и друзей у Кати не оказалось. Муж, живший по поддельным документам, умудрился улизнуть от оперативников Управления и теперь значился в федеральном и международном розыске. Захар Матвеевич не сомневался, что кукловодом является именно он.

В общем, единственным близким человеком у Кати была я. Я и занималась её похоронами. Мне до сих пор тяжело вспоминать, как опускался в промёрзшую тёмную яму гроб с Катиным телом. Как давило на голову хмурое зимнее небо, которое вдруг разродилось дождём со снегом. Как два комка земли ударились о крышку гроба и рассыпались, скатившись по лощёным бокам. За меня и за Семёнова, который сам не мог приехать проститься с Катей. Как, игнорируя раздражение сотрудников похоронной конторы, я долго возилась у свежей могилы, пытаясь пристроить два венка возле деревянного

креста с Катиной фотографией. Я продрогла до самых костей в своём демисезонном пальто, и замёрзшие руки плохо слушались меня.

Я бы стёрла эти воспоминания из своей памяти, если бы умела.

– Ну, так что там у вас с Семёновым? – настойчивый наглый голос выдернул меня в мир живых.

Ринат мне не нравился. И эта антипатия оказалась взаимной, что, однако, не мешало нам продуктивно работать в паре. С ним было спокойнее, чем с Семёновым. Он старался лишний раз не задевать меня, я – его. Всеми силами мы сохраняли хрупкий нейтралитет.

Мои способности стали понемногу проявлять себя. После последнего нападения Кати и пережитого из-за ранения Семёнова шока я стала видеть окружающий мир так, как видела его до этого только в специальных очках. Не всё время, к счастью. Но способность эта проявлялась, как только в ней была необходимость. Чем Ринат и пользовался, таская меня с собой повсюду. Отказать ему я не могла. Договор с Управлением был в силе. Но тем не менее требовалось свести такие вот выезды к минимуму. У меня же основная работа есть. Об этом я собиралась поговорить с Захаром Матвеевичем. Но не сегодня. Позже.

– Нет, не раздражает, – ответила я, немного подумав. – Бесит временами, но это нормальное состояние.

Ринат хмыкнул.

– Чё тогда не женитесь?

– Советуешь сделать ему предложение? Подожди, я ещё кольцо не выбрала. Может, ты мне поможешь? Какого размера бриллианты предпочитает Семёнов? Ты его дольше знаешь.

Парень хохотнул и больше не приставал с дурацкими вопросами.

Мне, может быть, тоже интересно, почему мы не женимся. К слову, с разговорами о браке Семёнов ко мне ни разу не подкатывал. Тот случай, когда его ранили, не в счёт. Очевидно же, человек был не в себе. Разве я могла воспользоваться его невменяемым состоянием?

После злополучного ранения все мысли о том, что нам необходимо расстаться, попросту испарились из моего сознания. Как выяснилось, погибнуть от шальной пули можно не только при исполнении служебного долга. Неважно, какой срок нам отмерила судьба, всё это время я хочу прожить бок о бок со своим Семёновым. А с ревностью уж как-нибудь совладаю.

С его родителями у меня был полный контакт. Особенно с мамой, но это и неудивительно. Мы с ней вместе дежурили возле него в первые дни, когда он только приходил в себя. Такие вещи сближают. Пётр Алексеевич, узнав о моих трудностях в конторе, предложил несколько вариантов на выбор: работать в его компании, от чего я сразу отказалась, или ещё в паре мест, которые возглавляли его старые друзья. Я обещала подумать.

– Ты же в курсе, что Алексей увольняется? – поинтересовался Костик во время первого утреннего перекура.

Он единственный не бойкотировал меня и составлял компанию на обеде и в курилке, пока Семёнов прохлаждался на больничном.

– Какой Алексей? – не поняла я.

– Твой Алексей. Который Семёнов. Или у тебя другие есть?

– Нет. Только он. Подожди. Как увольняется? Почему?

Я опешила от подобной новости. Семёнов и словом не обмолвился.

– Хотел у тебя узнать. Слышал, он вчера заявление подал. Он, конечно, не очень долго проработал у нас, но след оставил. Хороший парень. Жаль, что уходит.

Я отправила Костика работать, а сама схватилась за телефон. Смысл манипуляций Семёнова был мне непонятен. С чего вдруг он решил бросить работу и поднадзорного ведуна? И почему мне не рассказал? Может, он и меня тоже собирается бросить? Я настолько допекла его своей ревностью, что он благоразумно решил найти более адекватный вариант? Так, Арина, возьми себя в руки и не паникуй раньше времени.

– Лёшенька, привет, – нежно пропела в ответ на хриплое карканье. Похоже, Лёшенька спал, и я его только что разбудила. А ничего, что на часах одиннадцать? – Мне тут странную новость сообщили. Пугающую.

– Какую новость? – спросонья Семёнов плохо ориентировался в обстановке. – Арина, не тани, выкладывай свои пугающие новости.

– Почему ты увольняешься? И почему я узнаю об этом от других людей?

Парень протяжно зевнул.

– Так я сюрприз собирался сделать.

– Сюрприз удался. Хотелось бы разобраться в причинах.

– Да в чём тут разбираться? Тебе же не нравятся мои методы ведения полевой работы. И я, к слову, прекрасно тебя понимаю. Мне бы тоже не понравилось, что ты кого-то очаровываешь в служебных целях. Ну я и заявил самоотвод в связи с тем, что такая работа противоречит моим убеждениям и наносит непоправимый урон моему моральному облику. Разлагает, так сказать. Руководство с моими доводами согласилось и довольно быстро нашло замену. Теперь Ларису будет другой опер охмурять.

Я потрясённо молчала. Ради меня Семёнов уволился с работы?!

– Арина, алё, ты чего примолкла? Ты ещё тут?

– Тут я, тут. Перевариваю услышанное.

– Ладно, переваривай. Ты скоро домой вернёшься? – а затем последовало жалостливое: – Я соскучился!

– Какое «скоро»? Солнце только встало. Рабочий день в самом разгаре.

В трубке раздался печальный вздох. Мне тут же захотелось наплевать на работу и помчаться к моему Семёнову. Но пришлось задавить малодушные желания в зародыше и вернуться к выполнению непосредственных обязанностей. Но после работы сразу домой. Надо будет торт купить и бутылку красного. Отметим радостное событие.

В половине шестого на телефон пришло сообщение от Захара Матвеевича. Ведун просил заехать в Управление после работы. Ну почему именно сегодня? Другого дня не нашлось, что ли?

В шесть вечера в расстроенных чувствах я направилась в Управление. Празднование увольнения моего парня откладывалось на неопределённый срок.

Я робко открыла дверь кабинета, где обитал Захар Матвеевич, и заглянула внутрь, прежде чем войти. Кроме ведуна, в помещении находился ещё один сотрудник, которого мне сегодня по причине приподнятого настроения совершенно не хотелось видеть, – Ринат.

– Ариночка, – искренне обрадовался моему появлению Захар Матвеевич, – проходите, присаживайтесь, рассказывайте, как поживаете.

– Да вроде ничего так поживаю, не жалуюсь.

– Ну и чудненько.

– Вы вызывали меня, Захар Матвеевич. Что-то случилось?

– Ничего не случилось, Арина, не переживайте. Спасибо, что так быстро приехали.

– Ну что вы, мне несложно, – соврала я.

– Начну с новости о муже вашей подружки. Поддельный паспорт Жбанова Романа Владимировича всплыл в Нижнем Новгороде. Его принесли в отделение полиции ответственные граждане. Похоже, он его выкинул. Или потерял. Я доложил тамошнему начальству суть проблемы, они обещали заняться поиском Жбанова. Так что ждём результатов.

Я кивнула. Хотя, полагаю, на моём лице отразились сомнения в том, что Нижегородское Управление пошевелит хотя бы пальцем до тех пор, пока у них не заведётся пиявка, аналогичная нашей.

Стоило ради этого меня вызывать? Мог бы по телефону сообщить. Начальник уловил скепсис в моём взгляде.

– Думаю, нам стоит немного погостить в Нижнем. Как вы относитесь к командировкам?

Я пожала плечами. К командировкам я относилась лояльно. Детей у меня не было. Живности тоже, если не считать таковой Семёнова. Но он в состоянии о себе позаботиться в моё отсутствие.

– Если Копытин отпустит, я согласна.

– Я так и думал. И это подводит нас к следующему моменту, который я планировал обсудить с вами. У нас появилась штатная единица по вашему профилю. Нынешнему профилю, учитывая отсутствие у вас необходимого образования для полноценной ведовской практики. Должность вакантна. Но это ненадолго, сами понимаете.

– Но я же не умею ничего! Вы же знаете, что учёба платная, а у меня лишних денег не бывает в принципе.

– А от вас никто и не требует особых навыков. Достаточно уже имеющихся способностей. К тому же вы делаете успехи. Что касается образования, то для сотрудников Управления оно бесплатное. Поступите на вечернее отделение. Так как?

Что-то подсказывает мне, штатная единица для необученной ведьмы появилась с подачи Захара Матвеевича.

– Хм. Спасибо за предложение, Захар Матвеевич. Оно весьма заманчиво. Вот только смущает один момент: работа, которую вы предлагаете, несовместима с жизнью.

– Не стоит драматизировать.

– Даже не думала. За последние пару месяцев я трижды была на грани жизни и смерти. Боюсь, приняв ваше предложение, перейду эту тонкую грань уже окончательно.

– Арина, то, что произошло с вами – чистая случайность, не более. Как правило, такие происшествия – большая редкость. Если пожелаете, будете работать в паре с Алексеем. Вы неплохо сработались. Да и он за вами присмотрит, подстрахует.

– Нет! – закричала я так, что Ринат уронил кружку. – С кем угодно, только не с Семёновым! Он точно меня угробит!

– Ладно. С напарником определимся позже. Но в остальном вы согласны?

Я задумалась. В целом та работа, которую предлагает ведун, куда как интересней моей нынешней. Кроме того, я получу возможность выучиться и стать полноценной ведьмой. Правда, что это значит, мне пока не очень ясно. Но в любом случае скучно не будет. Да и зарплата выше, чем в конторе. Разве от таких предложений отказываются?

– Кажется... Наверное... Да. Согласна.

– Что ж, очень рад. Приходите завтра к девяти. Отдел кадров подготовит необходимые документы. Напишите заявление, и добро пожаловать в команду.

– Так у меня ещё двухнедельная отработка в конторе. Вряд ли меня завтра же отпустят на все четыре стороны.

– Эту проблему мы как-нибудь решим.

Всё-таки от совместной работы с Семёновым не отвертеться. Видимо, это судьба. Главное, чтобы он не решил, что я его преследую. Из ревности.

Семёнов как чувствовал, что о нём думают. Нарисовался в кабинете.

– Разве ты не должен меня дома ждать? – поинтересовалась я у парня.

– Так я увидел, что ты в Управление поехала. Решил совместить приятное с полезным.

– Как ты мог это увидеть? – спросила я, недоумеваю.

– Да очень просто. Я на твой телефон следилку установил, чтобы контролировать твои перемещения.

– Семёнов! Ты обалдел? Какая следилка? Как ты вообще до такого додумался?

Я в бешенстве вскочила со стула. Поведение парня не вписывалось ни в какие рамки. И это меня он обвиняет в беспочвенной ревности? А сам до чего дошёл! Может, ещё ошейник на меня нацепит, на котором выгравировует контактные данные владельца? Так, телефон придётся сменить. По-хорошему, следовало бы и сожителя сменить, ибо нынешний проявил себя с неожиданной стороны. Но я пока не готова к столь решительному шагу.

– Очень просто додумался. Я, между прочим, за тебя переживаю. У тебя удивительная способность влипать в неприятности.

– Так ты сам меня в эти неприятности и втягиваешь! С завидным постоянством.

Затем обернулась к ведуну, который с нескрываемым интересом следил за нашей перепалкой:

– Захар Матвеевич, я с этим психом работать не буду! Лучше уж с Ринатом.

Ринат поперхнулся и сделал ведуну страшные глаза, присовокупив к этому молитвенно сложенные руки. Перспектива постоянной работы со мной его не вдохновила.

– Разберёмся, – ответил ведун и подпёр подбородок кулаком, ожидая продолжения представления.

Семёнов осмотрелся и торжественно возвестил:

– Коллеги, я, собственно, почему зашёл. Хочу пригласить вас на свадьбу.

Какая свадьба? С кем? А как же я?

– Свадьба – это хорошо. Нашёл, наконец, нормальную бабу? – язвительно поинтересовался Ринат. – Поздравляю! А я-то боялся, что тебя эта ведьма приворожила. Какое облегчение узнать, что ты ещё не совсем потерян для общества.

У меня подкосились ноги, и я плюхнулась обратно на стул. Я была убита неожиданным известием и не могла внятно сформулировать всё, что думала в тот момент о Семёнове. Как он умудрился вести двойную жизнь за моей спиной? Кто эта загадочная невеста? Точно не я. Мне он предложение так и не сделал. И уже не сделает.

Надо выбираться на воздух. Душно здесь очень. Даже голова закружилась. Да, срочно на улицу. Обдумаю всё по дороге домой. А

что ждёт меня дома? Пустая квартира, из которой Семёнов уже вывез все свои вещи? И как я теперь буду жить без него? Как вообще жить после такого предательства? Проще добрести до Крымского моста – и в воду. Так, Арина, соберись! Не вздумай расклеиваться! Только не здесь, не перед Ринатом и не перед этим двуличным лицемерным подлецом. Доберёшься до дома, а там хоть об стену головой бейся. Но как? Как он мог так поступить? И это после всего, что мы пережили вместе! В голове не укладывается!

– Афанасьева, ты чего? – дёрнулся Семёнов, ощутив тот заряд сконцентрированной ненависти, который я мысленно швырнула в него. Ещё хотелось плюнуть в лицо, но вряд ли бы удалось попасть.

С трудом поднялась, опираясь на спинку стула. Главное, не смотреть ему в глаза, а то сорвусь и разревусь в голос. Но нет, я ему такой радости не доставлю. Пусть думает, что мне всё равно, что он мне безразличен. Да, именно, безразличен. Чужой человек.

– Афанасьева, стой! То есть сядь! – командирским голосом гаркнул парень, и я против воли подчинилась.

Семёнов подошёл к моему стулу, с кряхтением и стонами опустил на одно колено. Протянул обитую чёрным бархатом коробочку.

– Драгоценная моя Афанасьева, ты станешь моей женой?

Кажется, у меня округлились глаза и некрасиво отвисла челюсть. Не осознавая до конца происходящее, открыла коробочку. Достала кольцо. Из жёлтого золота. С крупным бриллиантом, который держала в раззявленной пасти змея, свернувшая ровным кругом хвост так, чтобы туда можно было просунуть палец. Золотая змея с маленькими, злобно прищуренными красными глазками.

– Семенов, ты больной, да?! – возмущенно выпалила я, чувствуя себя униженной и оскорблённой подобным сравнением и пережитыми недавно эмоциями.

– Вы слышали? – Семёнов восторженно оглянулся на своих коллег. – Вы это слышали? Она сказала «ДА»!!!

Примечания

Вера Полозкова. «Это мир заменяемых».

Группа «Ленинград».

Мультфильм «Масяня».

Группа «Ленинград».

Мультфильм «Масяня».

Группа «Ленинград».

Дана Сидерос.

Сомерсет Моэм. «Театр».

«Не бойся, милая». Сурганова и оркестр.

«Жаворонок, славный жаворонок / Жаворонок, я тебя ощиплю. Я тебе ощиплю голову. И голову! И голову! Жаворонок! Жаворонок! Я тебе ощиплю клюв. И клюв! И голову! Жаворонок!» – канадская народная песенка на французском языке.

Господи всемогущий! Жаворонок!

Диана Арбенина. «А я слушаю Тома Йорка».